

16+

Сергей Катканов

Рыцари былого и грядущего

Том III

Сергей Катканов

**Рыцари былого и
грядущего. III том**

«Автор»

2015

Катканов С. Ю.

Рыцари былого и грядущего. III том / С. Ю. Катканов — «Автор»,
2015

Насколько справедливы были обвинения в адрес средневековых тамплиеров? Они действительно отрекались от Христа или, напротив, были лучшими христианами своего времени? Как тамплиерам удалось спастись и почему они оказались именно в Эфиопии? Существовало ли легендарное царство пресвитера Иоанна? Всё это вам станет известно в перерывах между сражениями. Повествование выходит за рамки современности и продолжается в последние времена. Маршал Ордена Храма Андрей Сиверцев участвует в последних боях мировой истории.

© Катканов С. Ю., 2015

© Автор, 2015

Сергей Катканов

Рыцари былого и грядущего. III том

Для того, чтобы завоевать Святую Землю, нужны
прежде всего три вещи: мудрость, сила и милосердие.
Раймунд Луллий (начало XIV в.)

Мы не должны выдавать другим за верное то, что
существует в нашем воображении и не должны
покрывать сомнительного мраком своих догадок.
Гвиберт Ножанский (ок. 1124 г.)

Книга первая Ангел Ордена

Опус первый. Руад

Галеры крестоносцев с хорошей ровной скоростью рассекали серую морскую гладь. Ноябрьское небо хмурилось, но стоял штиль, и посреди водной пустыни каждый звук раздавался гулко и веско. Ритмичные, жёсткие всплески вёсел, гортанные выкрики моряков, отдававших команды, лязг рыцарских доспехов, которые сержанты приводили в порядок – всё это создавало у юного тамплиера Анри де Монтобана ощущение мощного, неудержимого движения, которому ничто в мире не может воспрепятствовать.

Анри стоял на носу тамплиерской галеры и, как замороженный, смотрел на белые буруны, рождавшиеся там, где форштевень рассекал воду. Душу его наполнял мрачный холодный восторг. Возвращаются времена великого Годфрида Бульонского. Новый крестовый поход захлестнёт Святую Землю. А он, рыцарь Храма Анри де Монтобан, молод, силен и смел. На ветру развеивается новенький белый плащ, полученный им всего месяц назад. Крестовый поход станет его судьбой. Закончились годы прозябания на Кипре. Галеры крестоносцев держат курс на тамплиерскую Тортозу.

– Шёл бы ты в трюм, Анри. Ноябрьский морской ветер очень коварен. Неужели ты хочешь прибыть на Святую Землю весь в соплях, чихая и кашляя, как дряхлый старик?

Обернувшись, Анри по-детски виновато улыбнулся. Перед ним стоял командор Арман де Ливрон – плотный мужчина лет 50-и, с короткой седеющей бородой, с неизменной ироничной улыбкой на тонких губах. Арман полжизни воевал плечом к плечу с отцом Анри и по привычке опекал юного рыцаря, как сына.

– Я не простыну, мессир. Скажите, когда мы будем в Тортозе?

– Ты простынешь, Анри. В Тортозе мы будем через сутки, – де Ливрон положил руку на плечо юноши и с шутливой грубостью увлек его в трюм.

Здесь они расположились в крошечной каюте, больше напоминавшей конское стойло. Анри обрадовался возможности поговорить с командором по душам.

– Надеюсь, мессир, в бою вы не будете меня так опекать?

– Ну что ты, сынок. В бою я с удовольствием позволю тебе погибнуть. Но не до боя же. Это было бы смешно, – де Ливрон хлопнул себя ладонями по коленям и жизнерадостно расхохотался.

Анри взглянул на кисти рук командора. Пальцы тонкие и длинные, словно он всю жизнь упражнялся в игре на лютне, но это были железные пальцы, казалось, он может вонзить их в противника, как орёл свои когти. Таков был де Ливрон – элегантный и сильный, утончён-

ный и хищный, заботливый и безжалостный. Юный рыцарь не усомнился – командор даст ему погибнуть, беречь не станет, а до тех пор постарается заменить ему няньку.

– А как по-вашему, мессир, когда мы вступим в Иерусалим?

– К Рождеству или никогда.

– «Никогда» не может быть, мессир, – Анри плотно сжал губы. – Мы войдём в Иерусалим.

– Может быть всё, дорогой Анри. Без Газана мы не сможем двигаться вглубь Святой Земли, а Газан или придёт, или не придёт.

– Но разве сами крестоносцы не смогут взять Иерусалим?

– Не смогут. Кто думает иначе, тот ничего не понимает.

– Да у нас одних только рыцарей-тамплиеров – 120 человек! Да 400 сержантов! Да 500 лучников! А у сеньора Амори Тирского, брата короля Кипра, сил ещё больше! И у братьев госпитальеров силы тоже немалые.

– Ну, да. Всего, в лучшем случае, тысяч пять. Какой тут штурм Иерусалима? Тортозу не смогли бы взять, если бы она не была разрушена. Газан, если придёт, ещё и обидится, что союзники выступили силами столь ничтожными.

– А кто он такой, этот Газан, о котором столько разговоров?

– Монгольский хан Персии. Некоторое время назад монголы завоевали Персию, которой теперь правят, и Газан у них главный.

– Он, по крайней мере, христианин?

– Нет... Есть у них в войске христиане, однако, еретики, в основном же монголы – язычники. Недавно многие из них приняли ислам, но мусульмане из этой пёстрой орды такие же, как и христиане, то есть никакие.

– Ничего не понимаю. Почему же они идут с нами против своих?

– Да потому что нет у них «своих». Монголы никогда не сражались за веру. Это просто хищники – молодые, сильные, ненасытные. Захватили уже полмира, но им никогда не будет достаточно. Захватывают, всё, что могут, а что не могут – всё равно пытаются. В прошлом году Газан разбил каирских мамелюков при Хомсе, но на преследование у него силёнок не хватило. Убрался к себе в Тебриз и обещал вернуться в будущем ноябре, то есть сейчас. Хочет взять Каир и полностью разгромить мамелюков, но его армии не хватит на гарнизоны для Палестины. Вот Газан и обратился к христианским государям – обещал отдать нам всю Святую Землю в границах времён Готфрида Бульонского. Имея за спиной крестоносцев в качестве союзников, Газан сможет спокойно заняться Египтом. А вера его никогда особо не интересовала. У монголов в традиции очень спокойное отношение к любым религиям.

Анри долго и растерянно молчал, видимо, не имея сил переварить то, что узнал. Потом неуверенно начал:

– Мессир, я, наверное, многого не понимаю... Но хорошо ли крестоносцам иметь союзником этого непонятного Газана?

– Плохо. Иметь такого союзника, как Газан, очень плохо. Ещё во времена Бейбарса, с полвека назад, монголы предлагали союз крестоносцам. Знаешь, что тогда ответили тамплиеры? «Если придут монгольские черти, они найдут слуг Христовых готовыми к бою». А теперь эти «черти» – наш последний шанс закрепиться на Святой Земле.

– Но Европа! Государя Европы могут выставить армию куда побольше монгольской!

– Да неужели ты до сих пор не понял, что Европе наплевать на Святую Землю? При европейских дворах будут бесконечно рассуждать о перспективах нового крестового похода, потому что им нравится поговорить на эту тему, но до дела они не дойдут никогда. Только если мы войдём в Иерусалим, Европа, может быть, и соберёт хоть какое-нибудь ополчение.

– И тогда Святая Земля вновь станет нашей.

– Тогда начнётся война с Газаном. Это сейчас мы ему нужны, но укрепления крестоносцев в Палестине хан не потерпит.

– Мессир, всё это выше моего понимания.

– Постепенно ты всё поймёшь.

– Я рыцарь, а не политик.

– Ты ещё не знаешь, кто ты. Ты не знаешь, кем я прикажу тебе стать. Но я прикажу, и ты *не* станешь.

У Анри мороз пробежал по коже, когда он увидел, как изменилось лицо командора де Ливрона – жёсткая, непреклонная воля сверкала в его глазах, и ещё он почувствовал в них глубину – бездонную и непостижимую. Впрочем, уже через несколько мгновений в глазах у Армана, всегда такого иронично-элегантного, вновь заплясали весёлые искорки. Он бросил взгляд на проходившего мимо них пожилого рыцаря и едва ли не игриво спросил его:

– А как ты считаешь, брат Филипп, скоро ли мы будем в Иерусалиме? Молодёжь желает знать.

– Молодёжь... Крестовый поход детей... Эти мальчики ничего не могут знать, – прохрипел рыцарь с лицом иссечённым шрамами.

– Эти мальчики скоро станут или мертвецами, или мужчинами.

– Вот тогда всё и узнают. Особенно, если станут мертвецами.

Перед ними лежал маленький песчаный островок – заброшенный, никому не нужный. Лишь несколько убогих рыбацких хижин скрашивали пейзаж, да полуразвалившаяся каменная постройка в центре острова.

– Это и есть Святая Земля? – разочарованно спросил Анри.

– Это остров Руад. Отсюда до Святой Земли ещё пара миль, – спокойно ответил Арман.

– Тот самый остров Руад, который римский папа особой буллой подарил Ордену Храма? Я представлял себе что-то похожее на Кипр, пусть даже и поменьше Кипра раз в десять, но всё-таки... А это же просто песчаная отмель.

– Именно так, – улыбнулся Арман.

Крестоносцы начали разгрузку. Матросы и сержанты с ящиками и тюками бегали взад-вперёд, рыцари с суровыми лицами осматривались и отдавали распоряжения, командоры в сторонке совещались о том, кто какое место займёт, порою весьма оживлённо размахивая руками. Вся эта суэта захватила Анри, не давая возможности ни о чём задуматься, и он был даже рад этому. Думать не хотелось, в душе поселилась тоска, и любая мысль могла лишь усилить её.

Почему так плохо на душе? Сначала де Ливрон наговорил много непонятного и какого-то нерыцарского, а теперь этот жалкий островок, где они устраиваются как будто лишь потому, что ни на какую иную землю не имеют права. Разгрузка закончилась, поставили шатры, Анри захотел побыть один. Он пошёл на берег и долго напряжённо всматривался вдаль, стараясь различить в морской дымке полоску Святой Земли. Кажется, что-то такое угадывалось... Святая Земля была мечтой всей его недолгой жизни.

Анри вырос на Кипре, его отец был рыцарем. Всю жизнь отец сражался на Святой Земле, и уже пожилым перебрался на Кипр, только тогда и женился, так что Анри был поздним ребёнком. Старейший отец рассказывал ему о схватках с сарацинами, и ещё в детстве Анри твёрдо знал, что эти схватки – его будущие. Это даже не обсуждалось, просто иначе и быть не могло.

Ему было 9 лет, когда пришёл роковой 1291 год. Героически сражавшаяся Акра в конечном итоге пала, и падение её было ужасным. На Кипр пришло несколько галер с тяжело ранеными рыцарями и сержантами, а так же женщинами и детьми, скованными ужасом. Моряки с этих галер, крепкие и здоровые мужчины, ходили по улицам, не смея поднять глаза. Им никто не задавал вопросов. Кипр был в шоке.

Постепенно гражданские беженцы со Святой Земли свили себе гнёзда на Кипре, раненные рыцари либо умерли, либо выздоровели, франки-киприоты смирились с потерей Палестины, жизнь большого острова пошла своим чередом. Лишь изредка недавняя трагедия давала о себе знать, словно плохо зажившая рана.

Однажды маленький Анри, проходя по улице, увидел группу сержантов, один из которых громко и хвастливо описывал свои подвиги во время обороны Акры. Анри остановился неподалёку, стараясь ловить каждое слово. Мимо проходил рыцарь-тамплиер с лицом иссечённым шрамами. Услышав болтовню хвастливого сержанта, он подошёл к нему и нанёс страшный удар по лицу кулаком в кольчужной рукавице, после чего, не говоря ни слова, пошёл дальше. Анри был потрясён этой сценой. Он как-то сразу и на всю жизнь понял разницу между настоящим героизмом и фальшивкой.

Мальчик всегда знал, что это его война, и она ещё отнюдь не закончена. Они обязательно вернутся на Святую Землю, и разобьют сарацин в страшной битве, и победителями войдут в Иерусалим. Надо только подрасти, а пока Арни не выпускал из рук учебного оружия и радовался любой возможности поговорить с отцом о Святой Земле.

Отец так никогда и не простил себе того, что не погиб в Акре в 1291 году, находясь тогда на Кипре. Он часто кричал во сне: «Все – к башне святого Николая!.. Магистр тамплиеров пал... не отступать... не отдавать башню...». И другое в том же роде. Анри всегда просыпался при первых же ночных выкриках отца и не позволял себе спать, пока отец не успокаивался. Как-то он спросил отца:

- Тамплиеры были лучшими рыцарями Святой Земли?
- Да, сынок, они были лучшими. Стать настоящим тамплиером очень трудно, но для рыцаря нет чести выше. Я, например, никогда не считал себя достойным этой чести.
- Что надо сделать, чтобы стать тамплиером?
- Отдать всю свою душу без остатка Христу и Святой Земле. Ты хочешь вступить в Орден Храма?
- Ни о чём другом и думать не могу.
- Я поговорю с моим другом Арманом. Он – настоящий тамплиер, он испытает тебя.

В 13 лет Анри стал послушником Ордена, в 16 – сержантом. Его душа никогда не знала никаких желаний и стремлений, кроме освобождения Святой Земли. Наконец свершилось: осенью 1300 года Орден Храма приступил к подготовке экспедиции на Святую Землю. Восемнадцатилетнего сержанта Анри де Монтобана сразу же посвятили в рыцари.

И вот он в белом плаще с красным крестом стоит на песчаном берегу Руада и пытается увидеть Святую Землю. И душа его наполнена тоской. Что же не так? Де Ливрон по большому счёту не сказал ничего страшного. Просто Анри всю жизнь готовил себя к бою, а не к политическим интригам, слушать о которых было неприятно, но ведь он же понимает, что политика тоже нужна. Островок этот жалок и убог, но ведь это лишь порог Святой Земли, всё самое главное – впереди. Так что же всё-таки не так? Постепенно Анри понял, что гнетёт его душу. Он не чувствует в их крестоносном воинстве энергии священного порыва, он не видит в братьях-крестоносцах подлинного христианского воодушевления. В их глазах нет мечты о Святой Земле. Все такие деловитые, как будто пришли на рынок за овощами. А может так и надо? Война – работа, и делать её надо спокойно и хладнокровно. Но есть ли тогда на войне место таким мечтателям, как он?

Пришла ночь, Анри сам напросился в дозор. Спать ему совершенно не хотелось, к тому же дозорный уже выполняет боевую задачу, к чему он с таким нетерпением стремился. Что если на Руад ночью тихо и незаметно высадится сарацинский десант, и враги начнут резать

сонных крестоносцев? Если Анри уснёт в дозоре, это вполне может случиться, но Анри не уснёт. Неторопливыми шагами он мерил доверенную ему полоску берега и до боли в глазах всматривался в темноту, пытаясь уловить в ней намёк на движение. Не думал, что это так утомительно. Все крупные камни на берегу пересчитаны уже по многу раз, осталось лишь пересчитать каждую песчинку. Что это? Один из камней, кажется, изменил расположение. От усталости мерещится начинает? Но лучше проверить.

Проверять не пришлось, «камень» встал в полный рост и, обернувшись сарацином, тут же обнажил саблю и бросился на Анри. Рыцарь мгновенно выхватил меч и успешно отбил несколько первых ударов. Учителя всегда хвалили его реакцию, теперь похвалят бдительность, когда он принесёт им голову этого сарацина. Анри сделал несколько выпадов, но сарацин их так же отбил. Проверив друг у друга надёжность обороны, противники теперь кружились, словно в боевом танце. Ни один из них не имел склонности без толку размахивать заточенным железом, лёгкие намёки на возможные движения были способом найти слабое место противника и воспользоваться им на раз. Анри не проронил ни звука, сарацин что-то шептал на своём сарацинском наречии. Наконец, рыцарь сделал выпад, как ему казалось, идеально рассчитанный, и... непостижимым образом тут же оказался лицом в песке, а на спину ему давила тяжёлая нога. «Господи, прими мою душу», – легко прошептал Анри и приготовился принять смертельный удар. «Рано, сынок, успеешь ещё умереть», – так же легко прошептал у него над ухом голос Армана де Ливрона.

Нога исчезла с его спины. Анри перевернулся на спину и сел на песке. Ему показалось, что он сошёл с ума. Лицо, которое он видел перед собой, являло нечто среднее между лицом Амана и сарацина-противника.

– Да я это, я, – усмехнулся де Ливрон. – Извини за маскарад.

– Зачем вы так, мессир?

– А как вас ещё учить, желторотых? За бдительность хвалю, и реакция у тебя отменная, некоторые удары тоже были весьма недурными. Но будь я настоящим сарацином, ты был бы уже мёртв, хотя не это главное. Главное в том, что тот сарацин беспрепятственно проник бы в лагерь, и вряд ли он сделал бы это в одиночку. По твоей вине сейчас уже резали бы сонных рыцарей. Ты понял, в чём твоя главная ошибка?

– Не подал сигнал тревоги...

– Вот именно. Решил доблесть свою показать, в одиночку с противником управиться. Да ты пока ещё никто против сарацина с реальным боевым опытом.

– Виноват... Значит, вы специально переоделись сарацином, чтобы меня проверить?

– Слишком много было бы чести для тебя. Мы решили послать на материк разведку, посмотреть, что там, да как. Вот я и принял ради этого вражье обличье, а так же не отказал себе в удовольствии детишек попугать.

– Но голос, мессир... Я слышал голос настоящего сарацина.

– Конечно, слышал, – прошепел Арман тем самым сарацинским голосом.

В декабре 1300 года крестоносцы высадились на материк в районе Тортозы. Регулярные мамелюкские силы, разбитые Газаном год назад, так и не были восстановлены, Палестина до сей поры оставалась без хозяина, высадке крестоносцев никто не препятствовал.

Тамплиеры сходили на берег, который покинули без малого 10 лет назад. Никто не говорил ни слова, никто не радовался. Лица храмовников были суровыми и скорбными, у многих слёзы текли по щекам, несколько рыцарей, едва вступив на берег, упали на колени и безмолвно молились, глядя куда-то в сторону Иерусалима.

Анри был потрясён, дыхание перехватило, он едва сдерживал рыдания. До глубины души ощутив скорбный дух невесёлого возвращения, он, наконец, почувствовал себя в родственной атмосфере. Анри всегда ощущал себя сгустком крестоносной скорби об утрате Святой Земли, он был порождением этой скорби и сейчас испытывал переживания несколько не менее сильные, чем седые тамплиеры, некогда покидавшие эту землю с разорванными сердцами.

Что есть крестовый поход? Кто видел слёзы суровых рыцарей, кто знал эти слёзы, тот никогда не задаст такой вопрос. В этот миг они были настоящими крестоносцами, то есть людьми, чьи сердца пылают любовью, а любовь в мире войны никогда не дарит радости.

Вот она, Святая Земля, у них под ногами. Но она по-прежнему им не принадлежит, и все это понимают. Что надо сделать для того, чтобы Господь вернул им эту землю? Десять лет назад они ничего не смогли сделать. А что изменилось?

После падения Акры тамплиеры оставили Тортозу без боя, потому что не было ни малейшего смысла удерживать её. Сарацины разрушили тамплиерскую твердыню, впрочем, поленились скрыть её до основания. И сейчас тамплиеры так же без боя входили в руины, ставшие обиталищем змей и скорпионов.

Арман пропадал неизвестно где, а потому Анри держался Филиппа де Шапрея, того самого, который ещё на корабле столь презрительно отозвался о «крестовом походе детей». Юный рыцарь вполне понимал, что может нарваться на новые оскорбления со стороны не особо вежливого Шапрея, но сейчас он хотел быть рядом с опытным храмовником.

«Здесь были казармы сержантов... здесь – кельи рыцарей...» – ронял себе под нос Филипп, ни к кому не обращаясь. Они прыгали с камня на камень, ежеминутно рискуя сломать ногу посреди чудовищных завалов. Не везде смогли пробраться, да и не ставили такой задачи. Неожиданно Филипп внимательно посмотрел в глаза Анри и доверительно сказал: «Пойдём в храм, помолимся».

В храме всё оказалось на удивление целым, никаких следов сознательного осквернения. Всю церковную утварь тамплиеры, конечно вывезли, покидая Тортозу. Каменный куб престола стоял необлачённый, непривычно было видеть его таким, но грязи на нём не было. Филипп и Анри встали перед престолом на колени, молились молча каждый о своём. Потом Филипп встал и, обращаясь к Анри, так же поднявшемуся, начал быстро шептать:

– В 91-м, когда судьба Акры уже висела на волоске, командор послал меня с последней галерой на Кипр. Они все погибли, и я должен был погибнуть вместе с ними, но я жив. Хотя, не уверен. Мне кажется, моя душа умерла ещё тогда, под камнями Акры. Видел ли ты когда-нибудь как сражаются мёртвые рыцари? Скоро увидишь.

Глаза Филиппа де Шапрея вдруг стали жалобно-больными, как у побитого пса. Анри подумал, что Филипп безумен, но юноша преклонялся перед безумием этого старика, душа которого умерла вместе с боевыми товарищами уже так давно. Почему он вдруг решил распахнуть перед мальчишкой свою мёртвую душу? Наверное, потому что рядом больше никого не было. Или он вообще разговаривал не с Анри. Может быть – с ангелом смерти. Для мёртвого рыцаря не имело значения то, что у ангела оказалось лицо случайного мальчишки.

– Мы вернём Святую Землю, брат Филипп, – тихо прошептал Анри.

– О нет, мы ничего не вернём. Мы не имеем права владеть Святой Землёй... Мы снюхались с безбожным Газаном. Мы больше не надеемся на Бога, и Бог больше не надеется на нас. Как заслужить хорошую смерть? Ты не знаешь? Я устал быть мёртвым. Я хочу к магистру де Боже, потому что он жив, и рядом с ним – жизнь.

Маршал Ордена Храма Бартоломе де Кинси, осматривая руины Тортозы, обратил внимание на то, что видит вокруг себя только белые плащи своих тамплиеров. Где же остальные

рыцари? Покинув руины, маршал увидел, что киприоты и госпитальеры не решились войти в Тортозу. Он обратился к Амори Тирскому, брату короля Кипра:

– Ваше высочество, в руинах крепости можно устроиться куда удобнее, чем на голой земле, некоторые помещения хорошо сохранились.

– Тортоза принадлежит Ордену Храма. Мы не можем без приглашения хозяев вступить в её пределы.

Маршал благодарно посмотрел на Амори и, поклонившись, сказал:

– Тамплиеры приглашают всех благородных рыцарей воспользоваться гостеприимством Тортозы.

Начались кровавые набеги крестоносцев на окрестные селения. Налетая на мирных мусульман, они убивали всех, кто поднимал оружие, остальных брали в плен, с тем, чтобы потом продать на невольничьих рынках Кипра, а селения сжигали. Анри работал так же, как и все – безжалостно и хладнокровно. Это была именно работа – очень утомительная, совершенно неопасная и чрезвычайно грязная. Его сердце не сильно содрогалось от мысли о том, что их разбойничьи набеги мало напоминают священную войну, и пока они принесли на Святую Землю только горе и слёзы, даже не вспоминая о высоких целях похода. После разговора с де Шапреем в душе Анри что-то оборвалось, он обострённо чувствовал, что их экспедиция уже провалилась. Не тот был дух у воинства Христова, не тот, чтобы побеждать, а значит уже ничто не имеет значения. Вопросы, однако, накапливались, и он решил задать их маршалу Храма Бартоломе де Кинси:

– Мессир, мне не вполне понятно, зачем нужны эти разбойничьи набеги? Ведь на нас никто не нападает, и мы могли бы спокойно дожидаться Газана.

– Деньги, юноша. За невольников на рынках Кипра мы получаем очень хорошие деньги. Крестовый поход должен сам себя финансировать.

– Не припомню, чтобы я вступал в гильдию работоторговцев. Но раз уж нам не известны другие способы зарабатывать деньги, значит, ничего не поделаешь. Только я вот ещё что не понимаю: если мы хотим владеть этой землёй, то неужели нам безразлично, что нас здесь все ненавидят? По белому плащу с красным крестом здесь ещё долго будут узнавать охотника за рабами.

Анри говорил очень устало, без гнева и возмущения, казалось, ему безразличны ответы на те вопросы, которые он почему-то вынужден задавать. Маршал почувствовал состояние юного рыцаря и счёл за благо не обижаться на его хамство:

– На восточной войне не бывает мирного населения. Когда мы начнём продвигаться вглубь Святой Земли, каждый ребёнок, каждая женщина постараются всадить нам в спину нож. Сегодня нам спокойнее иметь у себя за спиной выжженную землю. А какие последствия это будет иметь завтра... узнаем, если доживём. Скажи прямо, ты не хочешь участвовать на набегах?

– Нет, я не против. Чем я лучше других? Я только думаю, что все мы прокляты.

Маршал достал два больших серебряных кубка, нацедил в них вина из бурдюка, и, протянув один из кубков Анри, грустно сказал: «Давай выпьем».

Прошло несколько недель на материке. Появился Арман де Ливрон. Он бегло бросил Анри:

– Встречался с Кутлуг-ханом, начальником монгольского авангарда. Узнал от него, что Газан не придёт, во всяком случае, в этом году.

– И что теперь?

– Теперь решение примут предводители похода.

Арман резко зашагал к шатру, где собрались магистр госпитальеров, маршал тамплиеров и Амори Тирский. Через час все они вышли из шатра с удручёнными лицами. Арман, теперь уже вразвалочку, подошёл к Анри.

– Рыцари Амори и госпитальеры возвращаются на Кипр. Тамплиеры – на Руад. Мы будем ждать Газана ещё год.

Анри молча кивнул, на его лице не дрогнул ни один мускул. И наградил же его Господь такой чувствительной натурой. За месяц на Святой Земле он не повзрослел ни на один день, а состарился лет на двадцать. Арман о чём-то задумался, потом хотел что-то сказать своему юному другу, но в этот момент к ним подошёл Филипп де Шапрей.

– Я ухожу, брат Арман, – грустно улыбнувшись, сказал Филипп.

– Решил покинуть Орден? – равнодушно спросил де Ливрон.

– Ты прекрасно знаешь, Арман, что Орден покинуть невозможно.

– Значит, собрался к магистру де Боже...

– Так точно.

– Пойдёшь на Иерусалим?

– Нет, я не достоин. Пойду на Акру.

С каждой репликой этого странного разговора в душе Анри всё больше разгоралось ясное, светлое пламя. Он как-то весь ожил, словно его незримым крылом коснулся ангел Ордена. Вот они – великие души простых храмовников, вот он – подлинный крестовый поход. Ради того, чтобы это почувствовать, он и прибыл на Святую Землю.

Филипп обнял на прощание Армана, хотел уже идти, но, помолчав, решил добавить:

– Кольчугу и шлем я оставил, они мне больше не нужны. Беру только меч и кинжал. Думаю, что несколько сарацин отправлю в мир иной, пока они меня не прикончат. До встречи у де Боже.

– Передавай магистру привет.

– Обязательно. Он будет рад. Ты всегда был его любимчиком, Арман, – Филипп неожиданно рассмеялся, жизнерадостно и грубо. Трудно было поверить, что он умеет смеяться.

Филипп подошёл к Анри, молча обнял его и хорошо улыбнулся. Потом вскочил на коня и начал стремительно удаляться. Его белоснежный плащ красиво развевался на ветру.

– Я с ним! – радостно воскликнул Анри и побежал к коню.

– Стоять! – резко оборвал его де Ливрон.

– Я хочу погибнуть вместе с братом Филиппом в последнем бою!

– Ты ещё не заслужил такую смерть. Филипп выстрадал свой личный крестовый поход. А ты? Кто ты такой на сегодня, чтобы удостоиться равной с ним чести?

– А когда я стану лучше, чем сегодня? Охота за рабами делает меня достойным хорошей смерти?

– Успокойся, сынок. Эти набеги – судороги отчаянья, припадки проигравших. Но Орден вечен. И крестовый поход – вечен. Мы с тобой ещё отправимся в свой поход и завершим его в Небесном Иерусалиме. Всё самое главное будет не здесь и не сейчас. Где и когда – не скажу, потому что сейчас ты не сможешь понять, но готовь свою душу к немыслимому, невероятному, невозможному. Всё ещё будет, Анри.

Вот уже год тамплиеры жили на Руаде. Укрепляли цитадель и по-прежнему совершали набеги на материк. Анри втянулся к эту жизнь, по-видимому, совершенно бессмысленную. Несколько раз они столкнулись под Тортозой с довольно крупными мамелюкскими разъездами, схватки были жаркими, тамплиеры вышли победителями. Анри сражался отчаянно, как и подобает настоящему тамплиеру, но на рождён не лез, сохраняя хладнокровие. Все приказы выполнял неукоснительно. Он чувствовал, что и маршал, и братья теперь относятся к нему, как к полноценному боевому товарищу. Это, конечно, его радовало, но он понимал, что это не главное, а что главное – по-прежнему оставалось неизвестно.

После того судьбоносного разговора с де Ливроном, после того, как брат Филипп ушёл в свой личный крестовый поход, Анри твёрдо знал, что ему ещё предстоит раскрыть высший смысл своей судьбы. Их поход провалился окончательно, теперь это уже все понимали – и через год Газан так же не пришёл, и Европа не прислала войско, видимо, вообще не желая думать о судьбе последнего форпоста крестоносцев на Святой Земле. Всеми забытые и преданные тамплиеры продолжали вгрызаться в полоску берега, теперь уже сами не понимая, зачем они это делают. Но Анри не сомневался – что-то такое произойдёт, после чего смысл происходящего начнёт проясняться. Он верил Богу и знал, что Господь не творит бессмыслицы. Он был уверен, что Бог подарит ему настоящий крестовый поход, надо только заслужить.

С Арманом они говорили редко. Анри чувствовал, что ему не стоит задавать лишние вопросы. Знакомый с детства дядя Арман стал загадочным и таинственным. Он имел звание командора, но рыцарями не командовал и было непонятно, кем он вообще руководит. Время он времени он неожиданно исчезал, а потом столь же неожиданно появлялся, кажется, встречался с кем-то, но с кем и зачем – спрашивать было бесполезно, а иногда он сам об этом рассказывал, словно не имел никаких секретов. Арман явно знал об их положении больше всех, возможно – больше, чем маршал. Иногда казалось, что ему хорошо известно не только настоящее, но и будущее.

Тамплиерские набеги на материк всё больше и больше раздражали мамелюков. Султан почти не контролировал Палестину и тем не менее, не мог слишком долго терпеть это осиное гнездо на Руаде. Главной проблемой мамелюков было отсутствие флота, море контролировали крестоносцы, а потому выкурить тамплиеров с Руады было не так-то легко, но, достаточно разозлившись, султан решил эту проблему.

Галеры крестоносцев постоянно курсировали между Руадом и Кипром. Мамелюки дождались, когда они уйдут на Кипр, и тогда к Руаду подошёл кое-как собранный султанский флот из 16-и кораблей. Тамплиеры, на тот момент имея лишь несколько лодок, не могли принять морской бой, не могли эвакуироваться. Они оказались в ловушке, блокированные мамелюкскими силами, которые превосходили их раз в десять.

С кораблей на остров пошли десятки лодок с отборными головорезами. У кромки моря выстроились тамплиеры-арбалетчики. Едва первые лодки оказались на расстоянии выстрела, в них полетели тучи болтов. Многие мамелюки упали в воду, многие скорчились от боли. Лодки продолжали двигаться к острову, хотя после второго залпа в них осталось не более половины воинов. На третий залп у тамплиеров уже не хватило времени. Арбалетчики быстро исчезли с берега, и тогда мамелюки, выпрыгивая в воду, увидели цепочку рыцарей в белых плащах с обнажёнными мечами. Бой завязался по колено в воде, мамелюки падали один за другим и вскоре из первого эшелона десанта в живых не осталось ни одного человека. Но рыцари не получили передышки, на них тут же хлынул второй эшелон десанта – свежий, не отведавший града арбалетных болтов.

Рыцарей оттеснили от моря уже метров на десять, тамплиеры дрались отчаянно, но численное превосходство мамелюков было слишком велико, казалось, белые плащи вот-вот дрогнут. Тогда маршал де Кинси ввёл в бой последний резерв – тяжело вооружённых сержантов. Просочившись сквозь рыцарей, сержанты со свежими силами набросились на мамелюков, дав рыцарям передышку. Тамплиерская линия обороны сразу же стабилизировалась, а вскоре мамелюков начали теснить в море. Большинство из них было перебито, но многие успели заскочить в лодки и поплыли обратно к кораблям.

120 рыцарей и 400 сержантов сумели отбить атаку не менее, чем двух тысяч мамелюков, но победа досталась тамплиерам не дёшево – десятка два рыцарей были убиты, примерно столько же – тяжело ранены, из сержантов выбили добрую сотню, почти все оставшиеся в строю были ранены.

Де Ливрон подошёл к маршалу и жёстко бросил:

– Сейчас будет второй натиск.

– Не думаю, что они сегодня ещё сунутся. Мы основательно их потрепали.

– Они нас тоже. При этом на кораблях ещё несколько тысяч свежих, не участвовавших в бою воинов. Это десантные корабли, Бартоломе, они набиты мамелюками до отказа. Если у их эмира есть хоть капля здравого смысла, вторая атака последует не позднее, чем через час.

– В любом случае, мы должны убрать убитых, заняться ранеными.

– Да, конечно. Только с берега никого не отпускай и скажи, чтобы не расслаблялись, возможно, бой на сегодня ещё не закончен. А ещё мне не нравятся вот эти скалы.

– Чем они тебе плохи?

– Там вполне могла закрепиться не одна сотня мамелюков. В горячке боя мы могли и внимания не обратить, что не все лодки плывут на нас, если часть ушла в скалы... отсюда их не видно, зато с моря они хорошо видны.

– Ну так прикажи проверить, – раздражённо бросил маршал. Ему явно не хотелось думать о том, что бой сейчас может продолжиться.

Проверить не успели, на них уже шла лавина лодок.

– К бою! – заорал де Ливрон. – Арбалетчики – на позицию!

К чести арбалетчиков надо сказать, что они отреагировали мгновенно, сразу же выстроившись вдоль кромки моря с заряженными арбалетами. Ещё пара минут, лодки подойдут ближе, и последует залп. Но залпа не последовало. Из-за скал, которые так не нравились де Ливрону, на стрелков выскочила сотня мамелюков, и сразу же всё смешалось. Арбалетчики были готовы к чему угодно, только не к отражению сабельной атаки. На помощь им поспешили рыцари и сержанты, на некоторое время все забыли про лодки, а когда вспомнили, было уже поздно. Свежие мамелюкские воины выпрыгивали в воду у берега.

Весь берег погрузился в хаос совершенно беспорядочного боя. Тамплиеров спасла привычка действовать самостоятельно, без приказов. Тамплиер не бежит, оставшись один посреди врагов. Тамплиеры вообще никогда не бегут, у каждого – личная честь, и жизнью они жертвуют скорее, чем честью. Но тамплиеров теснили. Силы мамелюков были свежими, высадка на берег беспрепятственной, а численное преимущество многократным. Вскоре бой кипел уже в сотне метров от берега. Теснимые тамплиеры жёстко держали оборону, так ни один и не победил, энергия мамелюкского наступления выдохлась, бой заглот сам собой, враги с обнажённым оружием понемногу отхлынули друг от друга. Горсть тамплиеров так и не удалось сломить, но берег остался за мамелюками.

Командор де Ливрон поискал глазами маршала де Кинси и, не обнаружив его среди живых, скомандовал: «Отходим в цитадель».

Анри получил лишь две незначительные раны: рассекли кожу на голове и, проколов кольчугу, заделали бок. Он сам себя перебинтовал и больше не вспоминал о ранах, потому что не чувствовал боли. Юный рыцарь испытывал такой прилив энергии, какого не знал никогда в жизни. Он получил, наконец, настоящее боевое крещение в серьёзной схватке. Теперь он тамплиер не только по названию.

С первой же минуты боя он почувствовал себя в родной стихии, всё было так, как он себе и представлял. Это редко случается, то, о чём долго мечтаешь, когда приходит, обычно оказывается не таким, как о нём думал. Однако, чувствительность Анри позволила ему по рассказам бывалых рыцарей и по собственному незначительному опыту довольно точно воспроизвести в душе подлинную атмосферу реального боя.

Юноша многое чувствовал наперёд. Что же он чувствовал теперь? Это конец – безнадёжный и бесповоротный. Но на душе у него было даже лучше, чем в начале похода. Окончательный крах их предприятия не отзывался в нём трагедией. Он, напротив, чувствовал близость выхода на новую дорогу, которая всё прояснит.

Рыцари собрались в самом большом помещении цитадели. Их осталось на ногах не больше 50-и, и всё-таки здесь было очень тесно. Из всех углов неслись выкрики: «Сделаем вылазку и сбросим их в море», «Отобьёмся, устоим, еды здесь достаточно», «Скоро подойдёт подкрепление с Кипра, сарацинам конец». Анри было неловко наблюдать за этими припадками оптимизма. Конечно, хорошо, что ребята держаться, не теряют присутствия духа, но они обманывают себя, не хотят посмотреть правде в глаза, а это уже плохо. От оптимизма, построенного на самообмане, в одну минуту ничего не останется. Почему мальчишка 19-и лет понимал это лучше, чем поседевшие в боях тамплиеры? Ему и самому это было странно, но он умел чувствовать правду и безошибочно определял фальшь.

Наконец раздался звучный голос де Ливрона:

– Кто-нибудь видел, что случилось с маршалом де Кинси?

Ему ответили сразу несколько голосов:

– Маршал получил удар в горло.

– Я тоже это видел.

– Маршал мёртв. С такими ранами не живут.

Де Ливрон продолжил:

– Мы должны решить, кто примет командование.

– Уж только не ты, де Ливрон, – раздражённо буркнул командор Гуго д'Эмпуриас.

– А разве я претендую? – усмехнулся Арман.

– Да уж видно, что претендуешь, – не унимался д'Эмпуриас. – Но тебе никто не доверится. Ты вообще больше похож на сарацина, чем на тамплиера.

– Ах, милый Гуго, сказал бы я тебе, на кого похож ты, но не хочу отвлекать на пустяки внимание благородных братьев, – Арман насмешливо, иронично и весело посмотрел на спорщика.

Гуго почему-то смутился под этим весёлым взглядом, но Арман явно не желал продолжать перепалку. Неловкую паузу разрядил выкрик:

– Главным должен быть командор Гуго д'Эмпуриас.

Это предложение поддержали несколько голосов, очень неуверенных, но других предложений не последовало.

– Я не хочу командовать, – важно начал Гуго. – Мне это не надо. Но если братья доверяют мне...

– Доверяем, – опять раздалось несколько неуверенных голосов, и ни одного возражения.

– Тогда я буду вынужден временно принять на себя обязанности маршала, неожиданно окрепшим голосом заключил Гуго. – И вот что я вам скажу. Сейчас никаких решений при-

нимать не будем. Всем отдыхать. Поутру сарацины, вероятнее всего, предложат переговоры. Послушаем, что они скажут, и тогда подумаем.

Анри не проронил ни звука. Он чувствовал, к чему всё идёт, но так же, как и де Ливрон, не желал этому препятствовать.

Рано утром дозорные доложили, что под стенами цитадели – сарацинское посольство, прибывшее для переговоров. Все рыцари вышли на стены.

– Доблестных тамплиеров приветствует эмир Измаил, – на чистом лингва-франка крикнул разодетый в шелка мамелюк.

– И мы приветствуем тебя, Гийом, – крикнул де Ливрон «эмиру Измаилу». – Хорошо ли идут дела у султана? Здоровы ли его жёны?

– Хвала Аллаху, – рассмеялся Гийом-Измаил. – Дела султана так же прекрасны, как и его жёны. А ты всё такой же насмешник, Арман?

– Я неисправим, ты же знаешь.

– Конечно знаю, Арман. У нас ещё будет время обо всём поговорить. Пошутим, посмеёмся, вспомним старые добрые времена. Я ведь пришёл с предложением мира.

– Каковы условия сдачи? – неожиданно грубо крикнул Гуго д'Эмпуриас.

– О, Гуго! И ты здесь? Как приятно вести переговоры с друзьями! Условия – самые почётные. Вы покидаете цитадель при оружии и со знаменами, мы доставляем вас в любую христианскую страну на наших кораблях. Только не на Кипр, конечно, нас там не любят, – рассмеялся «эмир Измаил». – Хотите – в Армению? Вас там хорошо встретят.

– Какие гарантии? – опять нарочито грубо крикнул д'Эмпуриас.

– Спускайся, Гуго, поговорим. Зачем будем глотки надрывать? Спускайтесь вместе с Арманом.

Д'Эмпуриас зло глянул на де Ливрона, стоявшего на стене неподалёку от него. Арман смиренным голосом проговорил: «Не считаю себя достойным присутствовать при разговоре двух эмиров» и церемонно поклонился. Гуго заметно побледнел и стиснул зубы, но не сказал ни слова и сразу же размашистыми шагами удалился – пошёл на переговоры.

Новоиспечённый предводитель тамплиеров вернулся с переговоров через час и сразу же скомандовал: «Всем рыцарям собраться в большом зале».

Тамплиеры с удручёнными лицами потянулись в зал, Арман шепнул на ухо Анри: «Не пойдём туда, там будет скучно. Лучше уединимся, потом нам ещё долго не удастся поговорить с глазу на глаз». Анри кивнул. Они ушли в самый дальний угол цитадели, где их ни откуда не было видно.

– Ты уже понял, что сейчас будет? – спросил Арман.

– Позорная капитуляция, – ответил Анри.

– Рад, что ты избавил меня от необходимости делать предисловие.

– Но почему, мессир, мы не можем погибнуть в последнем бою без позора? – спокойно и печально спросил Анри.

– Да потому, что большинство наших братьев дорожат своими шкурами больше, чем белыми плащами, – так же спокойно и столь же печально ответил Арман.

– Вчера все наши держались прекрасно.

– На поле боя мы по-прежнему герои, но сейчас, когда Гуго выкручивает им мозги, никто не проявит достаточной твёрдости.

– Найдутся и стойкие.

– Их задавят криком.

– Но вы могли бы поддержать и возглавить последних стойких тамплиеров-смертников. Пусть бы Гуго вместе со слабаками лизал мамелюкам пятки, а мы уже сегодня отправились бы ко Христу и спасли бы честь Ордена, – Анри говорил всё спокойнее, он явно не пытался ни упрекнуть, ни убедить командора, хотел лишь понять смысл происходящего, да ведь за этим Арман и позвал его.

– Честь Ордена таким образом не спасти, – тяжело вздохнул де Ливрон. – Время героических подвигов для тамплиеров уже прошло. От нас сейчас потребуются совсем другие подвиги, тяжелее боевых

– Сейчас не время говорить загадками, мессир.

– Время разгадок так же не пришло, но некоторые тайны я должен раскрыть тебе уже сейчас. Помнишь испытание, которому тебя подвергли, когда принимали в Орден?

– Ещё бы... – усмехнулся Анри. – Я чуть не прирезал вас, мессир, когда вы предложили мне отречься от Христа.

– Как я любил тебя, мой мальчик, в тот миг, когда ты хотел меня прирезать... Ты с честью выдержал испытание и не отрёкся от Христа. Так вот: большинство из тех рыцарей, на которых сейчас насаждает Гуго, отреклись от Христа во время приёма в Орден. Они так и не узнали, что это было испытание, которого они не прошли. Зато мы узнали, что душонки у них гнилые. Не их ли мне сейчас прикажешь звать на подвиг?

– Гуго тоже из тех, кто отрёкся?

– Гуго сделал гораздо больше. Три года он провёл в плену в тюрьме Каира. Там он тайно принял ислам и поступил на секретную службу султана. Ему организовали побег, он вернулся в Орден, и вот сегодня его звёздный час – он должен доказать свою верность султану и сдать нас мамелюкам.

– А кто такой этот Гийом или Измаил?

– Такой же тамплиер – вероотступник, только служит султану открыто.

– Вы знаете такие вещи... Кто вы на самом деле, мессир?

– Руководитель секретной службы Ордена Храма. Сейчас не время рассказывать о нашей службе, потом ты всё узнаешь, потому что с этого момента рыцарь Анри де Монтобан является сотрудником секретной службы Ордена Храма.

– А моё согласие вас интересует?

– У тебя два варианта: либо выдать меня Гийому и Гуго, либо стать моим человеком.

– Вас не очень удивит, если я выберу второй вариант?

– Трепещу от восторга, сейчас заплачу. Итак, перейдём к тому, зачем я тебя позвал. Среди полусотни рыцарей, оставшихся на сегодня в живых, есть шестеро, которые, так же, как и ты, не отреклись от Христа при вступлении в Орден. Друг о друге они не знают, их список известен только мне. Но может наступить такой момент, когда они должны будут выступить, как сплочённая группа, поэтому, на случай моей гибели, кто-то ещё должен знать их имена. Запомни их твёрдо, повторю три раза.

Арман медленно, с расстановкой трижды повторил имена верных тамплиеров.

– А теперь, мой дорогой Анри, молись и готовься к тяжелейшим испытаниям плена.

– Значит, всё-таки плен...

– А ты думал, нас и правда отвезут в Армению? – Арман рассмеялся саркастическим шёпотом. – Предлагаю твёрдо усвоить: плен для нас – не конец, а начало больших дел. В плену тамплиер закаляется лучше, чем на поле боя, неволя высвечивает всю душу человека вплоть до самых потаённых уголков. Наша задача – с честью пройти это испытание и вернуться в Европу, которая, к слову сказать, тоже вскоре будет гореть у тамплиеров под ногами, как и Палестина. Вот тогда-то мы и должны будем спасти Орден. Все верные Христу рыцари, которые сегодня с нами, должны дожить до тех дней.

Анри медленно достал из ножен меч, поцеловал клинок и зарыл его в песок у стены: «Не хочу бросать меч к ногам этих подонков». Арман молча кивнул и последовал примеру юноши.

Едва тамплиеры, надеясь на почётную капитуляцию, покинули цитадель, мамелюки тут же окружили их плотным кольцом и предложили сдать оружие. «Делайте, как вам говорят», – крикнул Гуго д'Эмпуриас. Несколько рыцарей схватились за мечи, желая обрушить их на головы мамелюков, у смельчаков тут же повисли на руках и разоружили. Остальные обречённо побросали мечи на землю.

Так 26 сентября 1302 года бесславно закончился последний крестовый поход тамплиеров. Вереница рыцарей и сержантов со связанными за спиной руками потянулась к кораблям. В адрес Гуго д'Эмпуриаса неслись ужасающие проклятья. Впрочем, большинство храмовников молчали, растерянно и обречённо глядя себе под ноги.

Гуго, уже расставшийся с белым плащом, гарцевал рядом с Гийомом на хорошем жеребце. Арман весело крикнул ему:

– Как тебя теперь зовут, бывший Гуго?

– Мухаммад. Для тебя – господин Мухаммад, – криво улыбнулся «бывший Гуго».

– О, поздравляю. Надеюсь, ты не опозоришь своё новое имя так же, как ты опозорил старое. Очень за тебя переживаю.

Ответом командору был удар плёткой по лицу, на его щеке сразу же вздулся пунцовый след. Де Ливрон, продолжая улыбаться и глядя «Мухаммаду» прямо в глаза, что-то прошепел по-арабски. Предатель с ненавистью глянул на тамплиера и поскакал вперёд.

– Что вы сказали ему, мессир? – спросил Анри.

– Сказал, что если он ещё раз посмеет ударить меня, узнает вкус отравленного кофе.

– И каков этот вкус?

– В кофе обычно добавляют яд, имеющий вкус горького миндаля.

– И вы, действительно имеете возможность устроить так, чтобы он отведал этого напитка?

– Нет, конечно. Мои возможности так далеко не простираются. Но подлец испугался, очевидно подумал, что я могу быть тайным мусульманином и имею приказ следить за ним.

Арман и Анри весело рассмеялись. Пленные братья, не слышавшие их разговора, с недоумением поглядывали на рыцарей секретной службы Ордена Христа и Храма.

Боль Руада – вечная боль каждого христианина. Это наша война, и поражение в этой войне – наше поражение. Это вечная война, которую прекратит только второе пришествие Христово. Война с неверием, равнодушием, теплохладностью. Война с презрением ко всему возвышенному, духовному, небесному. Война, в которой мы проигрываем сражение за сражением, не теряя веры в победу.

Об этом думал рыцарь Ордена Христа и Храма Андрей Сиверцев, прочитав опус, который прислал ему московский друг Серёга. Андрей был благодарен Серёге за то, что он дал почувствовать боль Руада. Каждый тамплиер до скончания века обязан носить эту боль в своём сердце. Кроме того, блистательный Арман де Ливрон и его юный друг Анри де Монтобан, персонажи, безусловно, вымышленные, вселяли надежду, пробуждали бодрость, давали силы пережить вечный ужас Руада.

Впрочем, по поводу секретной службы Ордена и того, какую роль она играла во всех этих делах, Сиверцев ничего не понял. Дмитрий объяснил бы ему, но Дмитрия нет. И на плечах

самого Андрея теперь – бурый рыцарский плащ. Теперь он сам должен давать объяснения другим, а что он знает? Слава Богу, Серёга скоро приедет в «Секретум Темпли», и они обо всём поговорят. И Арман ещё обо всём расскажет юному Анри. Рыцарь никогда не останется без учителя, потому что Учитель рыцаря есть Христос.

Андрей мерил шагами свою рыцарскую келью, как в русском монастыре – белёные стены, сводчатые потолки. Ведь он не только рыцарь-тамплиер, но и русский православный монах. Эта келья словно чудом перенеслась сюда, в Эфиопию, из какой-нибудь подмосковной обители. Здесь ему было уютно. Узкая койка, небольшой дубовый письменный стол, так же дубовый шкафчик с самыми необходимыми книгами. Боёв в последнее время не было, и всё свободное от богослужений время Сиверцев посвящал книгам и размышлениям.

Почему всё-таки последний крестовый поход тамплиеров был таким жалким и убогим? Да потому что в начале XIV века Европу уже не интересовала Святая Земля. Англия разбиралась с Шотландией, Пиренейские государства – с маврами, Германия – с восточными территориями, а Франция – с хроническим безденежьем. Даже духовно-рыцарские ордена не очень скучали без Святой Земли. Тевтонцы нашли себе развлечение, завоёвывая Пруссию, госпитальеры вынашивали планы завоевания Родоса. Европейские монархи, бароны, кардиналы по-прежнему очень любили обсуждать планы отвоевания Гроба Господня, но никто всерьёз уже не хотел нового крестового похода на Святую Землю. И дело тут было вовсе не в территориальных и материальных проблемах, которые не пускали Европу в Палестину, а в том, что за 200 лет изменились сердца.

Рыцари Готфрида Бульонского не ждали, пока монархи обо всём договорятся, не обсуждали красивых планов, не ссылались на конфликты с соседями и отсутствие денег. Они рвались в Святую Землю без монархов, без планов, закладывая родовые замки и увлекая за собой соседей – вчерашних недругов. Их не надо было уговаривать и убеждать, их напротив невозможно было остановить и удержать. Тогда вся Европа вспыхнула пламенем веры, была охвачена единым порывом, испытав непреодолимое стремление освободить Иерусалим. Крестоносцы Готфрида Великого, пережив нечеловеческие страдания и лишения, совершили невозможное, сквозь ад земной прорвались ко Гробу Господню.

Европа пережила пик своей религиозности в XII веке, на этом максимальном духовном подъёме породив Орден тамплиеров. Но уже в XIII веке религиозная воодушевлённость Европы начала понемногу идти на спад, а к началу XIV века священный порыв почти иссяк, понемногу утопая в красивых словах. Европа плавно сползала в трясины «ренессанса» – возрождения языческого человекобожия, на знамёнах которого было начертано: «Мои желания – превыше всего». Конечно, Европа XIV века была неизмеримо религиознее нынешней, но уже недостаточно религиозна, духовна, для того, чтобы освободить Иерусалим.

А было ли возможно в 1300 году отвоевать Святую Землю с точки зрения наличия материальных ресурсов? Да, конечно. Если бы Европа дала всего лишь тысячу рыцарей (по несколько сот рыцарей от каждой страны), да по несколько тысяч крепких сержантов, а такую силу Европа могла выставить не сильно напрягаясь, без заметного ущерба для европейских дел – Святая Земля за месяц стала бы полностью христианской.

Военно-политическая ситуация на Ближнем Востоке была тогда максимально благоприятна для отвоевания Святой Земли. Мамелюки после разгрома, который устроил им Газан, почти не контролировали Палестину. Достаточно вспомнить, что малый отряд крестоносцев провёл в Тортозе, целый месяц не будучи потревоженным регулярной армией мамелюков. Если бы Европа дала хоть тысяч 15 войска, включая тысячу рыцарей, да если бы из Кипра выжать 7-8 тысяч, включая полтысячи рыцарей, а это было вполне реально, тогда после нескольких сраже-

ний среднего масштаба наши быстро заняли бы Триполи, Акру, Иерусалим и дюжину замков. И не надо было ради этого ждать Газана, не надо было в ноги кланяться «жёлтой угрозе». При этом Газан, узнав, что крестоносцы уже контролируют все ключевые точки Палестины, обязательно пришёл бы, и его надо было пропустить сквозь себя в Египет, как он и хотел, чтобы там мамелюки и монголы сожрали друг друга – и тем и другим надолго стало бы не до крестоносцев, которые могли тем временем отстроиться и укрепиться.

Но Европа не дала ни одного рыцаря. На Святую Землю пошёл только Кипр, и то далеко не исчерпав всех своих возможностей, выставивший жалкие силы, сами себя считающие способными лишь тащиться следом за монгольскими обозами.

А что же тамплиеры? Мог ли Орден тогда самостоятельно, без посторонней помощи, освободить Палестину? Путём напряжения всех сил – безусловно, мог. Простой факт: до 1291 года Орден тратил колоссальные средства на содержание боевых подразделений в Святой Земле, то есть после падения Акры храмовники оказались избавлены от огромных расходов, при этом ни по чему не похоже, что доходы Ордена снизились хоть на денье. На что же шли высвободившиеся средства? Вот ведь загадка. Если бы тамплиеры все эти годы откладывали средства, которые раньше тратили на Святую Землю, к 1300 году это было бы огромное состояние, достаточное, чтобы профинансировать полномасштабный крестовый поход. Так куда же они дели эти деньги? Как говорят коммерсанты: «Деньги – в деле. Свободных средств нет». Да, вероятнее всего, высвободившиеся средства ушли на развитие бизнеса в Европе, с утратой понимания того, зачем этот бизнес нужен.

Раньше Орден содержал в Святой Земле два боевых монастыря – 600 рыцарей и несколько тысяч сержантов. И доходы Ордена тогда не были выше, и расходы на содержание такого войска до последнего момента были вполне посильны для Ордена. Но в 1300 году Орден выставил лишь 120 рыцарей, всего около тысячи человек. Это же силы одного только Кипрского командорства, а и там-то их могло быть побольше. Похоже, что европейские отделения Ордена Храма считали этот поход делом одних только тамплиеров Кипра.

Говорят, что Орден Храма насчитывал тогда до 15 тысяч человек. Вероятнее всего, эта цифра сильно завышена, и тем не менее очевидно: Орден мог, как и встарь, выставить два боевых монастыря: 600 рыцарей и 2-3 тысячи сержантов. Этот железный кулак в той ситуации мог проломить себе дорогу до Иерусалима и войти в Святой Град, на тот момент фактически никому не принадлежавший. А если бы Европа узнала о том, что Иерусалим – в руках тамплиеров, эта весть, как искра, подожгла бы потухающую, но ещё далеко не потухшую Европу. В Европе собралось бы войско, которое поспешило бы на помощь тамплиерам.

Но Орден в 1300 году уже не мог сыграть роль искры, способной поджечь Европу. Орден не хотел напрягать Европу, потому что и сам уже не хотел напрягаться. Во главе Ордена стояли такие ничтожества, как Жак де Моле, Гуго де Пейро и прочие иерархи, чуть позже вполне доказавшие свою абсолютную ничтожность. И, как всякий народ достоин своих правителей, так и Орден, надо полагать, к началу XIV века был уже вполне достоин своих жалких иерархов. Орден Храма – дитя Европы. Духовно ослабла Европа – духовно ослаб Орден. Кроме того, Орден Храма, деморализованный потерей Святой Земли, духовно мог опуститься даже ниже среднеевропейского уровня. Вне всякого сомнения, к 1307 году в Ордене завелась гниль. Орден Храма ещё не был насквозь гнилым, но это ему уже грозило.

Был ли Орден Храма виновен в тех преступлениях, в которых его обвиняли? Рыцарь Храма Андрей Сиверцев, очевидно, должен был ответить на этот вопрос твёрдо и без тени сомнения: Орден ни в чём не был виновен, тамплиеров оклеветали, позарившись на их богатства и пытками добившись признательных показаний. А почему он должен был так ответить?

Потому что тамплиеры – наши, а наши всегда правы? Тамплиероманы всех мастей именно так и мыслят. Влюбившись в Орден Храма, они уже ни на секунду не могут допустить, что тамплиеры хоть чем-то плохи. Но Андрей не был тамплиероманом, он был тамплиером. И ему нужна была истина, а не трескучий пиар. Тамплиероманская влюблённость в Орден слепа, а потому не дорого стоит. Настоящая любовь никогда не испугается посмотреть правде в глаза. Но где она, правда, и каковы её глаза?

Высота тамплиерского идеала по-прежнему не вызывала у Андрея никаких сомнений, он твёрдо знал, что сейчас тамплиеры содержат ортодоксальное христианское учение в абсолютной чистоте и непорочности. А 700 лет назад? А 900? Беда многих тамплиероманов в том, что они воспринимают Орден как нечто статичное, неизменное от создания до разгрома. Но надо же понимать, что Орден при Гуго де Пейне никак не мог быть похож на Орден при Жаке де Моле. А при Жераре де Ридфоре? А при Гийоме де Боже? Сколько было на самом деле весьма не похожих друг на друга Орденов Храма? И до какой степени они не похожи, насколько принципиально отличались? Может быть, диаметрально?

Итак, можно восхищаться тамплиерами и одновременно считать, что их осудили справедливо. Можно преклоняться перед памятью Эврава де Бара и презирать Жоффруа де Шарне. Если мы знаем тамплиеров-мучеников Христовых, то почему нам не могут быть известны тамплиеры, изменившие Христу? Андрей интуитивно чувствовал, что в начале XIV века Орден был духовно болен. Но до какой степени? Не обязательно ведь до полного вероотступничества. Огромное количество абсолютно противоречивой информации произвело полный сумбур в голове. Суждения о виновности и невиновности Ордена сыпались, как из рога изобилия, ничего не проясняя. Андрей постарался отобрать и разложить хотя бы некоторые из этих суждений.

Антуан Арно, французский богослов XVII века, писал: «Теперь нет почти никого, кто бы не считал, что тамплиеры были ложно обвинены...». Значит уже в XVII веке почти все были уверены в невиновности тамплиеров? Вот только это «почти» не даёт покоя.

В 1914 году Виктор Карьер, один из самых серьёзных историков Ордена, безапелляционно заявил: «На сегодня это окончательно установленный факт: Орден Храма, как таковой, не виновен в тех преступлениях, в которых его так долго обвиняли».

Андрею никогда не нравились построения, в которых вывод выдают за факт. Придающий своим суждениям силу факта не вызывает доверия. Поэтому не удивительно, что господин Карьер не закрыл дискуссию, а лишь дал ей очередной толчок.

Раймон Урсель: «Нельзя поверить, что обвинения, выдвинутые против тамплиеров, не имеют какой либо основы... Нужно допустить, что уязвимость Ордена в этом была реальной... Интригующая тайна осталась, и, в конечном итоге, именно из-за неё Орден и был осуждён».

Вот суждение, не страдающее излишней категоричностью. Вроде бы Орден был виноват, только не понятно в чём, но именно из-за этого он и пострадал.

Ги Фо: «Один факт остаётся непреложным вне всяких сомнений – это факт наличия в Ордене ереси, какой бы она ни была. После столь долгого и тщательного изучения можно ли считать, что остаются сомнения по поводу виновности тамплиеров?».

От суждений таких людей, как Раймон Урсель и Ги Фо невозможно просто так отмахнуться. Они немало знали и много думали. И они пришли к выводу о виновности тамплиеров. Но по-прежнему нет недостатка в суждениях прямо противоположных.

Генри Чарльз Ли: «Орден был невиновен в преступлениях, за которые пострадал – это единственное заключение из рассмотрения всех дошедших до нас документов инквизицион-

ного процесса». Ли – мужик основательный. Не маньяк, не фанатик. От его вывода тоже просто так не отмахнёшься.

Малколм Барбер: «Сейчас трудно было бы доказать, что тамплиеры действительно совершали те преступления, которые вменялись им в вину режимом Филиппа Красивого, или что признания их свидетельствуют о чём-то другом, кроме слабости человека перед пыткой... Само содержание этих обвинений доказывает, что вряд ли тамплиеры были в чём-то виноваты».

Вряд ли кто-то знает о процессе тамплиеров больше, чем Барбер. Скупулёзнейший историк. Поверивший Барберу отнюдь не будет выглядеть легковёрным, так что можно просто взять и поверить. Но похоже, что правда сложнее.

Марсель Лобе: «Все историки сходятся во мнении, что нам никогда не станет известно, в какой мере тамплиеры были виновны в некоторых крайне неблагоприятных поступках».

Лобе – сторонник невиновности Ордена, и тем не менее он говорит: «Нам никогда не станет известно...». Ему вторит Ги Фо, один из самых убедительных обвинителей Ордена: «Мы должны признать, что мы не способны узнать правду, которая ускользает от нас. Все объяснения кажутся надуманными и случайными. Если не обнаружатся архивы Храма, вполне возможно, что мы никогда не узнаем истинной подоплёки дела... Загадка Храма не раскрыта. Вместо того, чтобы смириться с этим незнанием, многие хотят, чтобы в трагедии непременно были предатели».

Эти суждения Лобе и Фо вызывают максимальное уважение, потому что они честны. Любой объективный аналитик, попытавшись охватить единым взглядом всю доступную информацию по процессу тамплиеров, обязательно испытает чувство крайней растерянности. Слишком много явных доказательств виновности тамплиеров и ни сколько не меньше столь же явных доказательств их невиновности. Практически любая версия событий противоречит какой-то части имеющейся информации. Во всяком случае, любая из тех, которые до настоящего времени были выдвинуты. Сиверцева не удовлетворила ни одна система доказательств виновности или невиновности Ордена Храма. Он мог без труда опровергнуть любую версию, но не мог выдвинуть свою. В чём, собственно, была задача? Дать такое объяснение всего происходившего на процессе, в которое бы непротиворечиво, логично и последовательно укладывались бы все имеющиеся доказательства как вины, так и невиновности Ордена. Именно так: нужна непротиворечивая версия, которую невозможно будет опровергнуть с опорой на факты, без надуманных, натянутых аргументов и произвольных допущений. И то не факт, что такая версия будет в точности соответствовать истине. Во-первых, потому что абсолютно непротиворечивая версия может противоречить фактам, которые нам попросту неизвестны. Во-вторых, потому что одни и те же факты можно уложить в несколько различных, но в равной степени непротиворечивых версий.

Итак, мы можем ставить перед собой только одну задачу: максимальное приближение к истине. При этом надо помнить, что даже идеально непротиворечивая версия остаётся версией и никогда не станет фактом. Но и такой версии до сих пор никто не дал. По процессу тамплиеров написана уже целая библиотека, но даже лучшие умы, подвизавшиеся в исторической науке за последнее столетие, не смогли предложить ни одной удовлетворительной трактовки событий процесса и в конечном итоге развели руками: «Нам никогда не станет известно».

Так возможно ли в принципе в данном случае сформулировать такую версию, которая устроит честного, объективного и беспристрастного исследователя? Возможно ли сделать то, чего не смог сделать никто? Уповав на Божью помощь, можно попробовать.

Королевские легисты выдвинули простив Ордена Храма обвинение по 127 пунктам. Этот список явно составлялся по принципу «чем больше, тем лучше». Большинство обвинений либо мелочны и незначительны, либо откровенно абсурдны, либо не нашли вообще никакого подтверждения в ходе процесса. С этим списком нет никакого смысла работать, скучно тратить время на опровержение откровенной ахинеи. Зачем, к примеру, доказывать, что тамплиеры не поклонялись идолу, именуемому Бафометом, если уже тогда всем было хорошо известно, что «Бафомет» на языке Лангедока означает «Мухаммад», а идолов Мухаммада никогда не могло существовать. Не говоря уже о том, что в материалах процесса нет хотя бы двух согласующихся друг с другом описаний идола, все фантазёры описывают это чудовище по-разному. Подобные обвинения нет смысла принимать всерьёз.

По здравому размышлению приходится оставить лишь одно реальное обвинение: во время приёма в Орден тамплиеров заставляли отречься от Христа и плевать на крест. Если это правда, то все остальные обвинения фактически ничего к этому не добавляют, а если не правда, остальные разрушить легче, чем картонный домик.

Итак, перед нами лишь один вопрос: отрекались ли тамплиеры от Христа? Для начала представим себе, что тамплиеров судят в наши дни. Что имеет сторона обвинения? Первое – личные признания обвиняемых. Таковых признаний очень много, и они носят согласованный характер. Второе – признания свидетелей, не принадлежавших к Ордену. Их очень мало, они не убедительны и противоречивы, обвинение фактически не пытается на них опираться. Третье – полное отсутствие каких-либо материальных доказательств совершённых преступлений. Ни текстов тайных уставов, ни предметов антихристианского культа, ни чего-либо подобного. В наше время ни один следователь, имея такую «доказуху» не рискнул бы даже возбудить уголовное дело. Ведь заранее понятно, что процесс будет резонансный и «втихую», без крепкой доказательной базы, обвиняемых «закрыть» не удастся. Даже если бы следователь оказался полным дураком и всё-таки возбудил бы дело, и составил бы обвинительное заключение, и добился бы его утверждения прокурором, который должен быть таким же дураком, в суде это дело сразу же развалилось бы под дружный хохот общественности.

Ведь в соответствии с современными правовыми системами европейских стран, личное признание обвиняемого может являться доказательством вины только в том случае, если согласуется с другими доказательствами по делу. А если других доказательств нет, нельзя осудить человека только на основании его личного признания. Если, скажем, человек пришёл в полицию и признался в совершении убийства, он должен доказать, что совершил убийство или хотя бы дать полицейским направления, по которым они сами смогут найти доказательства. Иначе этого человека просто прогонят из полицейского участка, грубо ругая за то, что он отвлекает занятых людей от дела. Право исходит из того, что у человека всегда может быть достаточно причин для самооговора.

Сколько в наше время били сталинского генерального прокурора Вышинского за то, что он назвал личное признание «царицей улик». Нормальному правовому мышлению кажется дикой и абсурдной даже мысль о том, что человека можно осудить на основании одного только личного признания. И то надо сказать, что на Вышинского наговаривают лишнего, а он на самом деле писал, что личное признание должно быть подтверждено всем комплексом доказательств по делу. Логично: если признание – «царица улик», значит должны быть другие улики, над которыми оно «царствует». А дело тамплиеров строится исключительно на личных признаниях при полном отсутствии каких-либо других улик.

Поставим себя на место современного следователя. Поступил донос, провели ряд оперативных мероприятий, в ходе которых донос получил некоторые косвенные подтверждения. Достаточно ли этого для санкционирования обысков и арестов? В принципе – да, достаточно. Обыски провели, подозреваемых заключили под стражу. А дальше что? Обыски вообще ничего не дали – абсолютно нулевой результат. Попытки найти свидетелей тоже ничего не дали –

такие глупые и уклончивые показания, что можно и к делу не подшивать. Поискать свидетелей ещё? А бесполезно. В принципе не может быть не принадлежащих к Ордену свидетелей, если тамплиеры проводили свои капитулы в обстановке строжайшей секретности. До арестов ещё можно было попытаться кого-нибудь в Орден внедрить. Ну конечно же! Надо было послать в различные командорства Ордена с десятков агентов, которые заявили бы о своём желании вступить в Орден, и если бы им предложили отречься от Христа, так на одних только показаниях агентов можно было бы в высшей степени убедительно выстроить обвинение. Но эта возможность уже упущена, такая досада, угораздило же понадеяться на результаты обысков.

И что теперь? «Прессовать» арестованных? Это можно, но какой же дурак сознается, если любой из них хорошо знает, что у следствия против них ничего нет? Сознаются обычно тогда, когда знают, что следствие по большому счёту и без их признаний может обвинение состряпать, а так – смысла нет. Какое-то количество обвиняемых можно «закошмарить» и выбить из них «признанку», а что толку, если потом эту «признанку» будет нечем подтвердить? В общем, как не верти, а ребят придётся завтра отпускать. К такому выводу с абсолютной неизбежностью пришёл бы любой современный следователь.

Итак, с точки зрения современной, то есть вменяемой, правовой системы тамплиеров необходимо признать юридически невиновными, поскольку их вина юридически не доказана. Таков первый вывод нашего расследования.

Но! Это не обязательно означает, что они на самом деле невиновны. Не доказанная вина и доказанная невиновность – далеко не одно и то же. В суде невиновность не доказывают, но ведь мы не оправдательного приговора добиваемся, поздно уже. Мы ищем истину, а потому наша логика должна быть не только юридической.

Мало ли современные суды оправдали людей, чья вина ни у кого не вызывала сомнений, но она не была доказана? Итак, мы выводим вопрос за рамки правового поля и приступаем к поиску доказательств невиновности, отнюдь не будучи уверенными в успехе.

Едва влюбившись в тамплиеров, их новый поклонник вскоре уже приступает к поискам основного виновника гибели Ордена. Таков закон тамплиеромании – каждый обязан внести свой вклад в поиски «главного гада», с тем, чтобы заклеить его позором на веки вечные. Выбор представляется довольно богатым: король Филипп, папа Климент, Гийом де Ногаре, Гийом Парижский в частности и святая инквизиция вообще, Орден святого Доминика, Орден госпитальеров. Мы никого не забыли?

Кто же из них больше всех виновен в разгроме Ордена Храма? Андрей Сиверцев, когда ещё только начинал знакомиться с историей Ордена, как и все неофиты, мучил себя этим вопросом. Потом он понял, что поиски виновных – занятие праздное, не сулящее никакого интересного результата. Искать надо причины, а не виновных, причины же не всегда имеют имя.

И всё-таки вопросы в связи с конкретными именами возникают. Если мы ищем ответ на вопрос, был ли Орден на самом деле виновен, нам должно быть интересно, что по этому поводу думал Филипп Красивый. Сам-то он был уверен в виновности Ордена, или этот вопрос его совершенно не интересовал?

Стало уже общим местом суждение о том, что король, испытывая хроническую нехватку денег, решил отнять их у тамплиеров, что и послужило главной причиной гибели Ордена. Это утверждение кочует из книги в книгу, как нечто само собой понятное и не подлежащее никакому сомнению. Но получается, что он решил запятать и сжечь ни в чём не виновных добрых христиан, только для того, чтобы их ограбить? Кажется, не все понимают, что столь серьёзное обвинение в адрес короля подлежит доказыванию, как и любое другое.

Не раз задавали вопрос: почему король напал на тамплиеров, а не на госпитальеров? И отвечали весьма уверенно: да просто потому что Тампль был гораздо слабее, чем Госпиталь. Не будем сейчас спорить с этим весьма сомнительным утверждением, и обратим внимание на саму постановку вопроса, из которой следует, что король имел логику грабителя с большой дороги – нападал на самого слабого, убивал и грабил. Но если у человека постоянно не хватает денег, это ещё не значит, что ради денег он готов на всё. Даже если он посылает людей на смерть и в результате получает деньги, это ещё не значит, что именно деньги были его главным побудительным мотивом. Конечно, такое подозрение появляется, но подозрение – ещё не есть факт. Короля обвиняют без прямых доказательств. Впрочем, нельзя проходить мимо косвенных доказательств. Король действительно имел склонность к силовому решению финансовых проблем.

В 1291 году были проведены массовые аресты ломбардцев, и в течение ближайшего десятилетия многие из них были подвергнуты конфискации имущества и изгнанию из Франции. В 1311 году все их товары и долговые обязательства были присвоены государством. Но тут нет ничего общего с процессом тамплиеров. Во-первых, ломбардцы были торгашами, то есть существами, презренными в глазах всего средневекового общества. Их едва терпели и не удивительно, что в какой-то момент перестали терпеть. Во-вторых, ломбардцы были иностранцами, и король, исходя из государственных интересов, просто обязан был покончить с их финансовым засильем на территории Франции, даже если бы его не интересовали деньги. Король разгромил сеть иностранной агентуры, да заодно уж и от денег не отказался. Что тут удивительного? Любое государство всегда стремится к присвоению ресурсов другого государства, никто и никогда не понимал национальные интересы иначе. В-третьих, ведь не было же казней ломбардцев, хотя иностранцев всегда легче казнить, чем своих. Тут Филипп как раз доказал, что склонен хоть и к силовому, но бескровному решению финансовых проблем.

История с ограблением евреев тоже ни мало не похожа на трагедию тамплиеров. В 1295 году евреев сенешальства Бокер силой заставили сдать свои лихоимные доходы и сообщить властям подробности своих сделок. Начиная с июня 1306 года шли аресты евреев, их собственность экспроприировалась, а сами они высылались из королевства. Об этом любят писать, только мало кто вспоминает о том, что тогда в Париже был публично сожжён целый воз талмудической антихристианской литературы. Итак, евреи были врагами Христа, и вот их-то вина была как раз полностью доказана наличием той самой литературы, изымавшейся в изобилии. Если вся государственность строится на вере христианской, то, наверное, не очень удивительно, что казну пополняют за счёт конфискации имущества врагов христианства? И опять же, заметьте, в Париже сжигали еврейские книги, но не самих евреев, а вот уж кого можно было казнить, ничего не опасаясь.

А тамплиеры, в отличие от ломбардцев и евреев, были свои: во-первых – французы, во-вторых – христиане, в-третьих – аристократы. Не являясь вассалами короля, они тем не менее не раз доказывали свою верность трону, выручая Филиппа деньгами, а в июле 1306 года, во время восстания в Париже, они фактически спасли королю жизнь, предоставив убежище в Тампле. Не случайно ведь король осыпал разнообразными знаками своей милости великого магистра Ордена Жака де Моле.

И вдруг король решил обойтись с тамплиерами гораздо более жестоко, чем с ломбардцами и евреями. Почему? Просто он был уверен в том, что тамплиеры стали хриstopродавцами! А почему нас не устраивает это объяснение? Да потому что мы привыкли всё измерять деньгами и не верим в то, что религиозные мотивы могут быть сильнее материальных. Мы просто судим по себе. Люди, не имеющие веры, думают, что вера – это только ширма, при помощи которой прикрывают шкурные интересы. Безбожники не пытаются понять логику верующего человека, они даже не догадываются, что у верующего – другая логика. А Филипп был человеком глубоко и искренне верующим. Христианский государь, правящий христианской страной,

исходил в своих действиях из мотивов совершенно иных, чем те безбожники, которые 700 лет спустя пытаются объяснить его действия.

Король Филипп писал о себе: «Мы, кого Господь поместил на сторожевую башню королевского величия, дабы мы оттуда имели возможность защищать вероучение Святой Церкви и всеми силами стремились множить ряды истинно верующих».

Замечательные слова. Конечно, это не более, чем слова, которые ничего по существу не доказывают. Но какие у нас есть основания сомневаться в искренности этих слов? Как мы могли бы доказать, что король лукавил? Если бы эти слова принадлежали императору Фридриху II, мы без труда смогли бы доказать, что император говорил неискренне, поскольку сохранилось достаточно доказательств его безбожия. Но король Филипп ни разу и никому не давал повода усомниться в том, что он был ревностным христианином. Как свидетельствуют все современники, Филипп был очень набожным, чрезвычайно преданным защите веры. О нём писали: «Его непримиримость свидетельствует о его ортодоксальности». И неужели этот король стал бы сжигать на кострах таких же, как он, ревностных христиан, только для того, чтобы завладеть их деньгами? Этого не может быть. Король, вне всякого сомнения, был уверен в виновности тамплиеров, и только этим можно объяснить то, что он пошёл на разгром Ордена.

Впрочем, во время процесса король вёл себя так жёстко, как будто его не интересовала истина, и он любыми средствами стремился получить доказательства вины тамплиеров. Но это тоже имеет своё объяснение.

Едва прошли аресты и первые тамплиеры застонали под пытками, как дело приняло необратимый характер. С этого момента короля мог устроить только обвинительный приговор, тамплиеров в принципе уже не могли оправдать. Поэтому, если чаша весов правосудия склонялась в пользу тамплиеров, на правосудие нещадно давили. Король стал заложником собственного величия. Ну не мог он, на всю Францию громогласно возвестив о чудовищных преступлениях тамплиеров, вдруг неожиданно сказать: «Извините, ошибся. Всем спасибо, все свободны». В первые же недели процесса несколько десятков тамплиеров запытали до смерти, и если тамплиеры невиновны, значит король – преступник, а это значит, что Франции больше нет. И все титанические труды короля по укреплению государства пошли бы прахом. Он уже не мог оправдать тамплиеров, даже если покрывался холодным потом от ужаса при мысли, что тамплиеры может быть не виновны. Так не усомнился ли он в виновности тамплиеров по ходу процесса? Это навсегда останется тайной короля.

С этой точки зрения процесс был совершенно не правовым, потому что не являл собой поиск истины. Приказ об арестах был уже приговором. Но дело тут не в короле, потому что мышление средневекового общества вообще не было правовым. Единожды обвинённых, то есть опозоренных тамплиеров можно было хоть сто раз оправдать, но общество уже никогда не приняло бы их в прежней роли.

Итак, король был твёрдо уверен в виновности тамплиеров, но эта уверенность сложилась ещё до процесса, к моменту подписания приказа об арестах, а потом он при всём желании уже ничего не мог изменить. Понятно, что ещё до процесса собрали кое-какую информацию и предоставили её королю. Не маловато ли её было для обретения твёрдой уверенности в веротступничестве тамплиеров? Очевидно, что маловато. Почему же король поверил? А средневековые вообще были очень легковерны. Вспомним хотя бы про культ святынь. Сколько тогда продавалось щепок от «креста Христова», гвоздей распятия, пузырьков со «слезами Христа». Можно подумать, кто-то представлял доказательства того, что сии предметы являются именно таковыми святынями. Дед Филиппа, Людовик Святой, собрал целую коллекцию таких реликвий, среди которых, надо полагать, не было ни одной подлинной. А король верил. Средневековому мышлению вообще не было свойственно представление о том, что такое доказательство и зачем они нужны. Римское право ещё только начало возрождаться, не успев впитаться в

ментальность средневекового человека. И король Филипп поверил в виновность тамплиеров. Очень уж красочно и живописно ему поведали об их преступлениях.

Но... но... но... Филипп, конечно, не был совсем-то уж простачком, которого можно убедить в чём угодно. Не были ли у него причин, по которым ему очень хотелось поверить в виновность тамплиеров? Да, конечно, были. Если тамплиеры виновны, значит и долги им не надо отдавать, да ещё кое-чем поживиться можно. Эти мысли обязательно должны были вертеться, как минимум, в подсознании Филиппа. Да, он искренне верил, но одной из причин этого было то, что очень уж хотелось поверить.

И не только из-за денег. Ещё были обиды. В 1292-95 годах основная часть королевской казны была перевезена из Тампля в Лувр. Король, конечно, сам хотел рулить казной, финансовая зависимость от тамплиеров никак не могла его радовать, да ведь и правда это не хорошо, когда государственными деньгами управляет негосударственная организация. Но королевские финансисты не справились с задачей, и в 1302 году тамплиеры вновь взяли на себя роль королевских банкиров. Разве не чувствовал тогда себя король побитым псом? И разве можно такое забыть?

А то, что храмовники предоставили королю убежище в Тампле во время восстания 1306 года? Короля потом многие упрекали в неблагодарности. Зря. Король, конечно, был благодарен тамплиерам, но разве в этой связи у него не возникло повода так же и для других чувств? «Вся королевская рать» не смогла защитить своего монарха. А Орден смог. Значит, король в Париже – никто, а Орден – всё. Ещё одно унижение.

Потом Филипп предложил Жаку де Моле объединить тамплиеров с госпитальерами, с тем чтобы он, король, возглавил объединённый Орден. Великий магистр фактически ему отказал. Но король (любой король!) не из тех, кому можно отказывать, особенно в его личных притязаниях. Мог ли Филипп забыть об этом?

Если Филипп ничего не забыл, по-человечески его можно понять. Но его можно понять и как монарха. В лице короля Орден многократно унижил Францию. Но разве Орден во всех этих ситуациях мог поступить иначе? Не мог. Ни у короля ни у Ордена не было других вариантов, кроме тех, которые и воплотились в их действиях. Свершилась трагическая неизбежность.

И вот в этой-то ситуации сразу три Гийома – де Ногаре, де Плезиан и де Пари начинают дуть королю в оба уха: тамплиеры – чудовищные преступники, изверги рода человеческого. Король не был циником. Король не торговал вопросами веры. Но какую нечеловеческую силу духа надо было иметь, чтобы не поверить им? А король был человеком. Железным, но человеком.

Короля играет свита. Это относится так же и к великим монархам, обладавшим непреклонной волей и полной самостоятельностью мышления. Ни один самодержец не смог совершенно избежать влияния ближайших советников. А рядом с королём Филиппом ключевую позицию тогда занимал Гийом де Ногаре.

Когда Сиверцев несколько лет назад начал знакомиться с материалами процесса, он недооценил этого человека. Ногаре показался ему тупым быком, шестёркой, рядовым исполнителем, за которым не стояло никакой реальной силы. Постепенно он изменил своё мнение о Ногаре.

Гийом де Ногаре действительно не олицетворял ни одну из сил, претендовавших на доминирование во Франции, он не был лидером какой-либо придворной партии. Он был одиночкой, а таковые редко оказывают существенное влияние на положение дел в государстве. За влияние на трон борются обычно не личности, а силы, личности же являются лишь олицетворением

этих сил. Но у Ногаре был свой секрет. По психологическому складу он был очень похож на Филиппа. И это делало его всемогущим.

Попытаемся понять, что это был за человек. Гийом де Ногаре принадлежал к семье катаров из окрестностей Каркассона, его дед был сожжён, как еретик. Пепел Монсегюра ещё висел в воздухе над Лангедоком и Провансом. Эта земля ещё долго не станет «Южной Францией», на французов здесь по-прежнему смотрели, как на чужаков, захватчиков, палачей. Страшная бойня, которую учинил на юге Симон де Монфор ещё не превратилось в легенду, продолжая пульсировать живой болью в сердцах провансальцев. Гийом с пелёнок рос в условиях страшного национального унижения. Одних такие условия превращают в трусливых рабов, других – в непримиримых мстителей, но и первое, и второе – не про Ногаре. Он решил покорить Север, Париж, который ещё так недавно покорил Юг, Каркассон. Внук и сын презираемых изгоев захотел взойти на вершину государственной власти. И взойшёл. И костры запылали в Париже. Надо ослепнуть, чтобы не увидеть в тамплиерских кострах отблески костров Монсегюра.

Помните анекдот про Ленина: «У него брата повесили, а он всем отомстил». В этой шутке много правды. Казнь брата покалечила психику Володи Ульянова, а он был сильным человеком. Раны, нанесённые душам сильных людей, оборачиваются кошмаром для всего мира. Гийом де Ногаре тоже был сильным человеком, и пепел Прованса стучал в его сердце всю жизнь. Это был человек великой обиды.

И вот Гийом де Ногаре становится доктором права. И не просто доктором, а блестящим юристом, ведь не каждого вчерашнего катара приглашают в Париж за одни только познания. А для того, чтобы понравиться королю, нужны были уже не познания, а личные качества.

Филипп был человеком жёстким, решительным, способным на такие крайние меры, какие приводили в ужас и смятение его ближайших помощников. Не случайно ведь его называли «железный король». А советники короля отнюдь не все были «железные», и они далеко не всегда были склонны одобрять радикальные предложения короля. И вот появляется провансалец, у которого на лице написано, что он не остановится ни перед чем, в любых крайних мерах готов будет идти до самых «геркулесовых столпов» и на любые радикальные предложения короля ответит ещё куда более радикальными. Король почувствовал, что обрёл родственную душу, в 1299 году он лично посвятил Гийома де Ногаре в рыцари. И не ошибся в своих ожиданиях.

Процесс против папы Бонифация затеял железный король. Только король и никто другой – автор этого процесса. но не у многих в христианском мире хватило бы смелости арестовать римского понтифика. Католицизм прививал к фигуре папы отношение столь трепетное, что перешагнуть через этот трепет можно было только что-то в себе сломав. А Ногаре не имел необходимости что-то в себе ломать, в нём не было никаких зажимов, вообще никаких ограничений. Он не только арестовал папу, но и нанёс ему во время ареста удар по лицу рукою в стальной рукавице. И тут уж всем стало ясно, что Ногаре не остановится ни перед чем.

Папа Бонифаций называл Ногаре «катаром и сыном катара». Можно представить себе, какую жуткую усмешку породили эти слова в душе беспредельного Гийома. «Катар? Вот как? Ну так получите же, ваше святейшество, привет из Монсегюра». Говорят, что Ногаре выдвинул обвинение против папы без малейших доказательств и даже не беспокоясь о них. А иначе и быть не могло. Для Ногаре папа был виновен уже тем, что он папа. Король, желая затиранировать папу, вряд ли мог бы найти лучшего исполнителя. Хотя мотивы у них были, конечно, разные.

Король отстаивал свой суверенитет, стараясь лишить римского понтифика претензий на светскую власть. Король не боролся с Церковью, он сам был одним из первых сыновей Церкви. А Ногаре в лице папы наносил удар всему тому миру, для которого он ещё недавно был изгоем и еретиком. Он был не из тех, кого можно напугать отлучением от Церкви. Это отлучение он впитал вместе с молоком матери. Ему угрожало судебное разбирательство по обвинению в ереси. А он не угрожал. Он бил железом по лицу.

Ногаре стал «alter ego» Филиппа. Король смотрелся в него, как в зеркало, находя в Гийоме свои черты в ещё более развитом варианте. Ногаре стал для короля и оправданием, и тем фоном, на котором Филипп сам себе казался политиком достаточно умеренным и осторожным. А Ногаре чувствовал себя, как рыба в воде, в роли организатора любых гонений, всё равно против кого. Надо раздавить ломбардцев? Давно пора. Евреев? Очень хорошо. Папу Бонифация? Сделаю в лучшем виде. Ногаре был не только организатором, но и катализатором этих процессов, подхлестывая королевскую волю своей беспредельностью. Ногаре всегда играл роль той капли, которая помогала переполниться чаше королевского терпения.

Вот вам и ответ на вопрос, как это король решился на такую беспрецедентную меру, как уничтожение Ордена тамплиеров. Это ведь не ломбардцы и не евреи. Это цвет французской аристократии. Это даже не папа Бонифаций, потому что папа – не более, чем один-единственный человек, ведь не посягал же Филипп на упразднение папского престола. А тут предстояло посягнуть не просто на личность великого магистра, что тоже было бы немалым скандалом, но на такой скандал у короля вполне хватило бы личной решительности. Совсем другое дело – уничтожить Орден, овеянный двухсотлетней славой христианских героев, ставший едва ли не сердцем Франции, игравший в судьбе королевства огромную положительную роль.

Король мог вполне самостоятельно подойти к мысли о том, что тамплиеры больше не есть благо, но чтобы принять такое решение, надо было переступить через очень болезненную грань. Если бы рядом с королём был советник, день и ночь повторявший: «Сир, не трогайте тамплиеров», король не решился бы переступить эту грань, не поверил бы ни в какие доказательства вины, не дал бы волю своим личным обидам и для решения финансовых проблем сожрал бы кого-нибудь другого. Но рядом с королём был Ногаре.

Едва были составлены приказы об арестах тамплиеров, как Ногаре (22 сентября 1307 года) принял должность хранителя королевской печати, то есть достиг пика своего могущества. Из одного только этого следует, что именно он склонил волю короля к разгрому Ордена, помог сделать последний шаг на пути к этому решению.

Ногаре было всё равно, кого уничтожить, лишь бы уничтожить. Он это любил. Будучи хорошим юристом, он мог доказать чью угодно вину, для начала – королю, а дальше уже процесс принимал необратимый характер. Будучи невероятно, изощрённо красноречив, он мог и без доказательств что угодно доказать – умел быть убедительным. Даже инициатором процесса в данном случае был именно Ногаре, принявший донос и давший ход этому доносу.

Значит, главным виновником гибели Ордена был Гийом де Нагаре? Нет. Он был лишь катализатором. Воли одного человека, какой бы беспредельной она не была, никогда не может быть достаточно для уничтожения огромной разветвлённой структуры. Ногаре мощно толкнул Орден в спину, но если от этого толчка Орден полетел в пропасть, значит он уже стоял на краю пропасти.

И всё таки понять роковую роль Ногаре в судьбе Ордена очень важно. Дело в том, что его совершенно не интересовало, виноваты ли тамплиеры на самом деле, и это его безразличие к правде во многом определило стилистику процесса. Анализируя эту стилистику часто делают вывод, что и королю Филиппу, и папе Клименту было наплевать на то, виновны ли тамплиеры на самом деле. А это не так. И для короля, и для папы правда была очень важна.

К виновникам гибели Ордена причисляют папу Климента V. Дескать, папа предал тамплиеров. Совсем нелепое утверждение. Если мы проведём свой маленький «процесс над папой» с той же беспристрастностью, с какой он отнёсся к делу тамплиеров, то неизбежно придём к выводу: папу, по большому счёту, трудно в чём-либо упрекнуть.

Уже 27 октября 1307 года Климент писал королю: «Вы грубо нарушили все правила, покусившись на членов Ордена и его имущество... ваши поспешные действия по праву расцениваются всеми, как пренебрежение нами и Римской Церковью». Вряд ли возможно было более решительно встать на защиту тамплиеров. Про Климента часто говорили, что он был марионеткой короля Франции. Как видим, он проявил достаточно самостоятельности и заставил с собой считаться, хотя действительно находился в жёсткой зависимости от короля, но с учётом этого его решительный протест тем более надо считать поступком мужественным.

В феврале 1308 года папа Климент приостановил полномочия инквизиции по делу тамплиеров. Это максимум того, что он мог сделать для них на тот момент. Вообще прекратить процесс было не в его власти, да и не было, откровенно говоря, для этого оснований. Раз уж обвинения прозвучали, надо было с ними разбираться. Папа, понимая, что инквизиция находится де-факто в руках короля, приостанавливая её полномочия, ослаблял влияние короля на процесс и пытался сделать его максимально объективным и беспристрастным.

Папа поставил короля в положение крайне неловкое, фактически похоронив «блиц-криг» в деле разгрома тамплиеров. Если бы не упёртость Климента, от Ордена ничего не осталось бы уже в течение 1308 года. А дальше начинается перетягивание каната – год за годом папа не отдаёт тамплиеров на съедение королю.

Надо так же понимать, что папа не мог совершенно игнорировать большое количество признательных показаний тамплиеров, значительная часть которых была позднее подтверждена – без применения пытки. Если Жак де Моле раз за разом говорил, что виновен, так что ему должен был сказать Климент: «Ошибаешься, ты ни в чём не виновен»? Конечно, папа понимал, что следствие обязано своими успехами в основном применению пыток. Но что он мог тут поделать? Инквизиция уже сказала своё слово, вчерашний день было заново не прожить. И если на папской комиссии обвиняемым говорили: «Говорите правду, вам ничто не угрожает», то что ещё-то надо было к этому добавить?

Кроме того, с определённого момента папа явно усомнился в чистоте орденских одежд, то есть его действия утратили пафос защиты невиновных. Он уже не был уверен в невиновности тамплиеров, и основания к тому были достаточные. Мы так и не узнаем, счёл ли папа в конечном итоге тамплиеров виновными или нет. Вероятнее всего, он ни в чём не был уверен до самой своей судьбоносной буллы от 22 марта 1312 года.

И эта булла являла собой максимум того, что папа мог сделать для тамплиеров на тот момент. Основательный, продуманный, сбалансированный текст. Прочитируем из него больше, чем обычно принято.

Папа отдаёт дань заслуженной славе Ордена Храма: «Эти люди были отправлены в Святую Землю для защиты наследства нашего Повелителя Иисуса Христа, и эти воины католической веры несли главное бремя защиты Святой Земли. По этой причине, Святая Римская Церковь удостоила их орден своей высокой поддержкой, вооружила их крестным знаменем против врагов Христа, оплатила им самую высокую дань уважения и усилила их различными свободами и привилегиями».

Когда ошельмованные тамплиеры превратились в людей всеми презираемых, надо было иметь достаточно твёрдости для того, чтобы напомнить всему христианскому миру, каково на самом деле высокое значение слова «тамплиер». Потому и следующие слова папы звучат вполне искренне:

«Никто не ожидал и не мог представить себе, что эти люди, столь набожные, столь часто проливавшие свою кровь ради Христа и неоднократно подвергавшиеся смертельной опасности, столь доказавшие свою преданность вере, совершили такие преступления. По этим причинам мы долго не желали слушать инсинуации и обвинения против тамплиеров».

Далее папа говорит о признаниях конкретных храмовников: «Мы указали им, что теперь они находятся в безопасном месте, где они могут ничего не бояться... Признания были произ-

ведены публично и были истины... Мы решили, что такие ужасные преступления не должны быть безнаказанны, это оскорбления всемогущему Богу и каждому истинно верующему».

Важно понять, что папа говорит здесь о своей уверенности в преступлениях конкретных тамплиеров, а не о виновности Ордена в целом, а вот далее он фактически заявляет о том, что вина Ордена не доказана:

«Хотя законный процесс против ордена до сих пор не разрешает его каноническое осуждение как еретического, чистое имя ордена было в значительной мере покрыто ересью... Признания делают орден очень подозрительным и покрытым позором..., откладывание урегулирования дела тамплиеров, по которому мы собираемся принять заключительное решение в существующем совете, будет вести, во всей вероятности, к полной потере, разрушению и упадку ордена тамплиеров... Мы приняли во внимание позор, подозрения... Более целесообразно и выгодно для Бога и для сохранения в чистоте христианской веры... запретить орден тамплиеров... Мы не без горечи и печали сердечной и не судебным приговором, но нашим апостольским бессрочным предписанием распускаем вышеупомянутый Орден тамплиеров».

Итак, папа не усматривает достаточных оснований признать Орден еретическим, он говорит лишь о подозрениях. При этом он не сомневается в виновности руководителей Ордена, однако, заметьте: их он так же не обвиняет в ереси и ни разу не называет еретиками. Как-то это всё-таки странно. Если установлено, что иерархи отреклись от Христа и принуждали к этому других, то тут уж, кажется, не до подозрений и вполне можно говорить об Ордене, как о еретическом сборище. Но Климент избегает делать этот окончательный вывод. Может быть, он просто хитрит, лавирует, изворачивается и выкручивается, предпочитая двусмысленность и недоговорённость, чтобы всем угодить и никого не обидеть? Ну, наверное, не без этого. В очень уж сложном положении оказался папа и ему, конечно, хотелось выйти из этого положения, сохранив собственное достоинство, то есть отчасти достоинство Ордена, который ему подчинялся.

Но что если папа знал больше, чем говорил? Из виновных членов состоял Орден, вина которого не доказана? Что если ему была известна причина, по которой так и было? Как могли иерархи, отрекшиеся от Христа, возглавлять христианский Орден, который сейчас не более чем попал под подозрение? Понятно, что личные преступления руководителей организации ещё не доказывают, что организация является преступной. Но там речь шла не об уголовных преступлениях, а о вероотступничестве. Вероотступникам не было смысла руководить христианской организацией. В этом случае, либо весь Орден состоял из вероотступников, либо существовал «Орден в Ордене» и одна часть Ордена не несёт ответственности за действия другой части, но лишь попадает под подозрение. Похоже, что папа что-то об этом знал.

В следующей булле от 2 мая 1312 года Климент писал: «Некоторое время назад, мы окончательно и безвозвратно распустили орден рыцарей тамплиеров из-за отвратительных деяний его магистра и членов ордена во всех частях мира. Эти люди были связаны с неприличными ошибками и преступлениями, с развращённостью – они были нечисты и порочны».

Казалось бы, вот, наконец, однозначное выражение уверенности в виновности тамплиеров. Уже ни слова о подозрениях, уже никаких уверток и недоговорённостей. Вердикт не допускает никаких разночтений: «Виновны». Но это окончательное суждение папы вызывает крайнее недоумение. Здесь нет ни слова о ереси, ни слова о вероотступничестве, нет даже намёка на собственно религиозные преступления. А ведь это заключение не светского, а религиозного лидера, однако, именно в том, что входит в его компетенцию, папа тамплиеров так и не обвинил.

Под «отвратительными деяниями» можно понимать что угодно, хоть пляски голыми при луне, но это не ересь и не вероотступничество. «Преступления» тоже могут быть самые разнообразные. Заповедей – 10, смертных грехов – 7, а пунктов обвинения на процессе тамплиеров было 127. Большинство из них, даже если их признать, ни сколько не напоминают вероотступничество. Под «развращённостью и порочностью» вполне достаточно понимать содомию,

а это преступление личное, только полные идиоты могли думать, что Орден был гей-клубом, и это тоже отнюдь не ересь. Под «неприличными ошибками» можно понимать пропуск слов на литургии или приём исповеди мирянами, в чём Орден обвиняли, но тут ещё весьма далеко до отречения от Христа.

Итак, «имеющий уши, да слышит». Папа фактически признал, что Орден был неповиновен в ереси, или, во всяком случае, это обвинение надо считать недоказанным. Даже иерархов, относительно которых он уверен, что они отреклись от Христа и принуждали к этому других, он всё-таки не обвиняет в ереси. Видимо, он исходит из того, что отречение от Христа могло быть признаком ереси, но могло и не быть таковым. Ересь – извращение христианского вероучения, а разве на процессе были обнаружены хотя бы малейшие признаки догматических отступлений тамплиеров? Нет. И папа фактически освободил преступных, по его мнению, тамплиеров от обвинения в том, что они были врагами Церкви, врагами Христа. Его вердикт можно прочитать так: «Виновны, но совсем не в этом».

Похоже, папа был уверен, что за формальным отречением от Христа не стоит еретическая доктрина. Возможно, он знал, что за этим стоит, но по каким-то причинам не говорил об этом вслух. Возможно, не знал, но догадывался, не имея доказательств. В любом случае, он понимал, что доказательств существования «тамплиерской ереси» не существует. И он не обвинял без доказательств.

Так можно ли утверждать, что папа Климент предал тамплиеров? Трудно представить себе обвинение более абсурдное и беспочвенное. К 1312 году Ордена Храма уже фактически не существовало, он был полностью разгромлен без суда – в ходе следствия. Никакими силами уже невозможно было восстановить Орден. Храмовники, опозоренные перед всей Европой, никакими подвигами не смогли бы вернуть доверие общества. Даже если бы Орден был полностью оправдан, его всё равно пришлось бы распустить. К тому же, он не мог быть оправдан, когда высшие иерархи признали свою вину. Уж какие у них были к тому причины, но факты признаний всё же невозможно игнорировать. А в условиях жесточайшего давления со стороны короля и его камарильи решение собора по делу могло быть только обвинительным – без вариантов.

Итак, Орден было уже не спасти, потому что спасти было уже нечего, и отнюдь не папа привёл ситуацию к такому состоянию. В тот момент папская булла о роспуске Ордена была единственным способом избавить Орден от обвинения в ереси. Папа фактически предотвратил осуждение Ордена собором. После папской буллы Собор при всём желании уже не мог осудить Орден, а папа говорил лишь о подозрениях, значит Орден Храма на веки вечные остался под подозрением, а значит – невиновным. Благодаря папе Клименту V.

Луи Шарпантье писал: «Главной причиной краха Ордена Храма стала злая воля другого религиозного ордена, который жаждал управлять христианским миром и надеялся достичь своей цели методом террора, поскольку не сумел сохранить в чистоте добродетели своего основателя. Главным же препятствием для него был Орден Храма... Орден святого Доменика стал злейшим врагом тамплиеров».

Вот, наконец, оригинальный взгляд на проблему. Виноват не Филипп, не Климент, не Ногаре, а злые белые доминиканцы. Кто-то в любом случае должен быть виноват. Сиверцев вспомнил хорошие слова: «Виноватых холопы ищут, а мы – господа». И ещё: «Господа – это те, кто с Господом». Воистину, господа виноватых не ищут именно потому, что они – с Господом. Рыцарь, попавший в беду и страдающий, казалось бы, совершенно безвинно, заглянет прежде всего в свою душу и обнаружит там достаточно грехов, которые и стали подлинной причиной

его страданий, которые являются не наказанием за грехи, а средством очищения души, посланным милосердным Господом, не желающим, чтобы рыцарь страдал целую вечность.

И если мы действительно любим Орден Храма настоящей христианской любовью, а не испытываем к нему холопскую влюблённость, мы не должны искать виноватых. Нам ничего не дадут завывания про чью-то «злую волю». Мы должны постараться понять подлинный смысл того, что случилось тогда с Орденом Храма. В этой трагедии было много актеров, но режиссёром был Господь. Об этом не надо забывать.

Итак, какую роль сыграл Орден доминиканцев в разгроме Ордена тамплиеров? Шарпантье продолжает: «Процесс – дело рук Гийома Парижского, который несомненно был его главным вдохновителем. Доктор теологии Гийом Парижский из Ордена святого Доминика являлся инквизитором веры во Франции, а с 1303 года – великим инквизитором. Он – исповедник короля с 1305 года».

Да, безусловно, Гийом де Пари – один из тех, кто наряду с Ногаре имел тогда максимальное влияние на короля. К кому ещё должен был прислушиваться король, касаясь вопросов веры, как не к собственному исповеднику, к тому же если этот исповедник – великий инквизитор Франции, то есть человек, который по должности обязан следить за чистотой веры в масштабах государства. И действительно имело не малое значение то, что инквизитор был доминиканцем. По сравнению с Ногаре это фигура принципиально иного калибра. Ногаре – одиночка, и в организации процесса тамплиеров максимальную роль сыграли его личные качества, точнее, то обстоятельство, что эти качества были весьма симпатичны королю. Гийом де Пари мог вообще не обладать сколько-нибудь примечательными личными качествами (да они по ходу дела и не видны совершенно), его удельный вес определялся тем, что за ним стояли две могущественные силы – Орден доминиканцев и инквизиция. Разумеется, эти силы принимали попытки через такую удобную фигуру влиять на короля. Но насколько эти попытки были успешными?

Не надо забывать, что по складу своему Филипп отнюдь не был марионеткой. «Железный король» ни мало не походил на человека, которым каждый может вертеть, как ему вздумается. Есть не мало признаков того, что инквизитор был марионеткой, которую король дёргал за ниточки, а отнюдь не наоборот. Поэтому утверждение: «Процесс – дело рук Гийома Парижского» представляется вообще ни на чём не основанным. Процесс – дело рук короля, которого, вероятнее всего сильно простимулировал Гийом де Ногаре, а так же, возможно, Гийом де Пари. Но это ещё не значит, что король творил их волю. Они были советниками и исполнителями, они были фигурами в королевской игре и фигурами весьма значительными, но эту партию играл король, а не они.

Когда папа выразил своё возмущение арестами тамплиеров, король ответил, что всего лишь выполняет волю инквизитора Франции. Из одного только этого ответа уже можно сделать вывод, что инквизитор – не более, чем ширма для короля, он использует инквизицию, как прикрытия для осуществления своих замыслов.

В течение всего средневековья шло перетягивание каната между европейскими монархами и римскими папами. Монархи претендовали на контроль за делами духовными, папы – на контроль за делами государственными. Рим хотел привить миром, мир хотел править Римом. Ярче всего это проявилось в борьбе германских императоров и римских пап. Фридрих Барбаросса, Фридрих II полжизни положили на выяснение отношений с римскими понтификами. Позднее окрепшая Франция так же стала претендовать на контроль за Римом, постоянно отбивая у пап желание совать нос в дела государственные. Выразителем этой тенденции стал Филипп IV, положивший начало «авиньонскому пленению» пап, то есть решивший иметь у себя на территории Франции «карманных понтификов».

Этот процесс затрагивал не столько даже государственные, сколько религиозные вопросы. Король, как помазанник Божий, претендовал на то, чтобы быть выразителем Божией

воли. У Филиппа IV было в высшей степени развито чувство священного, религиозного характера своей власти. И если папы претендовали на то, что Божью волю король может узнать только через них, король воспринимал это как посягательство на сакральный характер своей власти. Отсюда и все его «контры» с папами, начиная с процесса Бонифация.

Но вот ведь проблема: средневековые имели высочайшее представление о достоинстве апостольского престола, и мир вполне мог воспринять королевские «наезды» на пап как политику антицерковную, то есть по большому счёту антихристианскую. И эта коллизия ставила перед королём сверхзадачу: доказать, что у него конфликт не с Церковью, а с папой, и он враждует не со Христом, а с Ватиканом. Чтобы это доказать, король должен был опираться на церковные структуры подконтрольные в большей степени ему, а не папе. Инквизиция и Орден святого Доминика хорошо подходили на роль этой опоры.

Вот отсюда и ответ короля возмущённому папе: так это ж не я начал процесс, это ж инквизиция. Читай: король Франции не действует против Церкви в лице подчинённых папе тамплиеров, это Церковь в лице инквизиции действует на территории Франции, как считает нужным. Королю важно было, чтобы весь христианский мир отчётливо понял: явное пренебрежение волей папы не носит антицерковного характера, «у себя там в Церкви и разбирайтесь, кто кого имеет право гнобить». И Климент разобрался. Он приостановил полномочия инквизиторов, потому что де-факто инквизиция подчинялась королю, а де-юре всё-таки папе.

Видите, какой расклад? Король сделал ход пешкой, а папа эту пешку съел. Инквизиция была лишь пешкой в этой игре. Чем тут она могла рулить? И на чём, собственно, основано следующее суждение господина Шарпантье: «Инквизиция никогда не скрывала, что намерена руководить, притом единолично, всеми аспектами христианской веры и, следовательно, всем христианским миром. Однако, Храм не признаёт никакого руководства. Поэтому Храм должен исчезнуть».

Вот ведь она какая «великая и ужасная» эта святая инквизиция. Всем миром хотела править. А по силам ли ей это было? Не надо путать французскую инквизицию XIV века и испанскую инквизицию XVI века. Не тот масштаб, не те возможности. Конечно, конфликты между доминиканцами и тамплиерами были, может быть, была и ненависть. Но Гийом де Пари отнюдь не имел средств устранить со своей дороги любой орден, какой ему вздумается, используя при этом короля, как своего вассала. При этом «Храм» признавал над собой то же самое руководство, что и доминиканцы, и францисканцы, и госпитальеры. Вполне каноническая церковная структура. Но вдруг инквизитор хлопнул в ладоши и «Храм должен исчезнуть». Он и мечтать об этом не мог, даже если бы хотел.

Кстати, не надо ставить знак равенства между инквизицией и Орденом святого Доминика. Доминиканцы действительно в значительной мере контролировали инквизицию, но отнюдь не пользовались её возможностями единолично и безраздельно. Поэтому обилие доминиканцев вокруг короля отнюдь не доказывает могущества инквизиции.

Ещё раз подчеркнём: нет никаких признаков того, что доминиканцы или инквизиция использовали короля в своих целях. При этом есть много признаков того, что он использовал их в своих целях. Что реально мог Гийом де Пари? Попытаться внушить королю мысль о злокозненности тамплиеров. Это он, вероятнее всего, делал, и таким образом добавил королю решительности в деле разгрома Ордена, и не более того. Второе, что могли и что, вероятно, делали доминиканцы – пытались использовать королевскую игру в своих целях. Не они были авторами этого процесса, но раз уж Орден рухнул, то почему бы и не использовать этот факт для усиления своих позиций?

Была тогда во Франции прелюбопытнейшая фигура, совершенно не упоминаемая в связи с делом тамплиеров, а напрасно. Доминиканец Николя де Фревилль. В 1296-97 годах – исповедник короля, с 1305 – кардинал. Жан Фавье писал: «В 1302 году де Фревилль оказал королю неоценимые услуги, и доверие, которым он пользовался, было пропорционально

тому, насколько Филипп нуждался в поддержке нищенствующих орденов против папского престола».

Николя де Фревилль пользовался неослабевающим влиянием на короля вплоть до смерти последнего. Когда умер Климент V, Филипп хотел видеть новым папой именно де Фревиля, да вскоре сам умер, и у де Фревиля не срослось.

Имел ли отношение де Фревилль к процессу тамплиеров? Безусловно, он держал руку на пульсе и мог оказывать влияние на процесс. Кузен де Фревиля, так же доминиканец, Филипп де Мариньи, архиепископ Санский, был тем самым человеком, который приговорил к сожжению 54 тамплиера.

Вместе с арестом тамплиеров у короля появилась серьёзная проблема – кто теперь будет управлять королевскими финансами вместо Ордена Храма? Разумеется, у короля были свои финансисты, но не такие эффективные, как храмовники, последних очень трудно было заменить равноценно. Напомним, что незадолго до разгрома Ордена Храма, король был вынужден вернуть казну в Тампль, без тамплиеров финансовые дела пошли наперекосяк. А 13 октября 1307 года эта проблема к королю вернулась.

И тут на первый план понемногу начинает выступать новая фигура – Ангерран де Мариньи. Родной брат Филиппа де Мариньи. То есть еще один кузен Николя де Фревиля. В 1307 году Ангерран уже являлся членом королевского совета, но еще не был главным финансистом короля. И не был в таком фаворе, как Ногаре. С последним Ангерран, судя по всему, вообще не общался. Он принадлежал к другой группировке. К 1309 году Ангерран де Мариньи, первоначально даже не имея на то должностных полномочий, начал осуществлять верховное управление финансовыми службами королевства.

Здесь очень важна дата. Если бы процесс тамплиеров был результатами «заговора доминиканцев», так уж они, очевидно, заранее хорошо подготовились бы к «жизни без тамплиеров», предварительно «разделив портфели», и Ангерран де Мариньи, уже являвшийся членом королевского совета и имевший такого влиятельного покровителя, как кардинал де Фревилль, уже в ноябре 1307 года мог бы приступить к управлению финансами королевства, но прошло больше года пока это наконец произошло, и то первоначально без должностных полномочий. Это неопровержимое доказательство того, что «доминиканская мафия» отнюдь не вертела королем, как хотела. И в конце 1307 года, и в 1308 у Ногаре было достаточно влияния на короля, чтобы не подпускать протеже доминиканцев Ангеррана де Мариньи слишком близко к королевской казне.

Доминиканцы лишь воспользовались ситуацией, которая не ими была создана, и то далеко не сразу сумели это сделать, им потребовалось несколько лет для того, чтобы обернуть в свою пользу устранение тамплиеров. Конец влияния Ногаре на короля отмечают в марте-апреле 1311 года. Только тогда и засияла в полную меру звезда Ангеррана де Мариньи. Позиция короля на Вьенском соборе, который начался 16 октября 1311 года, уже была отражением идей Ангеррана. Только в 1311 году, через 4 года после устранения тамплиеров, при дворе произошла смена элит, только тогда доминиканцы заняли ключевые позиции. И не потому, что они были такие шустрые, а потому что, королю это было выгодно.

Ногаре, человек большой обиды, был максимально эффективен и практически незаменим в роли разрушителя. А потому первый год процесса тамплиеров, год железного прессинга, это год Ногаре. И короля, и Ногаре доминиканцы интересовали тогда только в роли палачей, владеющих искусством пытки, а отнюдь не в роли людей, определяющих государственную политику. Ногаре ни когда не имел отношений с Ангерраном, и де Фревилль не мог действовать через Ногаре, потому что странно было бы кардиналу водить дружбу с человеком, находившимся под церковным отлучением.

Но к концу 1311 году король вполне осознал изменение ситуации. Во-первых, стало очевидно, что Орден тамплиеров уже никогда больше не вернется на сцену, оставалось лишь ула-

живание формальностей, то есть задача по разрушению была полностью выполнена, и в беспредельщике Ногаре отпала необходимость. Во-вторых, стало очевидно, что с папой Климентом, проявившем в деле тамплиеров неожиданную упертость, относительно окончательного решения судьбы Ордена надо договариваться, искать компромисс, к чему Ногаре был решительно не способен, с ним папа и разговаривать не стал бы. А вот Ангерран де Мариньи имел просто чудесные отношения с папой, Климент почему-то очень благоволил к этому человеку. То есть Ангерран, ставший своеобразным мостиком между королем и папой, потребовался Филиппу не только, как финансист, но и как дипломат. С этого времени все козыри были на руках у доминиканцев. И эти козыри сдал им король, сделавший это только тогда, когда счел необходимым.

Джон Робинсон, исследователь спокойный и объективный, не склонный к фантастическим преувеличениям, выводит на роль главного врага Ордена Храма госпитальеров. В этой связи он анализирует восстание Уота Тайлера, дикий бунт 1381 года, бросивший на Лондон более ста тысяч крестьян. Восставшие последовательно и целеустремленно уничтожали в первую очередь имения госпитальеров, а позднее один из бунтовщиков, говоря о целях восстания, честно признался: «Во-первых и прежде всего истребить госпитальеров».

Кто и почему мог иметь такую жгучую и по-видимому совершенно иррациональную ненависть к ордену госпитальеров? Трудно сказать, потому что даже личность Уота Тайлера не была установлена, известно только, что он не был крестьянином, показав себя, как полководец, обладающий реальным боевым опытом. Робинсон выдвигает версию о том, что это наследники тамплиеров мстили госпитальерам за разгром Ордена Храма. Ведь известно, что недвижимость тамплиеров отошла в первую очередь к госпитальерам.

Для того, чтобы признать эту версию справедливой, надо утвердиться в мысли, что тамплиеры считали госпитальеров главными виновниками разгрома своего Ордена. Могло ли так быть? И насколько Госпиталь был виновен перед Тамплем?

Между двумя духовно-рыцарскими орденами действительно в разные периоды истории вспыхивала враждебность, доходившая порою до крайности. Они конкурировали и, очевидно, не очень любили друг друга. Госпитальерам по многим причинам было выгодно устранение тамплиеров, но отсюда ещё не следует, что Госпиталь был инициатором или хотя бы одним из инициаторов этого устранения. Если бы мы решили возложить часть вины за разгром храмовников на госпитальеров, то не нашли бы ни одного подтверждения. Госпитальеры ни разу активно не вмешивались в процесс над тамплиерами ни на стороне защиты, ни на стороне обвинения. Руководители Госпиталя не сделали в этой связи ни каких заявлений. А ведь этих заявлений от госпитальеров, очевидно, ждали как защитники, так и обвинители Ордена Храма. Может быть, оно и правильно, то, что Госпиталь по этому вопросу придерживался строгого нейтралитета. А, может быть, и не очень правильно. По ходу процесса госпитальеры выглядят молчаливо стоящими рядом и ожидающими, когда наконец можно будет наброситься на имущество тамплиеров и объявить его своим. Хотелось ли им защищать вчерашних братьев по оружию, если в случае успешной защиты можно было потерять хороший куш? Не объясняется ли нейтралитет Госпиталя корыстными мотивами? Что ни говори, а это подозрение всё же липнет к Госпиталю. Неужели сами рыцари-иоанниты этого не понимали? Чтобы отвести от себя это подозрение, руководители Госпиталя, не вмешиваясь в процесс по- существу, всё же могли сделать несколько заявлений о боевой доблести храмовников, о их набожности, чему не раз были свидетелями. Это было бы очень благородно, великодушно, по-рыцарски. Когда тамплиеры умирали под пытками и горели на кострах, неужели не пришло время забыть обиды?

А иные госпитальеры так и не придерживались нейтралитета. На Кипре, где вся знать, горожане и священники засвидетельствовали храбрость, набожность и добрую славу тамплиеров, единственная противоречащая нота прозвучала от командора госпитальеров. Господи, какая низость...

Так почему госпитальеры не заступились за Орден Храма? Может быть, потому что они были уверены в виновности тамплиеров, и тогда их не в чем упрекнуть? Может быть. А отказаться от имущества Тампля могли? Очень уж они тут напоминали мародёров, ободравших труп павшего товарища. Но Госпиталь, как и Тамплъ, структура кроме прочего экономическая. Как же они могли отказаться от того, что приносит доход? И всё-таки они повели себя не по-рыцарски, и это оставляет очень горький осадок. Однако, будем помнить: у нас нет ни одного доказательства того, что госпитальеры приложили руку к разгрому Ордена Храма.

Многие серьёзные исследователи видят причину гибели Ордена Храма не в происках конкретных лиц или структур, а в самом ходе истории. Ги Фо, например, пишет: «Тамплиеры представляли собой настоящее государство в государстве, державу, не подвластную монархам. Эта опасность не ускользнула от внимания советников Филиппа Красивого, которые создавали абсолютную монархию. Для короля разрушение такой державы являлось задачей гораздо более серьёзной и закономерной, чем овладение богатствами Ордена».

Сначала Сиверцев полностью принял эту многократно выраженную концепцию, а потом она перестала ему нравиться по нескольким причинам. Не надо так уж сильно преувеличивать самостоятельность Ордена Храма, который якобы в силу этого раздражал короля. То, что Орден не подчинялся королю, не представляло собой ничего исключительного. Орден был всего лишь церковной структурой, а ни одна церковная структура не подчинялась королю. И доминиканцы, и францисканцы, и инквизиция, и огромные монастырские конгрегации – никто из них королю не подчинялся, имея своё церковное руководство. Тех, кто не подчиняется де-юре, обычно подчиняют де-факто, что король и делал и, как правило, весьма успешно. Не именно Орден Храма, а вообще вся Церковь представляла собой «государство в государстве», так ведь не сжигать же было из-за этого всех церковников на кострах.

Конечно, от других церковных структур Орден отличался тем, что представлял собой неподчинённую королю вооружённую силу. Но и в этом смысле Орден Храма не был уникален. Почему же иоанниты-госпитальеры не препятствовали «созданию абсолютной монархии»? Орден иоаннитов просуществовал до наших дней, и в абсолютную монархию вписавшись, и ко всем остальным эпохам приспособившись. И тамплиеры, как госпитальеры, вполне способны были приспособиться к условиям постепенно формирующегося централизованного государства.

И зачем обязательно считать «железного короля» слоном в посудной лавке? Если его так сильно раздражало то, что тамплиеры ему не подчиняются, так логично было попытаться их подчинить, а не уничтожить. Подобные примеры в ту эпоху были перед глазами. В пиренейских государствах и тамплиеры, и другие духовно-рыцарские ордена имели двойное подчинение – как папе, так и монархам. И Филипп имел подобную мысль, когда предложил объединить Госпиталь и Тамплъ с тем чтобы самому встать во главе объединённого Ордена. И если тамплиеры не поддались на ласковые уговоры, так ведь достаточно было арестовать верхушку Ордена, тех самых четырёх иерархов, обвинить не в ереси, а в общеуголовных преступлениях, так же точно пытками вырвать признания, а потом, надо полагать, у короля не возникло бы никаких проблем с тем, чтобы возглавить обезглавленный Орден. И шума меньше, и смысла больше. Встав во главе Ордена, король получил бы доступ ко всем его ресурсам, не имея необходимости ни с кем делиться, и проблем с папой возникло бы не больше, чем возникло.

Итак, для того, чтобы решить проблему строптивых тамплиеров, которые не желают ему подчиняться, достаточно было более жёсткими и радикальными методами осуществить уже имеющуюся идею о том, что король должен возглавить объединённый Орден. Не было ни малейшей необходимости в таком диком процессе. Так какие же силы, какие причины породили этот небывалый процесс?

Как ни странно, самым реалистичным и непротиворечивым объяснением является официальная версия. Главной, корневой причиной была твёрдая уверенность короля Филиппа в виновности тамплиеров. Король был настолько потрясён омерзительностью тамплиерских преступлений, что готов был пойти на любые меры для того, чтобы это богомерзкое сборище исчезло с лица земли. Это объяснение не противоречит ни одному известному факту, а кроме того имеет косвенные подтверждения.

Зачем Филипп долбил по мозгам всем европейским монархам, настаивая на том, чтобы и они начали процесс против тамплиеров? У короля Филиппа не было никакого личного интереса в разгроме подразделений Ордена в других странах Европы. В плане материальном он тут никак не мог поживиться, централизации Франции иностранные тамплиеры никаким образом не мешали, личные обиды у него могли быть только к французским тамплиерам, которые и так были в его руках. Но помазанник Божий, полагавший себя защитником веры Христовой, считал недопустимым, чтобы эти «дьявольские отродья» сохранились хоть где-нибудь в христианском мире. Ревность о вере, столь непонятная современному миру, была причиной, по которой Филипп решил «дойти до Геркулесовых столпов» во всех смыслах, включая прямой – до Гибралтарского пролива.

Гийом де Плезиан утверждал, что преступления тамплиеров «общеизвестны, неоспоримы, более ясны, чем полуденный свет». Наверное, нет ничего удивительного в том, что советник короля выражал точку зрения короля. А назовите хоть одну причину, которая позволила бы твёрдо утверждать, что Филипп был неискренним.

Вот вам и ответ на вопрос, а почему король набросился на тамплиеров, а не на госпитальеров? Да потому что донос поступил именно на тамплиеров. Именно донос и был причиной процесса. То есть, как было заявлено, так и было. В правдивости официальных версий всегда полезно сомневаться, но никогда не надо сходу их отвергать.

В устранении Ордена Храма были заинтересованы очень многие. Но в политике всегда и все заинтересованы в устранении одного из крупных и успешных игроков. И если кто-то был устранён, это ещё не значит, что виноваты все.

Процесс был вызван искренней заботой о вере, но потом кто только не погрел руки на пламени тамплиерских костров. И сам король, порешавший материальные проблемы и отплативший тамплиерам за личные обиды. И Ногаре, с большим удовольствием ещё раз показавший, что ни в каком деле не остановится ни перед чем. И доминиканцы, благодаря устранению тамплиеров значительно укрепившие свои позиции. И ставленник доминиканцев Ангерран де Мариньи, карьера которого расцвела пышным цветом, будучи обильно удобрена тамплиерским пеплом. И госпитальеры, получившие тамплиерскую недвижимость. И даже папа Климент, получивший возможность обменять уступку королю в деле тамплиеров на прекращение процесса в отношении покойного папы Бонифация.

Вроде бы по большому счёту ни на ком из них и не лежит вина за разгром Ордена, попользовались просто тем, что Бог послал. Но вот ведь какая удивительная штука: всем, кто имел отношение к процессу тамплиеров, Бог послал не только неоспоримые выгоды, но и скорую смерть.

Короля на охоте ранил кабан. «Из-за плохого лечения» он умер 29 ноября 1314 года. Если у короля были плохие лекари, то у кого же во Франции были хорошие? По другой версии король «скончался от паралича». Ещё по одной версии «Филипп умер от какой-то загадочной болезни». Короче, мы не знаем, отчего умер Филипп, и каковы были его лекари.

А вот лекари папы Климента были совершеннейшими чудаками. От язвы желудка они лечили его толчёными изумрудами. И безо всякой язвы совершенно здоровый человек просто обязан был умереть от этого «лекарства», что папа и сделал 20 апреля 1314 года, всего на месяц пережив Жака де Моле.

При этом Жак де Моле пережил своих главных обвинителей – Гийома де Ногаре и Гийома де Плезиана. Оба были убиты ещё в 1313 году. Говорят, что Ногаре «погиб самым жалким и загадочным образом». А доносчик Эскьен де Флорайн был заколот кинжалом.

В этот список обычно не помещают Ангеррана де Мариньи, а напрасно. Человек, сменивший казначея Тампля на посту главного финансиста Франции был арестован 11 марта 1315 года, уже через год после казни де Моле. Во время процесса вина Ангеррана не была доказана, но это никого не волновало, он был повешен 30 апреля 1315 года. Труп всемогущего де Мариньи целых 2 года проболтался в петле на виселице в Монфоконе. Кажется, ещё никогда в истории повешенный так долго не радовал зрителей, весело болтаясь в петле.

Сиверцев без удовольствия почувствовал, что все эти смерти вызывают у него злорадство. Нехорошо. Чья угодно смерть – не повод для иронии. Он хотел простить всех, кто так или иначе участвовал в уничтожении Ордена, но, видимо, так и не смог. Пепел тамплиеров день и ночь стучал в сердце русского рыцаря, он постоянно слышал душераздирающие крики, доносившиеся из мрачных застенков инквизиции. Конечно, все политики того времени были по-своему правы и в известном смысле ни в чём не виноваты, поступая так, как вынуждены были поступать, но эти крики, этот запах горелой плоти, эти предсмертные хрипы – это всё плата за элегантную стройность политических построений, это всё следствие искренней религиозности правителей и палачей. Не нас пытали и сжигали, не нам и прощать.

И ведь действительно можно усмотреть Божью кару в том, что так быстро и так нехорошо покинули этот свет все они – и Филипп, и Климент, и Ногаре, и Плезиан, и Флорайн, и Мариньи – никто не умер своей смертью. Конечно, надо с большой осторожностью рассуждать о карах Господних, мы порою так уверены в мотивах действий Господа Бога, как будто Он с нами советовался, принимая решения. У любого политика грехов всегда больше, чем один и неизвестно, который именно переполнил чашу долготерпения Божьего. И врагов у каждого из них было достаточно, кроме предполагаемых мстителей за тамплиеров. И всё же, и всё же... Двоих залечили до смерти, других прирезали, последнего – вздёрнули. Красноречивая череда весьма неловких совпадений...

Андрей понял, что этот «разбор полётов» ни на шаг не приблизил его к ответу на вопрос, отрекались ли тамплиеры от Христа. Если Филипп Красивый и другие представители стороны обвинения не сомневались в виновности тамплиеров, так это ещё ничего не доказывает. Они либо были правы, либо ошибались, то есть мы вернулись к тому, с чего начали.

Но не совсем. Внимательно просмотрев информацию по процессу тамплиеров, Сиверцев уже готов был продолжить список виновников гибели Ордена, которые так же очень плохо кончили. Это Жак де Моле, Гуго де Пейро, Жоффруа де Шарне и Жоффруа де Гонневиль – высшие иерархи Ордена Храма. Вот подлинные виновники гибели Ордена Храма, во всяком случае они виноваты в трагедии тамплиеров больше, чем кто-либо. Андрей мог понять и простить короля и папу, мог до известной степени оправдать чокнутого Ногаре и властолюбивых доминиканцев, мог вообще освободить от обвинений Мариньи и госпитальеров, но Моле, Пейро, Шарне и Гонневиль он не мог ни понять, ни простить.

Можно пока оставить в стороне вопрос о том, на самом ли деле они отрекались от Христа и предали Церковь, однако, вне всякого сомнений, они отреклись от Ордена Храма и предали тамплиеров. Говорят, что из пламени костра Жак де Моле проклял короля и папу. Проклял бы лучше самого себя. Дай Бог, чтобы страдания на костре хотя бы отчасти искупили его низкое поведение, опорочившее славную двухсотлетнюю историю Ордена Храма.

Так почему же погиб Орден Храма? Да потому что в Ордене не было никакого смысла, когда его возглавляли такие ничтожества. Не может быть, что все тамплиеры тогда были похожи на своих руководителей, столько ничтожеств просто не бывает. Но ведь не случайно же именно эти недостойные рыцари оказались во главе Ордена Храма. До какой-то степени характер руководства всё же отражал характер всего Ордена. До какой? Определённая часть тамплиеров, неизвестно только большая или меньшая часть, в чём-то явно была виновата, хотя и не факт, что именно в том, в чём их обвиняли.

Сиверцев встретил Серёгу в аэропорту Аддис-Абебы. Он очень ждал этой встречи. Едва знакомый ему молодой москвич сейчас казался одним из самых родных в целом мире людей. Серёга – это Родина, а Родина... это разговоры на кухне до утра о смысле жизни. Кажется, только русские способны с таким оживлением и увлечением спорить об отвлечённых материях, не имеющих никакого практического значения – до хрипоты, до смертных обид.

Ну вот живём мы себе, как все, проблем – море, не знаем, как разгрести, и вдруг неожиданно в этом море житейских проблем всплывает вопрос: а что там всё-таки произошло, в этом Ордене тамплиеров, 700 лет назад? И ответ на этот вопрос становится таким важным, что мы готовы позабыть и о хлебе насущном, и обо всех своих жизненных перспективах, и о том, кто виноват в наших проблемах, а вот кто виноват в гибели Ордена Храма – это вопрос вопросов, и мы уже готовы не спать ночей пытаясь найти ответ.

Став рыцарем, Андрей теперь имел в своём подчинении трех сержантов, и ему не по чину было вести машину самому, но сегодня он сам сел за руль, надеялся, что во время дальней дороги от Аддис-Абебы до Лалибелы они с Сергеем смогут досыта обо всем наговориться без посторонних. Но задушевной встречи, на которую так рассчитывал Андрей, не получилось. Серега протянул ему руку с каменным лицом, попытавшись, впрочем, улыбнуться, но не очень убедительно. С ним что-то было не так.

– Что в России? – спросил Андрей, когда они уже отъехали от аэропорта.

– В России – Чечня. Только Чечня и ничего больше.

– Ты – оттуда? Пришлось повоевать?

– Да какое там повоевать. Это не война. Это массовое безумие. «Пересвет», конечно, ни на одной из сторон не воевал, да и нет там никаких сторон – сплошные сумасшедшие, что русские, что чеченцы, и ни кто не понимает, что вообще происходит, – Серега с трудом выдавливал из себя слова, скупые мертвые слова человека, который только что вернулся из ада.

– Любая война – не лучше, – сухо заметил Андрей. – Ты бы посмотрел, что творилось в Эритрее во время войны с Эфиопией.

– Нет, тут совсем другое. Эфиопия действительно пыталась удержать Эритрею в своём составе, а федералы не ставят перед собой такой задачи. Для того, чтобы сломить чеченский сепаратизм, война вовсе не требовалась, достаточно было усилий спецслужб. Но в Чечне ни кто не собирался наводить конституционный порядок. Федералы были в прекрасных отношениях с Дудаевым. Ни кто ни кого побеждать не собирался. Устроили кровавую бойню, всеми силами стараясь затянуть ее подольше, а посреди этого хаоса бесконтрольно выкачивали и продавали нефть в огромных количествах. Кто с кем воюет, если Россией фактически правит Березовский, и он же на свои деньги вооружает чеченских боевиков. А русские и чеченцы послушно убивают друг друга, доходя до такой степени взаимно озлобления, какой и вторая мировая не знала.

– Наслышан о зверствах чечен...

– А я бы тебе о зверствах наших федералов такие вещи порассказал... ты бы не поверил. И чечены, и федералы так беспримерно жестоки именно потому, что ни для тех, ни для других

в этой дикой бойне нет ни какого смысла. И простые горцы, и рядовые солдаты чувствуют себя жертвами неких сил, которым на них наплевать, и мстят всем за всё. Там ни у кого нет ни каких идей.

– А я слышал, что чеченские лидеры реализуют план создания «исламистского пояса». И разве простые чечены не сражаются за ислам?

– Да, есть план «Лассо», предполагающий изменить геополитический расклад в регионе в пользу ислама, но тысячи чечен так же ни чего не слышали про этот план, как и наши рядовые солдаты. И не нужны чеченской массе все эти расклады. Религиозность чечен вообще не надо преувеличивать, ислам в них весьма неглубок, и живут они не столько по шариату, сколько по адату – родоплеменному кодексу. Чечен отнюдь не воодушевляет идея джихада. Да ведь и не угрожали федералы исламу в Чечне, не ради борьбы с исламом ввели туда войска. А идеи ваххабизма чечен вообще ни как не захватили.

– И всё-таки религиозную карту в Чечне разыгрывают.

– Вот именно, что её там разыгрывают. В Чечне всем наплевать и на ислам, и на христианство. Это розыгрыш такой, впрочем весьма впечатляющий. Разрушены все до единого христианские храмы.

– Что-то я ни чего не пойму. С одной стороны инфернальный Березовский и криминальный нефтяной бизнес, с другой стороны – план «Лассо» и ваххабизм, признаки религиозной войны. Горцы сражаются за ислам, которому ни что не угрожает, федералы – за территориальную целостность, которую сами же разрушают...

– А ты думаешь я что-нибудь понимаю? Почему Кремль сначала всеми силами поддерживал Дудаева и даже очень хорошо вооружил Чечню, а потом вдруг неожиданно на неё напал? В какой степени политика Кремля является отражением амбиций Березовского, и в какой степени Березовский проводит интересы Запада? Что было причиной и что было целью чеченской войны? Кто её на самом деле начал? Что такое вообще эта война? Криминальный бизнес? Попытка изменить геополитический расклад в регионе в пользу Запада? Агрессия ваххабизма, имеющая источником Саудовскую Аравию? Всё это вместе взятое? Если да, то в каких пропорциях, и кто первая скрипка? Дурак же тот, кто думает, что ему известны ответы на эти вопросы. В крупных раскладах чаще всего бывает так: некой силе уготована роль инструмента, а этот инструмент по ходу реализации начинает играть собственную партию, при этом он может вплетать свои интересы в замысел хозяина, а может с определенного момента полностью игнорировать замысел хозяина, пытаясь играть роль самостоятельной силы, или может переметнуться на сторону врагов своего хозяина. А со стороны наблюдая за происходящим и пытаясь анализировать обрывки информации, бывает почти невозможно понять, кто тут хозяин, кто инструмент, кто работает на дядю, а кто на себя, где основной замысел, а где побочные эффекты, и кто всю эту кашу заварил. Бывает, что весь замысел состоит из желания одной силы ослабить другую силу, но где-то с середины игры в неё вступает третья сила, которая пытается использовать ситуацию в своих интересах. К первоначальному замыслу третья сила может вообще не иметь отношения, но со стороны может казаться, что именно эта сила является автором проекта. Или случится в ходе реализации провал, а со стороны его можно принять за тонкий тактический ход. И так далее до бесконечности. Иными словами, мир ни когда не узнает, чем была на самом деле чеченская война. При этом каждый будет видеть в этой войне то, что ему ближе, исходя из убеждений. Антиглобалисты – происки Запада, исламисты – джихад, антисемиты – сионистский заговор, патриоты – войну за «единую и неделимую», либералы – имперские амбиции, христиане – войну с христианством, коммунисты – происки олигархов, прагматики – криминальный бизнес и так далее.

Сиверцев усмехнулся:

– А я пытаюсь понять причины гибели Ордена Храма...

– Вот-вот. Мы не можем понять даже тех процессов, которые происходят сегодня.

– Но человеку разумному свойственно пытаться понять.

– Человек разумный должен осознавать ограниченность своих возможностей.

Они замолчали. Серега выглядел таким опустошенным, как будто этот разговор отнял у него последние силы, и Андрей не стал донимать его разговорами. Молчали, наверное, целый час, потом Андрей почувствовал, что надо спросить хотя бы из вежливости:

– Как там наши?

– Все живы, только Ставров тяжело ранен, но похоже, что выкарабкается.

– Так что же делал в Чечне «Пересвет»?

– Потом, Андрюха, потом всё расскажу. Дорого мне вышла эта Чечня.

– От «Северной Пентаграммы» тоже нелегко отходили.

– Это другое. С «Северной пентаграммой» было просто. В этом доме – подонки, а вокруг – нормальные люди. А Чечня – это массовое безумие. Там нет нормальных, и оттуда невозможно вернуться нормальным.

– Здесь отдохнешь. Я тебе культурную программу организую. Лалибелу посмотрим, в Гондэр съездим, а хочешь – в Аксум. О тамплиерах поговорим.

– Всё потом. Пока ни чего не хочу смотреть и ни о чем говорить. Под землю хочу, в тишину, и подольше на поверхность не подниматься.

– Не проблема. На то и «Секретум Темпли». На богослужения к намходишь.

– Да... хочу литургии... Тихой-тихой... Как думаешь, это хороший признак?

– Это очень хороший признак.

Всю оставшуюся дорогу до Лалибелы они молчали. Когда прибыли в «Секретум Темпли», Андрей провел Серегу в гостевую комнату. В ту самую комнату, где когда-то и сам жил, оказавшись в Ордене. Душу Сиверцева защемило. Кажется, он лежал на этой койке в другой жизни. Нахлынули пронзительные воспоминания. Теперь уже и сам он не хотел ни о чём говорить. Андрей объяснил Серёге все необходимые бытовые моменты и попрощался. Он решил не тревожить своего московского друга по крайней мере неделю. Пусть помолчит и помолится. Пусть тишина и благодать Божья вылечат его душу. Человеческие слова тут бессильны. Они даже очень опасны, эти слова – язвящие, пронзающие. Разве они, тамплиеры, знают другие слова? Разве они способны лечить словом? Нет, их слова, как мечи. Но они умеют держать мечи в ножнах.

Из глубины веков до Сиверцева доносились голоса тамплиеров, голоса измученных, растерзанных друзей. Они не имели теперь ни чести, ни славы, ни белых плащей, ни достойных врагов, ни права на достойную смерть. Вокруг них были теперь только инквизиторы и легисты, палачи и крючкотворы. Но тамплиеры не молчали. Самые сильные, самые чистые из них говорили так, что их слова и доныне пронзают душу:

«Доминиканские монахи, убийцы, творцы великого беззакония, закрыли уши свои, как гадюки, от правды, которую не могли они понять, и исказили её, скрутив в клубок, как скручиваются в клубок ядовитые змеи... Они были введены в заблуждение горячей ненавистью своей и дикой алчностью своей».

С такими словами обратился в 1308 году к «достопочтенным докторам и учёным мужам Парижского университета» анонимный тамплиер, вероятнее всего, имевший высокое положение в Ордене, похоже, что сам прошедший через застенки, а потом бежавший. Кажется, невозможно опровергнуть то, что он говорит в защиту Ордена:

«Многие, как в старые времена, так и сейчас, покинули Орден из-за того, что им не хватило твёрдости в достижении цели. После такого отступничества они заслужили множество насмешек от друзей своих и родных, потому что Орден отверг их. Если эти люди знали о позоре в Ордене, почему молчали они, когда могли оправдаться, сказав, что не хотели оставаться среди людей, замешанных в такой дикости? Вместо этого, после слезных молитв и длительных настойчивых просьб, кающиеся грешники получали разрешение вернуться и ели год и день на голой земле, питаясь шесть дней хлебом и водой... Так почему же эти люди возвращались, как пес на блевотину свою и исполняли такую большую епитимию? Другие, которые так тяжко согрешили, что по правилам ордена не могло быть им даровано разрешение на возвращение, почему они не разоблачали этот позор?

Среди сотни братьев Ордена, находящихся в египетских тюрьмах, есть те, кто предпочли умереть в послушании Ордену, дабы получить жизнь вечную, лишь бы не делать ни чего против веры своей, а если бы предпочли они предать веру свою, их бы почитали среди сарацин, но они предпочли закончить дни в повиновении вере своей».

Анонимный тамплиер писал в условиях, когда уже не подвергался опасности, но ему вторят и голоса из застенков. Тамплиерский священник Пьер де Болонья был одним из самых стойких и искусных защитников любимого Ордена. Он говорил, что обвинения в «постыдных, неразумных, греховных и отвратительных вещах лживы и поистине несправедливы, всё это выдуманно, создано из ничего, благодаря клеветническим показаниям врагов и соперников, на самом деле орден тамплиеров чист и безгрешен, как и всегда прежде. Все, кто утверждает обратное, поступают, как лживые предатели и еретики, желая посеять плевелы вражды, однако, тамплиеры готовы вынести всё это и противостоять злу сердцем, устами и деяниями – всеми мыслимыми способами, какими следует и должно бороться с клеветой».

Ему было 44 года, мужественному отцу Пьеру. На момент ареста он состоял в Ордене 26 лет, то есть всю сознательную жизнь. Неужели все эти годы он был хриstopродавцем? Человек, предавший Христа, как и любой другой предатель, не может быть стойким, а он бесстрашно обвинял в клевете самых могущественных людей Франции. Возможно ли поверить, что следующие слова он сказал лишь из хитрости и лукавства: «Удивительным является то, что более всего доверяют лжецам, которые дают показания в угоду собственной плоти, не думая о тех, кто как истинные мученики – христиане умерли под пытками, не предав истины. Подобно этим мученикам и живые, упорно отстаивая истину и опираясь исключительно на силу своего духа, ежедневно подвергаются в тюрьмах страшным пыткам и прочим страданиям, а так же позору, поношениям и унижениям».

Не многим дано выдержать пытки, на это способны только исключительно сильные люди. Конечно, отец Пьер имел моральное право обвинять тех, «которые дают показания в угоду собственной плоти», он сам через это прошел. Но мы такого права не имеем, нас там не было. Неужели у кого-то повернется язык осудить тамплиера Понсара де Жизи, который говорил:

«В течение трех месяцев до того допроса, на котором я сделал признание в присутствии епископа парижского, меня неоднократно отпускали в колодец, так туго стягивая руки за спиной, что из-под ногтей выступала кровь. Если меня снова будут пытать, я, конечно, отрекусь от всего, что говорю сейчас и скажу всё, что будет угодно моим мучителям. Во имя ордена я готов лишиться головы, быть сожженным на костре и сваренным заживо, но не могу терпеть столь ужасные длительные пытки, каким меня не раз подвергали за более, чем два года, проведенные в тюрьме. Пыток я больше не вынесу».

Какой простодушной искренностью дышат слова несчастного Понсара. Он вроде бы честно признается в своей слабости, но в чем эта слабость? В том, что ради чести Ордена он охотно готов сгореть на костре или быть сваренным заживо? Палачи сломали его пытками, но не превратили в ничтожество. Едва лишь будучи избавленным от пыток, от тут же встал на защиту Ордена.

А отец Пьер продолжал поражать обвинителей своей железной логикой: «Орден Храма всегда был и остается чист и свободен от каких-либо пороков, прегрешений и зла. Как можно поверить тому, что так много людей знатного происхождения... оказались столь глупы и безумны, что, стремясь погубить душу, выбрали именно служение в ордене? Если бы рыцари действительно столкнулись в Ордене Храма с такими беззакониями, особенно это касается богохульства в отношении Христа, они бы тут же возопили и громко поведали об этом всему миру».

Об этом же не менее убедительно говорил цистерцианец Жак де Перин: «Неужели свет веры, да что я говорю, пламя естественного закона, могло вдруг омрачиться столь ужасающим и позорным образом у стольких людей, таких известных, таких высокопоставленных, из которых одни – простолюдины, а другие – аристократы, все принадлежат к разным народам и говорят на разных языках, но все рождены в законном браке и воспитаны среди глубоко верующих христиан. В этот орден вступали, что бы защитить или вернуть святые места, чтобы биться с врагами веры, так неужели же князь тьмы сумел так быстро их совратить и установить над ними столь прискорбную и столь поразительную власть?»

Цистерцианцы со времен Бернара Клервосского были очень тесно связаны с тамплиерами. Они делили честь и славу, они вместе переживали горечь поражений, и в дни унижения и позора братия из Сито не побоялась возвысить свой голос в защиту Ордена Храма. Благородные люди.

А вот как пересказывают слова тамплиера Жана де Монреалья. Он говорил о благородных целях создания Ордена, о его безупречном существовании в течение длительного времени, о неизменной строгости его внутренних обычаев и правил, а так же о соблюдении в Ордене церковных постов и праздников. Он привлёк внимание комиссии к тому, что король Франции и правители других государств постоянно использовали тамплиеров, как банкиров, а так же в иных качествах в соответствии с возможностями Ордена и заявил, что вряд ли на эту роль были бы избраны тамплиеры, если бы их Орден не был свободен от грехов. Жан де Монреаль напомнил комиссии об огромной роли, сыгранной Орденем в борьбе с сарацинами, и о прекрасной смерти великого магистра Ордена Гийома де Боже в битве за Акру, где вместе с ним погибли ещё 300 тамплиеров. Именно тамплиеры несли святой крест в страны Востока, а так же в Кастилию и Арагон. Шипы тернового венца Спасителя, которые расцветали в руках капелланов Ордена в Святой Четверг, не расцветали бы, если бы братья были виновны. Более 20-и тысяч братьев Ордена пали во имя святой веры в заморских странах, и теперь защитники Ордена готовы сражаться с любым, кто скажет о ней дурное слово, кроме короля, папы и их слуг.

Это уже не просто судебная защита, это настоящая поэма о тамплиерах. Вот такие возвышенные рыцари встречались в Ордене периода упадка. Красноречие Жана де Монреалья воистину благословенно, и пусть его слова не были услышаны обвинителями, но они пережили века.

А вот переживший пытки сержант тамплиеров Эймон де Барбон говорит: «Моё тело страдало, а душа плакала, и я много вытерпел ради Ордена. Три года я был привратником великого магистра и не знаю ничего дурного ни о магистре, ни об Ордене Храма». Простоватый сержант, совершенно чуждый красноречия и не знающий толком что сказать, сказал, может быть, больше всех. Постарайтесь хорошо почувствовать его бесхитростные слова. Неужели от них можно отмахнуться?

О, тамплиерам было, что сказать: «Приор Ломбардии Оливье де Пени отвечал папе, что тамплиеры ни чего не боятся, ибо все они добрые христиане и тверды в своей вере, за которую в любое мгновение готовы отдать жизнь, как не раз отдавали её их братья в бою и в застенках сарацин. Ни разу за 190 лет существования Ордена ни кто из братьев не выказал страха перед смертью».

В марте 1310 года общее число защитников Ордена достигло 597-и. Они слезно зывали к Богу: «Ты знаешь, Господи, что мы невиновны, так пусть нас освободят, чтобы мы смиренно могли выполнять обеты наши и служить Тебе и желаниям Твоим». Но ни одного хорошего слова об ордене не прозвучало из уст высших иерархов – Моле, Шарне, Пейро, Гонневия. Они просто спасали свои жалкие шкуры.

На вопрос о признании де Моле и других иерархов арагонский тамплиер Пьер де Блед воскликнул: «Они, лицемеры, солгали устами своими». Вот так настоящий рыцарь, тем более тамплиер, относится к руководителям, которые предали общее дело. Вот черта, где заканчивается и монашеский обет послушания, и беспрекословное подчинение военных. Ни какой личной преданности начальству. Личная преданность – только Христу.

Арагонский тамплиер Пьер Бланда заявил на допросе 15 февраля 1310 года: «Мерзости, приписываемые Ордену на основании так называемых признаний его руководителей, ни когда не существовали, и я добавлю, что если великий магистр Ордена Храма сделал эти признания, которые ему приписывают, во что я со своей стороны ни когда не поверю, то он солгал и погряз во лжи».

Вообще арагонские храмовники показали себя в этом деле большими молодцами. Доблестный Рамон СаГардиа, командор Ма Дье, возглавивший сопротивление и защиту ордена в Арагоне, бесстрашно обвинил обвинителей: «Не сумев доказать ни одного из преступлений, в которых они нас обвиняют, эти порочные создания обратились к насилию и пытке, так как только с их помощью они вырвали признание у некоторых наших братьев».

На допросе Рамона СаГардиа спросили: «Не плюете ли вы на крест и не попираете ли его ногами?» Он ответил: «Никогда! Ради славы и почитания святого креста я вместе с прочими братьями-рыцарями моего ордена ношу белый плащ, на котором изображен почетный знак красного креста в память святой Крови, пролитой Иисусом Христом за верующих в Него».

В том же духе ответил обвинителям арагонский рыцарь-тамплиер Беранже де Колль: «Ради почитания креста, на котором был распят Иисус, братья нашего ордена со всей торжественностью и благоговением совершают поклонение кресту в Святую Пятницу и в дни праздников креста в мае и сентябре. Когда тамплиеры поклоняются кресту в Святую Пятницу, они снимают обувь и меч. Так же ради почитания креста распятого Господа нашего Иисуса Христа все братья Ордена тамплиеров носят знак креста на своих плащах».

Сиверцев старательно и дословно выписывал всё, что говорили тамплиеры в своё оправдание. Он заметил, что ни в одной книге по процессу тамплиеров выступления в защиту Ордена не были собраны в одном месте, концентрированно, все авторы лишь выдергивают из них фрагменты для примера, куда больше внимания уделяя мрачному обличительному красноречию Ногаре и Плезиана. Но если собрать воедино всё, что по ходу процесса было сказано в защиту Ордена Храма, сила воздействия на сознание окажется совершенно иной. Все доказательства вины тамплиеров вдруг начинают казаться куда менее убедительными, способными производить впечатление лишь до тех пор, пока защите не дали сказать всё, что она имела сказать. Конечно, в выступлениях тамплиеров было куда больше пафоса и эмоций, чем логики и аргументов, и всё-таки из суммы этих высказываний можно вычленить многое такое, что допустимо отнести к реальным и весомым доказательствам невиновности тамплиеров. Об этом Андрей хотел поговорить с Серегой.

У Сереге были теперь другие глаза. Глаза больного ребенка, тихого и доброго создания, обескураженного и растерянного от столкновения с невероятной жестокостью этого мира. Неделию назад, когда Андрей встретил воина «Пересвета» в аэропорту, у него были глаза раненого хищника – за болью просвечивала затаенная ненависть и предсмертная отрешенность. Теперь это ушло, хотя боль осталась, но она стала чище, прозрачнее, благороднее.

– Как ты?

– Нормально. Какие чудные богослужения в вашем подземном храме. Словно в Киевской лавре, но там подземные храмы очень маленькие и после службы приходится сразу же подниматься на поверхность земли. А ваш храм для подземного – весьма просторный, величественный и благодать литургии легче сохранить в душе, не расплескав, на поверхность возвращаться не надо. Здесь у вас встретились, наконец, моя любовь к восточному православию и любовь к западному Ордену, здесь они сливаются в единую любовь, дарованную Господом, словно в вечности. Можно у вас подольше пожить?

– Да хоть год. А больше сам не захочешь. Я хотел с тобой о процессе тамплиеров поговорить.

– Извини, Андрюха, но не хочу пока.

– Ерунда. Начнешь и захочешь. Конечно, когда собственными глазами видишь, как гибнут люди, кажется странным говорить о погибших 700 лет назад. Вроде бы надо реальными делами заниматься, а не ворошить «дела давно минувших дней». А тебе не приходит в голову, что трагедия Чечни напрямую связана с трагедией Ордена Храма? Эмир Басаев делает джихад и не видит перед собой ни одного крестоносца. Федералы сами не знают, за что воюют. Говорят, наши с горькой издёвкой писали на броне танков: «В бой нас ведет «Менатеп».

– Да, я видел подобные надписи.

– Вот-вот. Русских воинов ведет в бой не Христос, а финансовый монстр. Между тем, чеченцы захватили исконные казачьи земли, то есть земли православные. А есть ли сегодня желающие защитить православие в казачьей станице Грозной? Так и вспомнишь слова из старой легенды: «Никого... никого... потому что Орден Храма разрушен».

– Мы этим и занимались в Чечне, но «Пересвет» мог послать туда только десять бойцов.

– А почему не десять тысяч бойцов? Может быть, потому что православные и до сих пор презрительно плюют на руины Ордена, не желая заимствовать христианский опыт Запада, а потом отдают православные храмы на разрушение новоявленным эмирам. Орден Храма опозорен и до сих пор не реабилитирован, и нет ни кого, кто встанет на защиту храмов с оружием в руках.

– Может быть, ты и прав, Андрюха. К тому же я своё отвоевал, пора возвращаться к академическим интересам.

– Да, я заметил, что ты хромаешь. Что-то серьезное?

– Серьезное, сустав поврежден. Ходить могу почти нормально, а бегать уже ни когда не придется. Ладно, говори, что хотел обсудить.

– Просмотрел всё, что говорили тамплиеры в свою защиту. Есть ряд весьма убедительных доводов. Первое. Орден Храма иногда сурово наказывал своих рыцарей, когда изгонял их с позором, то есть обиженных всегда хватало, и почему же на протяжении десятилетий ни один из них не заявил во всеуслышание о гадких обычаях Ордена? У рыцарей, опозоренных Орденом, были все резоны в ответ опозорить Орден, и если бы им было что сказать против Ордена, так уж молчать бы не стали. Второе. Если всех, кто вступал в Орден, принуждали отречься от Христа, так ведь нашлось бы немало добрых христиан, которые, возмутились этим мерзким требованием, пошли бы и «заявили, куда следует». Средневековье было очень религиозно, подавляющее большинство представителей всех слоев общества искренне верили в Христа и невозможно поверить, чтобы тогда тысячи людей безропотно отрекались от Христа, и ни один из них не отказался. Если же кто-то отказался, но побоялся доносить, так по ходу процесса бояться было уже не чего, и можно было рассказать правду, помочь королю уничтожить богомерзкий Орден. Но обвинение не выставило ни одного свидетеля, который заявил бы: «Я хотел вступить в Орден Храма, но мне предложили отречься от Христа, поэтому я отказался». Значит, все соглашались отречься? Но такого не могло быть в принципе.

Третье. Когда тамплиеры попадали в плен, сарацины только того от них и хотели, чтобы они отреклись от Христа. И если бы тамплиеры отрекались от Христа при вступлении в Орден,

к тому же без всякой видимой причины, так почему же было не подтвердить это отречение в плену, когда от этого зависели их жизни? Но хорошо известно, что в плену подавляющее большинство тамплиеров сохраняли верность Христу и принимали смерть за Христа, отрекшихся были единицы. Получается абсурд: в плену тамплиеры страдали и умирали за Того, в Кого не верили?

Сергея, слушая Сиверцева, кивал, а потом резюмировал:

– Это действительно очень серьезные аргументы в пользу невиновности Ордена. По большому счету все они сводятся к одному: в ту эпоху массовая организация, в которой при приеме требовалось отречение от Христа, не просуществовала бы и пять лет. Уже в первые два-три года с абсолютной неизбежностью произошла бы утечка информации, а такая информация по тем временам равнялась смерти. На Орден ежегодно поступали бы сотни доносов и хотя бы некоторые из них должны были достигнуть самых высших сфер, все ни как не удалось бы замаять. А между тем, инквизиторы имели показания тамплиеров, вступавших в Орден за последние примерно тридцать лет. Получается, что за 30 лет многие тысячи европейцев оказались посвящены в страшную тайну, многие имели основательные причины поведать эту тайну миру, но ни кто этого так и не сделал? Тут уже не скажешь: в это трудно поверить. Приходится сказать: это невозможно в принципе.

– Нам возразят: тамплиеры умели хранить свои тайны.

– Абсурд. Если поверить в признания, которые были сделаны на процессе, то из них уже следует, что тамплиеры совершенно не умели хранить тайны. Для начала надо понять, что отречение от Христа – самая страшная тайна, которая только могла существовать в средневековом обществе. Раскрытие этой тайны неизбежно приводило на костер. И как же тамплиеры хранили эту тайну? А они всем подряд при вступлении в Орден предлагали отречься от Христа. Но это же тысячи людей по всей Европе, и людей еще совершенно не проверенных Орден. Вступить в Орден, особенно в последние десятилетия, было не так уж сложно, ни каких особых испытаний не проводили, не было ни какой возможности заранее убедиться в том, что неопит благосклонно отнесется к чудовищному предложению. И что же получается: тысячам почти незнакомых людей тамплиеры сразу же легко доверяли смертельную для них тайну?

Представь себе, что в России действует организация, где работают тысячи человек. И вот, принимая на работу в ту организацию, всем без исключения предлагают подписать соглашение о сотрудничестве с ЦРУ. Как ты думаешь, долго ли продержится такая «шпионская сеть»? На год её точно не хватит. Ведь они же постоянно принимают людей на работу, кто-нибудь обязательно после этого предложения сходит в контрразведку. Даже если всем угрожать смертью в случае отказа, так ведь кто-нибудь и не испугается, да ведь всех-то и не будешь убивать, кто откажется, а откажется обязательно больше половины, слишком предложение скандальное. Представим себе невероятное – не откажется ни кто. Значит, в России будет действовать организация, где всем вплоть до самого мелкого клерка известно, что они работают на ЦРУ? Кого-нибудь без премии оставишь, зарплату не повысишь, с повышением обойдешь – и побегут в контрразведку явку с повинной строчить, а нет так кто-нибудь случайно проболтается. Смешно даже доказывать, что такой организации в принципе не может существовать.

А между тем измена Христу по тем временам была тайной куда более страшной, чем в наше время измена Родине. И искренних христиан тогда было куда больше, чем в наше время искренних патриотов. И сбегать в инквизицию тогда было ни сколько не сложнее, чем сейчас – в контрразведку. Иерархи Ордена ни когда не стали бы доверять тысячами новичков тайну, которая могла всех погубить. А если бы они попытались это делать, утечка информации произошла бы очень быстро со всей неизбежностью.

В наше время в России существуют организации, которые работают на иностранные спецслужбы, но там эта тайна известна лишь нескольким сотрудникам. Чтобы завербовать еще одного человека, его дело проверяют, как правило, имеется на него компромат, предложение

делают с глазу на глаз и чаще всего бывают готовы организовать ему инфаркт в случае отказа. И то случаются утечки.

В средние века так же существовали еретические организации, но это были либо маленькие группы, про которые ни кто не чего не знал, либо крупные организации, в которых тайна ереси была открыта лишь очень узкому кругу избранных. Новых сторонников ереси могли вербовать штучно из широкого круга непосвященных членов своей организации. К кандидату на посвящение можно было долго присматриваться, изучив все его привычки и наклонности, это уже не были случайные люди, а в случае отказа вступить в узкий круг, кандидата всегда можно было убить – один человек погибнет – ни кто и внимания не обратит.

Это правило неизменно действовало во всех веках: тщательный, штучный отбор кандидатов – обязательное условие выживания организации, деятельность которой основана на необходимости хранить тайну. Иногда рассуждают о «внутреннем круге тамплиеров», о степенях посвящения в Ордене, о «тайных уставах». При этом как будто забывают, что свою самую страшную тайну тамплиеры сообщали «по секрету всему свету», всем подряд кандидатам, то есть тысячам людей, которые еще и во «внешний круг» вступить не успели, не только ли «во внутренний». Если тайны, известной «внешним», были достаточно, чтобы отправить человека на костер, ни в каком «внутреннем круге» уже не было необходимости.

Итак, в средние века просто не могло существовать многотысячной разветвленной организации, при приеме в которую обязательным условием было отречение от Христа, а поскольку Орден существовал, значит это не было обязательным условием вступления в его ряды.

– Значит, ты уверен в невиновности Ордена и в ложности обвинения?

– Всё сложнее. Наряду с железобетонными доказательствами невиновности тамплиеров есть не менее основательные доказательства их виновности. Такой парадокс. У меня есть свой способ уложить и те и другие доказательства в единую непротиворечивую схему. Хочу лишь подчеркнуть, что сказанного – недостаточно.

– Тогда нам нужно детально и последовательно разобрать обе группы доказательств. Что ещё можно сказать в пользу невиновности тамплиеров?

– Первое, что лежит на поверхности – пытки. Во Франции все признания были получены под пытками. В Англии не было получено ни одного признательного показания до тех пор, пока не были применены пытки. Так же – в Германии и Италии. Ни арагонские, ни португальские тамплиеры не дали ни одного признательного показания. Закономерность очень четкая: есть пытки – есть признания, нет пыток – нет признаний. Как сказал один тамплиер, который прошел через инквизиторский ад: «Спрашивает пытка, а боль отвечает». Ну ведь невозможно же отмахнуться от этой закономерности. Кроме того, есть целый ряд случаев, когда тамплиеры ни в чем не признались даже под пытками.

– А вот Ги Фо пишет: «Признания существуют, я оставляю в своей книге только те, которые были сделаны добровольно, без угроз и не под пытками».

– Ну это просто смешно. Предположим, некоторых арестованных тамплиеров не пытали, но им достаточно было показать, как пытают других. Можно было и не показывать, и так все знали, что пытки применяются. Многие могли сломаться от одной только мысли, что их начнут рвать на части и жечь каленым железом. Определенно, некоторые тамплиеры были уверены, что всё равно не выдержат пыток и не зачем доводить инквизиторов до греха, лучше сразу сказать всё, что от них хотят услышать. Можно быть уверенным, что Жака де Моле, к примеру, не пытали, но откуда у господина Фо такая уверенность, что он сделал признание «добровольно и без угроз»? Он что, сам был инквизитором и может поручиться, что ни кому не угрожал?

– Но позднее, во время работы епископских комиссий и папской комиссии, тамплиерам постоянно повторяли: «Говорите смело, вам ни что не угрожает».

– А это был уже крайний цинизм. Кучу народа запытали до смерти, потом кучу народа сожгли на кострах, а оставшимся ласково сказали: «Вам ничто не угрожает». Кто бы поверил

в такие «гарантии безопасности», когда всех уже закошмарили до смерти? А может быть господин Фо не знал, что в средние века отказавшийся от первоначальных показаний считался вторично впадшим в ересь и подлежал сожжению на костре? Хорошая система, не правда ли? Сначала пытками добиваются признания, потом уже без пыток предлагают это признание подтвердить: «Говорите смело, вас ни кто не будет пытать». И ведь это правда, пытать больше не будут, потому что не зачем, если откажешься от первоначальных показаний – сразу же пойдешь на костер. Единственным способом остаться в живых было подтверждение признаний, данных под пытками.

–Всё так. И тем не менее. Даже если все признания сделаны либо под пытками, либо под угрозой пытки, либо под угрозой костра, это ещё не доказывает, что все признания были ложью. Под пытками тоже порою говорят правду. И если без пыток признаний не делали, это еще не доказательство невиновности, может быть просто не было смысла признаваться в страшной правде.

–Да, разумеется. Мне самому не нравятся современные защитники Ордена, которые из факта применения пыток делают вывод о невиновности тамплиеров. Под пытками человек может себя оговорить, но так же может и открыть правду. Я утверждаю лишь то, что применение пыток существенно снижает ценность признаний, позволяет усомниться в их правдивости. Это не прямое, а лишь косвенное подтверждение невиновности, которое может иметь значение лишь в сочетании с другими доказательствами.

А есть доказательства и покруче. Любят вспоминать, что из 138 первоначально допрошенных тамплиеров, 134 признались в отречении от Христа. Но иногда забывают добавить, что позднее почти половина из них отказались от первоначальных признаний, заплатив за это жизнью.

11 мая 1310 года 54 тамплиера были вывезены на телегах в поле в окрестностях Парижа неподалеку от монастыря Сент-Антуан и сожжены на кострах. Все они в итоге не признали ни одно из обвинений, которые были предъявлены Ордену, и упорно отказывались от первоначальных признаний, утверждая, что их приговорили к смерти беспричинно и несправедливо. Через несколько дней еще четверо тамплиеров нашли смерть на костре по тому же обвинению – вторичное впадение в ересь, то есть отказ от первоначальных признаний. Вскоре еще 9 тамплиеров были сожжены в Санлисе. Эти 67 тамплиеров умерли, как настоящие мученики, приняв смерть за Христа, за честь Ордена. Они жизнью заплатили за правду, за ту самую правду, в которую и доныне не хотят верить обвинители Ордена.

Ты только вдумайся перед каким выбором встали весной 1310 года те 134 тамплиера, которые осенью 1307 года под пытками признались в преступлениях Ордена. Подтвердишь свои признания – идешь на свободу, отказываешься от своих признаний – идешь на костер. Такой парадокс инквизиционного права. Те, кто подтвердили виновность Ордена, были вообще освобождены от наказания и тут же отпущены на свободу. Достаточно было всего лишь кивнуть головой: «Да, подтверждаю», и после двух с половиной лет мучений в жутком застенке – свежий воздух свободы, зеленые листочки на деревьях, и ни кому ни чего не должен, и даже пенсию будут платить. Да любой заключенный, даже невиновный, признает свою вину, если за это его освободят. Очень уж велик соблазн, и тамплиеров, которые подтвердили первоначальные признания, язык не поворачивается упрекнуть. А вот теперь давай попробуем представить, какие мотивы были у тех 67-и тамплиеров, которые отказались от свободы и сознательно выбрали позорную и мучительную смерть на костре. Они кричали: «Орден чист, мы ни в чем не виновны, только пытками палачи заставили нас оклеветать Орден, но теперь мы готовы сгореть в огне ради чести Ордена».

Если эти 67 тамплиеров действительно отрекались от Христа при вступлении в Орден, так у них не было ни одной причины идти на костер. Какой смысл отдавать жизнь за то, во что не веришь? История знает случаи, когда еретики умирали за свою еретическую веру, например,

катары. Но невозможно представить себе катара, который умер бы за христианство. Катары либо умирали за свои убеждения, либо отрекались от своих убеждений, спасая свою жизнь. А если бы катарам сказали: «Признайтесь, что вы – катары и ступайте себе с миром»? Уж верно ни один из них не захотел бы умирать, потому что смысла ни какого. И если 67 тамплиеров умерли за утверждение, что они – добрые христиане, так не извольте сомневаться – они такими и были. Это настоящие мученики Христовы.

Французский богослов Антуан Арно ещё в XVII веке писал: «Здравый смысл заставляет рассуждать, что 10 человек, которые умирают, имея возможность не умереть, признавшись в преступлениях, в которых их обвиняют, заслуживают больше доверия, чем сто человек, которые признались и взамен на это признание получили жизнь».

– Логично. Но я вот о чем вспомнил. В афонском патерике много житий, повествующих о христианах, которые из страха перед турками отрекались от Христа, но позднее искренне раскаялись в своей слабости и сознательно приняли смерть за Христа. А что если тамплиеры при вступлении в Орден Храма тоже отрекались от Христа, но позднее раскаялись и решили принять смерть, чтобы доказать, что они – добрые христиане, а отречение отрицали, чтобы не порочить Орден.

– Это хорошее сравнение, но вот в чем оно хромает. Те греческие христиане ни когда не были еретиками, то есть ни когда сознательно не исповедовали антихристианскую доктрину. Они лишь по слабости отреклись. Твоё сравнение может быть справедливым только в одном случае: если и тамплиеры так же не были еретиками, но лишь однажды отреклись от Христа, а потом раскаялись и умерли, как добрые христиане. Но ведь тамплиеров обвиняли в ереси, и до сих пор хватает желающих поговорить о «ереси тамплиеров».

– Значит, вопрос распадается на два. Первый: отрекались ли тамплиеры от Христа? Второй: являлись ли тамплиеры еретиками? Но как одно возможно без второго? Зачем отречься от Христа, если ты не еретик?

– На этом вопросе споткнулся наш драгоценный друг Ги Фо. Он хороший аналитик, к тому же честный. Он уверен в виновности тамплиеров, но честность вынуждает его приводить немало доказательств ложности собственных выводов. Он считает доказанным, что тамплиеры отрекались от Христа и полагает, что отсюда следует вывод: «Один факт остаётся непреложным вне всяких сомнений – это факт наличия ереси, какой бы она ни была».

А вот как он сам же, с большой убедительностью, опровергает собственный вывод: «Отречение – это ритуал, присущий принятию в Орден. Он не влечёт за собой никакого продолжения, о нём даже больше не говорят. Тамплиер не получает никакой инициации, его не заставляют принять какую-либо доктрину. Самое удивительное, что и сами руководители заявляют, что не знали значения ритуала, который выполняли и к которому принуждали. Никто из них, даже де Моле, не пытался объяснить этот ритуал... Признаваясь в этой отвратительной практике, высшие руководители заявляли, что исповедовали христианство и просили разрешения присутствовать на мессе. Нельзя постоянно подозревать их в том, что они разыгрывали комедию.

Почему, если тамплиеры перешли в другую веру, то никогда не сказали об этом? Почему не нашёлся среди них хотя бы один, кто признался бы в своей вере, какой бы она ни была?... Действительно ли имела место тайная доктрина, которую можно было квалифицировать как ересь? Ересь – это, прежде всего, доктрина, отличная от официальной догмы, это религия, чаще всего – культ. Их ересь кажется абсолютно негативной, ограничивающейся отрицанием Христа. Это уникальный случай в истории религии. Все ереси, все верования имеют доктрину, известную хотя бы посвящённым, и которая составляет предмет посвящения или обучения. В Ордене Храма нет посвящения, нет обучения. Отречение от Христа является необходимой формальностью при вступлении, после чего о нём даже не говорят. Какими бы скрытными не представляли мы себе апостолов тайной доктрины, какими бы осторожными не являлись они

в отношении малонадежных неофитов, кажется невероятным, что они никогда не попытались довериться нескольким избранным последователям. Чему может служить доктрина настолько тайная, что не позволяет себе иметь последователей?.. Одно тайное отречение от Христа не приводит нас ни к одной конкретной доктрине. Следователи заботились только об установлении факта. Но какое странное безразличие к природе ереси!.. Моле и Шарне умерли по-христиански, никогда никто из братьев Ордена не просил ни о какой другой помощи перед смертью, кроме помощи католического священника».

Ги Фи сам себя перехитрил. Сначала он убедил себя, что факты отречения неопровержимы, потом убедительно доказал, что никакой ереси тамплиеры не исповедовали, и тут же безапелляционно заявил, что ересь в Ордене всё-таки гнездилась, потому что никак иначе не смог объяснить факты отречений. Поразительный пример самогипноза.

– Значит, ты уверен, что никакой еретической доктрины тамплиеры не исповедовали?

– На сто процентов. Тамплиеры не были еретиками. Обобщим доводы, на которых строится этот вывод, представляющийся мне совершенно бесспорным. В ходе процесса обязательно всплыли бы хотя бы намёки на «ересь тамплиеров», но ни одного так и не всплыло. Надо понять, что подсудимым, признавшимся в отречении от Христа, терять было уже нечего, сказанного вполне хватало для костра, и теперь они, уже ничем дополнительно не рискуя, могли сознаться хоть в катарской ереси, хоть в ассассинской – два раза на костре уже не сожгли бы. Это как скажем преступник, сознавшийся в десяти убийствах, то есть подписав себе расстрел, дальше спокойно сознаётся и в двадцати, и в тридцати убийствах – терять уже нечего, два раза не расстреляют. Известно, что такие преступники становятся очень словоохотливы и сознаются даже в тех преступлениях, в которых их не подозревали. Так же у тамплиеров, сознавшихся в отречении от Христа, не было ни одной причины молчать о своей тайной доктрине, даже если бы их о ней и не спрашивали. Всегда нашлось бы хоть несколько фанатиков тайной веры, которые с удовольствием поведали бы всему миру о том, какие они негнбимые борцы с христианством, но ведь ни одного же не нашлось. В любой идейной группе уж на сотню-то человек всегда найдётся хотя бы один «негнбимый», который ничего не испугается, отстаивая верность своим убеждениям, а тут и бояться было нечего. 67 тамплиеров смертью на костре засвидетельствовали верность Христу, четверо не сознались в отречении от Христа ни под какими пытками, а где хоть один «мученик тайной веры»?

При этом есть множество свидетельств того, что тамплиеры в заключении вели себя как искренние христиане – просились на мессу, исповедовались перед священником, даже писали молитвы ко Христу. Всё это делали те, кто признался в отречении от Христа, то есть играть роль уже не имело смысла. Если бы они действительно были сторонниками антихристианской доктрины, так уж не пошли бы на богослужение. Известно, что убеждённых антихристиан на богослужениях так корёжит, что их туда и силой не затащить, а тамплиеров никто не тащил – сами просились. При этом нет ни единого свидетельства того, что хоть один тамплиер вёл себя в заключении, как враг Христов. Ни один не хулил Христа и Церковь, ни один не позволил себе ни одного еретического высказывания, ни один не сделал ни одного жеста, который позволил хотя бы заподозрить его в ереси.

Да ведь и материальные подтверждения тамплиерской ереси отсутствуют полностью – ни одного клочка пергамента с еретическими текстами, ни одного предмета еретического культа – вообще ничего не было обнаружено. Если бы нечто подобное существовало в природе, тамплиеры до арестов никак не могли бы уничтожить все до единого подтверждения своей ереси. Какая-нибудь писулька где-нибудь бы да завалилась. И даже утверждение, что они всё уничтожили до арестов, может быть основано только на уверенности, что они знали о предстоящих арестах. А на чём основана такая уверенность? И то смешно: все доказательства ереси заранее уничтожили, а сами себя не пожалели и не пожелали скрыться, сидели и мирно ждали, когда

их начнут пытать и сжигать? Ведь знали же, как работает инквизиция. Но даже в этом невероятном случае в ходе процесса хоть один да признался бы, что уничтожал доказательства.

Опытные следователи говорят: «Преступлений без улик не бывает». Даже свехосторожный профессионал-одиночка неизбежно оставляет ну хоть какие-нибудь следы преступления. А тут – тысячи еретиков, среди которых множество очень простых людей, а отнюдь не профессиональных конспираторов, и не оставили ни одной улики? Это не возможно в принципе.

Итак, есть множество доказательств того, что тамплиеры были искренними христианами, но нет ни одного даже косвенного доказательства того, что они были еретиками, и если бы они были таковыми, так появились бы и подтверждения, потому что шила в мешке не утаишь. С учётом этого нелегко сделать даже предположение о существовании «тамплиерской ереси».

– А ведь не просто предположения делают, но и приходят к весьма уверенному заключению о существовании «ереси тамплиеров». Один из авторов православного сборника недрогнувшей рукой пишет о тамплиерах: «Им преподавалось откровенно люциферианское учение».

– Автор этого утверждения – подлец, каким в приличном обществе руки не подают. Он думает, что если люди умерли 700 лет назад, то и плевать на них можно уже безнаказанно, в суд никто не подаст. Ведь даже инквизиторы не додумались обвинить тамплиеров в люциферианстве и среди признаний нет даже намёка на что-либо подобное. Так можно и самого автора обвинить в поклонении Люциферу. Почему бы и нет? Скрытый сатанист, замаскированный под православного. Только пусть не спрашивает с нас доказательств, ведь он-то не утруждает себя доказыванием.

– Это понятно. А вот на счёт инквизиторов. Они-то почему, как говорит Ги Фо, проявили «странное равнодушие к природе ереси»?

– Перед инквизиторами стояла задача добиться признательных показаний, и они эту задачу выполнили. Признаний в отречении от Христа было вполне достаточно для разгона Ордена, большего не требовалось, соответственно, ничего другого от тамплиеров и не добивались. Разумеется, они спрашивали подследственных с какой целью и по какой причине они отрекались от Христа или принуждали к этому других, но не слышали в ответ ничего заслуживающего внимания, во всяком случае, ни один из признавшихся не объявил своё отречение наличием ереси, и инквизиторы не настаивали, им это было не надо.

– Странно, что никто из инквизиторов не поддался соблазну обвинить тамплиеров в исповедании конкретной ереси, а потом пытками выбить признания в принадлежности к этой ереси.

– А тебе не приходило в голову, что инквизиторы были людьми относительно честными и вовсе не желали строить обвинение на собственных выдумках? Кроме того, они были опытными дознавателями и прекрасно понимали, что стоит предъявить выдуманное обвинение, как в показаниях тут же появится огромное количество противоречий и обвинение рухнет. Так ведь и было с обвинением в «поклонении голове». Ну добились пытками признаний в том, что это было, но все подследственные описывали «голову» по-разному, и надуманность обвинения стала очевидной. А ересь – не предмет, её описания должны быть развёрнутыми, детальными. Измыслив такое обвинение, они не могли бы получить даже двух согласующихся между собой признаний и доказать таким образом могли бы только то, что обвинение ложное. Обвинить в конкретной ереси можно было только в одном случае, если это было правдой. Но инквизиторы не имели ни одного доноса, ни одного свидетельского показания о том, что тамплиеры были, например, катарами, или измаилитами, или сатанистами. Разумеется, они не решились встать на скользкую дорожку самостоятельного моделирования обвинений.

– Но если не было никакой «тамплиерской ереси», тогда, может быть, не было и отречений от Христа? Странно в самом деле сначала отречься от Христа, а потом вести жизнь добропорядочного христианина. Если отрицаешь одну религию, значит принимаешь другую. Даже коммунисты, отвергающие все религии вообще, разработали целое учение под названием

«научный атеизм», которое и пытались исповедовать. Можно, конечно, построить доктрину на одном только отречении от Христа, но это всё-таки будет доктрина, а у тамплиеров её явно не было. Это же полный абсурд – один раз во время вступления в Орден отречься от Христа, а потом, никогда больше об этом не вспоминая, всю жизнь ходить на богослужения, исповедоваться и причащаться. Если считать доказанным тот факт, что тамплиеры не были еретиками, значит можно считать доказанным, что все обвинения в отречении от Христа – ложь.

– Не совсем. А если мы найдём убедительный способ объяснить эти отречения чем-то помимо ереси? Такие попытки предпринимались, и мы к этому ещё вернёмся. Но тот факт, что тамплиеры не были еретиками, это, безусловно, очень серьёзный удар по обвинению Ордена. Отсюда следует, что тамплиеры либо вообще не были ни в чём виноваты, либо вина их была неизмеримо меньше, чем принято думать.

– А есть ли хотя бы косвенные доказательства того, что признания сделаны под диктовку инквизиторов?

– Есть. Почти все без исключения признавшиеся в отречении от Христа говорили, что отреклись «устаami, но не сердцем» и все почему-то прелевали не на крест, а рядом с ним. Эта мысль никак не могла придти одновременно в голову более, чем сотне человек. Любой следователь знает, что слишком точное и детальное совпадение показаний – признак их лживости. Правдивые показания совпадают по существу, но всегда различаются в деталях. А тут все как один: «устаami, но не сердцем» и все плюют мимо креста. Нет ни малейшего сомнения в том, что показания в этой части сделаны под диктовку инквизиторов. Это просто приём дознавателя, которому надо любой ценой выбить признательные показания. Он подсказывает подследственному, как можно смягчить вину, чтобы тому было легче признаться. «Ну ты же хороший парень, не настолько уж ты и виноват, ведь ты же не сердцем отрёкся, только устами. Они тебе велели плюнуть на крест, но такой хороший парень разве сможет плюнуть? Ведь ты же мимо плюнул, правда?». А если в этой части признания явно были сделаны под диктовку инквизиторов, это существенно подрывает наше доверие к признаниям, как таковым, они и целиком могли быть сделаны под диктовку инквизиторов.

– И всё-таки, очень уж плохое впечатление производит пропорция признавшихся. Из 138 допрошенных тамплиеров от 134 были получены признания в отречениях от Христа.

– А кто тебе сказал, что пропорция признаний была именно такой?

– Это точные цифры, которые называют серьёзные люди.

– Серьёзные люди утверждают следующее: сохранилось 138 протоколов допросов. Но вот Марион Мельвиль пишет: «До настоящего времени дошли только признания, за небольшим исключением только их и записывали». Об этом же Жорж Бордонов: «Комиссарам предложили отослать королю письменные свидетельства тех «кто признаёт вышеуказанные заблуждения и отречение от Господа нашего Иисуса Христа». Королевские комиссары должны были опираться только на признания обвиняемых и не учитывать их запирательство. В Париж отправляли лишь позитивные документы».

А нам непрерывно долдонят: только четверо тамплиеров ни в чём не признались. Да показания этих четверых и к делу-то подшили только для создания иллюзии объективности, если не по ошибке. А сколько было всего тамплиеров ни в чём не признавшихся, чьи показания, возможно, вообще не протоколировались, либо не подшивались, либо позднее были уничтожены? Известно, что как минимум 25 тамплиеров умерли под пытками. Ведь они тоже явно ни в чём не признались, иначе бы их перестали пытать, и умереть под пытками они уже не могли. Значит, не признавшихся было минимум три десятка. Уже другая пропорция, не правда ли?

138 протоколов – результат первого натиска инквизиции, пока папа не приостановил полномочия инквизиторов. В целом же материалы процесса проливают свет на судьбу более шестисот храмовников Франции. Так, может, сознались лишь 134 храмовника, а около пятисот всё отрицали? Вполне возможно, и даже вероятнее всего.

Доподлинно же можно утверждать следующее. Плезиан представил папе 72 тамплиера, желающих дать показания о разложении Ордена. Одновременно с этим выразили желание защищать Орден и доказывать его невиновность 595 тамплиеров: 544 сержанта, 29 священников и 22 рыцаря. Эту цифру приводят по-разному, но всё же называют более пятисот тамплиеров, утверждавших, что Орден невиновен, когда схлынула первая волна инквизиторского кошмара.

Итак, семь десятков против пяти сотен. Причём, напомним, обвинителям Ордена обещали свободу, а защитникам – костёр. 54 тамплиера, сожженных под Парижем, были как раз из тех, кто хотел защищать Орден. Значит мы можем утверждать: подавляющее большинство тамплиеров, не смотря на угрозу костра, в конечном итоге отвергли все обвинения и заявили о невиновности Ордена.

– А сколько всего тамплиеров было во Франции на момент арестов?

– Не только точная, но и приблизительная цифра не известна и никогда не будет известна. Пирс Пол Рид, например, пишет: «Всего за один день в королевстве арестовали около 15-и тысяч рыцарей, сержантов, капелланов». Это, конечно, полный абсурд, столько тамплиеров во Франции не было и быть не могло. Более ответственный Эдуард Заборовский делает такой расклад: «Часто исходят из того, что к моменту процесса во Франции было около тысячи командорств Ордена и, даже если брать самые скромные оценки, в них должно было находиться никак не меньше 3 тысяч орденских братьев. А ведь во Франции были командорства, в которых находились и несколько десятков храмовников. В Париже к началу процесса было 140 человек, в Ла-Рошели по реестру 1224 года – 192 человека».

Расклад реалистичный, но он рухнет, если поставить под сомнение наличие во Франции тысячи командорств, а я бы поставил это под сомнение. Можно сказать, что храмовников во Франции было ни как не меньше тысячи и ни как не больше четырех тысяч. Значит, из поле зрения выпадают минимум сотни, а максимум тысячи тамплиеров. Они ни когда против Ордена не свидетельствовали. И бесследно сгинувших в застенках, замученных, но ни в чем не сознавшихся могло быть до тысячи человек и сбежавших – до тысячи, хотя официальные отчеты говорят лишь о 12-ти сбежавших. На фоне этих тысяч семьдесят два тамплиера, свидетельствовавших против Ордена, выглядят, как жалкая горстка отщепенцев.

– А в других странах?

– Там точное количество тамплиеров так же невозможно установить. Основные боевые силы Ордена располагались на Кипре, там было 83 рыцаря и 35 сержантов. И ни одного признательного показания. Маршал Ордена Эме д'Озелье и многие другие тамплиеры умерли в донжоне замка Кериния так ни в чем и не сознавшись. По Англии сохранилось больше сотни протоколов, признания единичны. Первые хоть сколько-нибудь сопоставимые с французскими признания были получены в Англии лишь в начале июня 1311 года, когда из Франции прибыли пыточных дел мастера. Дело в том, что английская правовая системы исключала применение пытки. Ни магистр английских тамплиеров Уильям де Ла Мор, ни другой иерарх английских храмовников Энбер Бланк так ни в чем и не сознались.

По Арагону сохранились 32 протокола и ни одного признательного показания, хотя в августе 1311 года пытка была применена по крайней мере к 8-ми тамплиерам. Арагонские храмовники уж точно не были виновны в отречении от Христа. Утверждать обратное не только глупо, но и бессовестно.

В Кастилии, Леоне, Португалии расследования так же проводились. И ни одно из расследований не обнаружило за Орденем Храма ни какой вины, там Орден был полностью оправдан.

В Германии и арестовать-то удалось не многих тамплиеров, германские храмовники поставили себя очень жестко. Говорят, что какие-то признания были, но во всяком случае Бурхард, архиепископ Магдебурга, вынес тамплиерам оправдательный приговор.

В Северной Италии допросили более 20-ти тамплиеров и ни один из них не дал признательных показаний. Папа Климент был возмущен и приказал сжечь тех, кто упорствует в своих еретических заблуждениях, но этот приказ не выполнили и ни одного тамплиера в Италии не сожгли. Равенский собор, состоявшийся в январе 1311 года, напутствовал своих делегатов на Вьенский собор словами: «Орден не следует распускать».

А вот в папской области из 8-ми допрошенных тамплиеров 7 дали признательные показания. Странно, не правда ли? Там из 20-ти не сознался ни один, а тут из восьми сознались семь. Из этого, кажется, следует, что количество признательных показаний зависело не от степени виновности тамплиеров, а от степени усердия следователей.

Венгерские тамплиеры в течение всего процесса пользовались прежним уважением и почетным положением. После папской буллы 1312 года их направили в монастырь под Загребом, где часть владений Ордена обеспечивали их нормальное существование, то есть репрессий не было вообще и признаний тоже не было.

Количество тамплиеров во всех странах, кроме Франции, было, вероятно, до тысячи человек. В пиренейских государствах подразделения Ордена могли быть достаточно крупными, потому что там они вели непрерывную войну в маврами, но их крупные подразделения – это сотни, а не тысячи человек. Орден был не столь велик, на всю Европу максимум 4 тысячи человек, впрочем, сейчас речь не об этом. Все не французские тамплиеры вместе взятые дали столь ничтожное количество признаний, что ими вообще можно пренебречь. Но нельзя пренебречь тем фактом, что в целом ряде европейских стран Орден был полностью оправдан. На этом фоне признания какой-то сотни французских тамплиеров меркнут и кажутся случайными.

– Итак, – выдохнул Сиверцев, – мы обобщили всё, что свидетельствует в пользу невиновности Ордена. Давай теперь обобщим всё, что заставляет усомниться в невиновности тамплиеров.

– Как ни странно, в пользу виновности тамплиеров, на мой взгляд, говорит сам факт доноса. Напомню, что некий Эскьен де Флуарайн около 1300 года поделился с королем Арагона Иаковом секретами, которые он, дескать, выведал у тамплиеров, а именно, что они отрекались от Христа во время вступления в Орден. Эскьен играл роль осведомителя то при арагонском короле, то при французском. Король Иаков лишь посмеялся над этим его сообщением, тогда Эскьен решил попытать счастья в Париже, где предложил эту информацию Гийому де Ногаре. Зная характер Ногаре, нетрудно понять, что его эта информация чрезвычайно заинтересовала, а дальше – пошло-поехало.

– А разве Эскьен де Флуарайн не мог быть клеветником?

– Не мог. Он мог быть наиподлейшим подлецом, но он был профессиональным осведомителем, торговцем информацией, а такие люди ни когда не пытаются торговать собственными выдумками, потому что это сводило бы на нет их профессию. Суть этой профессии в том, чтобы что-то вывести и продать, а что-то выдумать и продать, это уже не осведомитель, а трубадур. Пару раз продашь выдумку, и уже надо менять ремесло, потому что вымысел ни чем не будет подтвержден. И бегать от монарха к монарху, пытаясь впарить выдумку, это всё же как-то нелепо. Тогда бы уж можно было и про госпитальеров, и про цистерцианцев, и про всех на свете что-нибудь насочинять. Много ли смысла носиться по Европе с одной – единственной выдумкой, когда их можно предложить дюжину на выбор? Эскьен мог сильно приукрасить факты, ставшие ему известными, мог что-то от себя добавить, но в основе его доноса явно лежала реально полученная им информация.

– Информация, возможно, подвергшаяся очень сильным искажениям.

– Это не только возможно, но даже и вероятнее всего. Вообще, трудно сказать, что за гадость стала известна Флуарайну, но это была гадость, вне всякого сомнения.

– Допустим. А ещё?

– Раймон Урсель писал: «Уж слишком многочисленными, слишком согласованными по сути, слишком точными и детальными воспоминаниями кажутся эти признания. Нельзя поверить, что обвинения, выдвинутые против тамплиеров, не имеют какой-то основы». Вот это уже серьезно. Ложь всегда различима по ряду признаков, первейший из которых – отсутствие деталей, а в признаниях тамплиеров деталей очень много.

– А вот, ты знаешь, бывают такие вруны, которые едва лишь соврут что-нибудь, как тут же сочиняют целую поэму, расцвечивая свой вымысел невероятным количеством самых причудливых подробностей. Вспомни хоть Хлестакова.

– Это бывает, но крайне редко, это патология, а тут мы имеем больше сотни признаний и во всех – самые разнообразные детали. Не бывает столько «хлестаковых» сразу в одном месте. Вот, к примеру, Жан Тайлафер вспоминает, как тамплиеры принуждали его отречься от Христа: «Ему угрожали тюремным заключением, говоря, что если он этого не сделает, его поместят в такую темницу, где он своих ног и рук не разглядит». Вот вспоминает английский тамплиер – священник Джон Стоук: «Де Моле потребовал, чтобы Джон отрекся от Христа, а когда тот стал колебаться, пригрозил, что бросит его в тюрьму. Двое присутствовавших при этом тамплиеров обнажили мечи». А вот говорит Жоффруа де Шарне: «Брат Амори де Ла Рош сказал мне, что я не должен верить в того, чей образ изображен на распятии, так как это был лжепророк, и он не был Богом».

Это лишь примеры, деталей можно привести очень много, они весьма разнообразны и редко повторяются, что доказывает их подлинность. При этом совершенно невозможно заподозрить такое большое количество бесхитростных рубак в склонности к устному художественному творчеству.

Наиболее убедительно выглядят такие признаний, которые ни как не могли быть продиктованы инквизиторами, потому что не очень-то были им выгодны. Многие тамплиеры рассказывали, что их сначала принуждали отречься от Христа, а потом заставляли в этом исповедаться.

Когда один тамплиер стал протестовать против отречения, которого от него требовали, его совесть заставили замолчать, сказав ему: «Перестаньте, бестолковый, вы потом расскажете об этом на исповеди».

Тамплиер Жан де Пон-л'Эвек говорил, что в качестве наказания за отречение его исповедник-францисканец повелел ему поститься по пятницам и запретил целый год снимать рубашку. Епитимья, конечно, смехотворная, потому что устав и так это предписывал. Очевидно, неловко было сурово наказывать за то, к чему сами же и принуждали, но это всё – таки епитимья, а её накладывают за грех.

Жану де л'Омону, сержанту парижской епархии, наставник просто сказал, после того, как он плюнул рядом с крестом: «Кретин, иди теперь исповедаться!»

Эти признания дышат максимальной подлинностью, потому что даже законченный параноик не смог бы выдумать такую ни с чем не соотносящуюся и ни на что не похожую практику. Инквизиторы тоже не могли этого придумать, потому что с них требовали обличение богоотступничества Ордена, а показания о том, что тамплиеры каялись в отречении, разрушали стройную картину богоотступничества. Такие признания могли быть сделаны лишь по одной причине – это была правда, и записана эта правда могла быть лишь из соображений добросовестного ведения дела.

– А ведь, к слову сказать, эти признания еще раз доказывают, что в Ордене не было ни какой ереси, если отречение от Христа считалось грехом, в котором теперь надо покаяться на исповеди. Нелепо было бы вступить в тайное братство катаров, за что наставник-катар называет тебя кретином и посылает каяться в том, что ты выполнил его распоряжение. Поэтому приходится окончательно признать ошибочным вывод Ги Фо: «отречение от Христа и плева-

ние на распятие должны были означать тайное принятие веры или идеала, отличных от христианства». Это ложь. Ни какой «ереси тамплиеров» не существовало.

– Это так, хотя мы сейчас не об этом. Сейчас нам важно, что эти признания доказывают: отречение от Христа в Ордене действительно практиковалось.

– Но как без ереси объяснить отречение?

– Это возможно, и к этому мы ещё вернемся. Пока нами установлено: факт ереси и факт отречения надо рассматривать как два отдельных факта. Факт ереси мы опровергли и забыли про него. Теперь говорим об отречении. Так вот, кроме сказанного, в деле есть признания, которые я никогда не соглашусь считать вымыслом.

Тамплиер Бертран Гаек рассказал о том, что вступил в Орден оставшись без денег во время паломничества в Святую Землю. После обычного приема в Орден в Сидоне приор велел ему отречься от Христа, а когда Бертран отказался, пригрозил убить его. И тут вдруг прозвучал сигнал: «К оружию!», на них напали сарацины. Приор, трое присутствовавших на церемонии братьев и сам Бертран, бросились на защиту христианской веры, перебив при этом десятка два сарацин. Однако, до того, как они убежали из часовни, Бертрана успели заставить поклясться, что он ни кому не расскажет о требовании отречься от Господа. После боя он спросил, зачем всё это было устроено и приор сказал, что его просто испытывали, и это всего лишь шутка.

– К слову сказать, испытание и шутка – не одно и то же.

– Вот-вот. Иначе говоря, Бертрану было дано невнятное, путанное объяснение, а если бы он это выдумал, всё выглядело бы очень стройно. Он не мог бы выдумать эту историю, чтобы доставить удовольствие инквизиторам, потому что последних такое признание вряд ли порадовало. Ведь тут отречение от Христа выглядит чем-то необязательным, без чего можно обойтись, и даже более того – отказавшийся отречься, был принят в Орден. Это признание опровергает главное утверждение инквизиции: все тамплиеры отрекались от Христа, так что уж точно не инквизиторы придумали эту историю. Кроме того, рассказ Бертрана совершенно не вписывается в шаблон признаний. Сознавшись под пыткой или из страха, совершено ни к чему было городить такой сложный огород. Сказал то, что говорят все и от тебя отвязались. Не знаешь, в чём сознаются остальные, так спроси у дознавателя. И дознаватель предложил бы шаблон, а уж ни как не эту «поэму о паломнике».

– Но, если принять признание Бертрана за истину, оно значительно уменьшает, смягчает вину Ордена.

– Совершенно верно. Но именно это докладывает, что вина, пусть и гораздо меньшая, всё-таки была. Ведь очевидно, что Бертран не был клеветником, потому что клеветник постарался бы не преуменьшить, а преувеличить вину Ордена.

– А среди показаний людей, не принадлежащих к Ордену, есть что-нибудь заслуживающее доверия?

– Как ни странно, во Франции «внешних» показаний против Ордена почти не было. Это лишний раз доказывает, что следствие не увлекалось клеветническими измышлениями. Ведь Ногаре ни чего не стоило пригласить дюжину мерзавцев, которые выдумали бы про тамплиеров самые страшные вещи и подтвердили бы, что лично присутствовали при тамплиерских богохульствах. Но к заведомой лжи следствие не прибегало, хотя с удовольствием использовало даже малейшие намеки на виновность тамплиеров. Есть одно показание, косвенно свидетельствующее против Ордена, по всем признакам – вполне достоверное.

Родственник некоего рыцаря Гуго, Гишар де Марсийяк, рассказал, что Гуго вступил в Орден Храма в Тулузе. После торжественной церемонии Гуго отвели в глухую комнату, приняв самые изощренные меры, чтобы ни кто не подглядывал, даже дверь изнутри была закрыта плотными занавесами, чтобы любопытные ни чего не могли увидеть в щели. Родственники очень долго ждали возвращения Гуго, и наконец он появился, облаченный в плащ тамплиера и выглядевший очень бледным и ошеломленным, хотя до этого был полон радостного вооду-

шевления. На следующий день Гишар спросил Гуго, что случилось, и тот ответил, что ни когда больше не знать ему радости и душевного покоя, но более ничего не добавил. Когда же другие по просьбе Гишара пытались расспросить юношу, это ни чего не дало и лишь растревожило его. Позднее узнали, что Гуго сделал себе круглую печать, на которой были вырезаны слова: «Печать погибшего Гуго». Пробыв в Ордене два месяца, Гуго вернулся в родной дом, прожил там полгода, а потом заболел и умер, перед смертью исповедавшись у одного францисканца.

– Что-то уж очень зловещая история, прямо как в готическом романе. Ты веришь в ее подлинность?

– Верю. Главным доказательством подлинности этого свидетельства является то, что оно ни чего по существу не доказывает. Если бы Гишар имел целью оклеветать Орден, он обязательно рассказал бы, как Гуго перед смертью сознался ему, что отрекся от Христа, плюнул на крест и проделал еще множество всяческих мерзостей. На мертвого ведь можно что угодно списать. Но Гишар не сказал того, чего не знал, того что явно хотели услышать от него инквизиторы. Самое простое тому объяснение – он не хотел врать. А значит, ему можно верить. При этом самым логичным объяснением истории Гуго является то, что он совершил нечто богомерзкое и не мог себе это простить. Если он отрекся от Христа просто растерявшись от неожиданности, позволил себя подломить жесткими требованиями и угрозами, а потом решил, что навсегда погубил свою душу – это всё объясняет.

Итак, если нас действительно интересует истина, мы не можем игнорировать целый комплекс доказательств того, что тамплиеры отрекались от Христа. При этом ранее мы привели не менее убедительные доказательства того, что Орден Храма отнюдь не был антихристианской организацией, и тамплиеры вели себя так, как ни когда не ведут себя хриstopродавцы и богоотступники. Возможно ли все эти, казалось бы, взаимоисключающие доказательства уложить в единую непротиворечивую схему? Возможно. Я знаю, как это сделать. Но об этом давай уже в следующий раз.

На следующий день Андрей, заглянув к Сереге, сказал тоном, не терпящим возражений:

– Пошли наверх. Покажу тебе храмы Лалибелы.

Серега подчинился безропотно, не сказав ни слова.

Они переходили из храма в храм, Андрей рассказывал другу то, что сам знал об этих чудных творениях христианского гения. Гидом он, впрочем, был немногословным, понимая, что сейчас не надо забивать Сереге голову большим объемом информации, лучше дать ему возможность развеяться и впитать дух окружавшего их древнего величия. Серега слушал, казалось, внимательно, во всяком случае вежливо, когда надо – кивал, впрочем, иногда не к месту. Он добросовестно скользил глазами по всему, что видел, явно стараясь не упустить ни одной детали, но Андрею показалось, что его друг делает это скорее из чувства долга, без глубокой внутренней заинтересованности, какой можно было ожидать от профессионального историка.

– Тебе не понравились наши храмы? – тихо улыбнувшись, спросил Андрей.

– Как они могут не понравиться? Я так мечтал побывать здесь. Но объясни мне, Андрей, почему мне сейчас – всё равно?

– Объясню. Это внешнее величие. Оно сейчас не может тронуть тебя, потому что ты весь сконцентрирован на внутреннем преодолении той трагедии, которую пережил. Тебе пока не надо пытаться отвлечься от этой трагедии на внешние впечатления, лучше оставаться внутри себя, пока в своей душе порядок не наведешь. Извини, что сразу не понял этого. Перевари пока свою внутреннюю Чечню, а потом душа откроется для внешних впечатлений.

– А ведь ты прав, Андрюха.

– А я вообще, чем дальше, тем реже ошибаюсь. Расскажи лучше, что делал «Пересвет» в Чечне.

– В саму войну мы по сути не вмешивались, федералов не поддерживали и вообще старались с ними не пересекаться. Уберечь от разрушения православные храмы тоже не могли при всем желании. Для этого потребовалось бы не меньше дивизии. Даже если бы «Пересвет» был могуч, как Орден Храма в Палестине, и то вряд ли справились бы, потому что Орден Храма действовал в рамках христианского по самой своей природе государства крестоносцев, а мы действовали... посреди полного дерьма. Так что задачи ставили перед собой минимальные, хотя, на мой взгляд, достаточно важные. Спасали священников и всех верных христиан, помогали им эвакуироваться. Из храмов, которые было всё равно не спасти, спасали иконы, кресты, евангелия, антимины. Много святынь смогли уберечь от осквернения. А запасные Дары... это ведь очень важно... В каждом храме есть запасные Дары – Тело и Кровь Христовы. Их спасали, не считаясь с собственной жизнью. Конечно «Бог поругаем не бывает». Поругаемы бывают души людские. Собственно, души и спасали от осквернения.

– А как Ставров ранили?

– Это было наше последнее дело в Чечне. Пришли в один храм, объяснили батюшке, что скоро здесь будут боевики, надо уходить. А батюшка упертый попался: «Не уйду, – говорит, – здесь в храме и погибну». Прихожане, конечно, уже все разбежались, остались только пара старичков, дед да бабка, да ещё их внучка – девчонка лет пятнадцати. Старички древние, еле ходили, но посещали все богослужения, а батюшка служил неукоснительно, и внучка тоже из храма не вылезала. Мы им говорим: «Девчонку хоть пожалейте, сами понимаете...» А они: «Вот-вот, спасите внучку, а нас не надо». Но и внучка тоже... лицо светится и спокойно так говорит: «Мы все умрем за Христа».

Мы подумали и решили, что оставить их не можем. Заняли позиции вокруг храма, понимая что вдесятером долго не удержимся против нескольких сот боевиков. Но погибнуть, защищая храм – хорошая смерть для русского тамплиера. И, может быть, Богу угодно, чтобы в этом храме как можно дольше совершалась Божественная Литургия.

Мы сразу начали соблюдать строгий пост, батюшка ежедневно совершал литургию, и все мы ежедневно причащались. Удивительное это ощущение, когда знаешь, что в любую минуту могут прийти, чтобы отнять у тебя жизнь, а ты, только что причастился... На душе – спокойствие, а все чувства обострены – краски яркие, звуки гулкие, каждое слово кажется исполненным величайшего значения. Меж собой говорили мало, больше с Богом беседовали. Так прошла неделя. Потом пришли боевики. Их было гораздо меньше, чем можно было ожидать, где-то человек тридцать.

Стояло раннее утро, батюшка только что начал служить Божественную Литургию. Когда дозорные доложили о приближении боевиков, наши все покинули храм и заняли заранее подготовленные позиции. А батюшка продолжал служить, и старики с внучкой даже не шелохнулись, продолжали молиться.

Ставров вышел к боевикам один и спокойно, твердо сказал: «Воины, во имя Аллаха, милостивого, милосердного, прошу вас не препятствовать Богослужению. В храме славят Творца вселенной, отнеситесь к этому с уважением». Мы знали немало чечен, на которых эти слова могли возыметь должное действие, но к нам пришли другие чечены. Подонки, ни когда не державшие в руках Корана, но ненависть к христианству считающие национальной традицией. Ставров могли сразу же прошить автоматной очередью, но вместо этого решили ударить прикладом по лицу. Он увернулся и сразу же в ответ ударил кинжалом. Мы тут же поддержали его с флангов. Схватка неожиданно стала рукопашной, так ни одного выстрела и не прозвучало. Кто орудовал автоматом с примкнутым штык-ножом, а кто длинным кинжалом.

Схватку я почти не помню, сознание как-то сразу отключилось. Запомнил лишь несколько искаженных лиц боевиков и звуки Божественной Литургии, доносившиеся из храма.

Точно могу сказать, что ненависти я тогда не испытывал. Какая ненависть, если Литургия? Только все время шептал: «Господи, помилуй нас всех».

В какой-то момент я не увидел перед собой очередного врага. Осмотрелся и вижу: на ногах только наши, а боевики полегли все до единого. До сих пор не могу понять, как мы вдесятером смогли уложить три десятка бандитов. Они были крепче нас и боевого опыта у них, конечно, было побольше. Но Бог был с нами, а с ними – только ненависть.

Наших погибло двое. Ставров был весь изранен до того, что живого места на нем не было, потом мы насчитали у него 34 проникающих ранения, но удивительное дело – ни один жизненно важный орган не был задет. Остальные ребята – лишь легко ранены, впрочем – все до единого. У боевиков – двое тяжело раненых, остальные – мертвы. Мы не хотели этого, наша задача была только отразить нападение, да и на это не надеялись, просто решили умереть. Но Божья воля была иная.

Наспех перевязались, зашли в храм. Батюшка как раз «Отче наш» читает. Божественная Литургия завершена. Ты представляешь, наш бой позволил завершить Литургию.

– В Святую Софию Константинополя турки ворвались во время Божественной Литургии, ни кто не мог задержать их у храма, – задумчиво вспомнил Сиверцев. – Говорят, что священник с чашей ушел прямо в толщу стены, где и доныне пребывает, а в последние времена он выйдет из стены и дослужит Литургию.

– Да... А в нашем храме стены были тонкие, а батюшка – мужчина весьма крупный, ни как бы ему внутри стены не поместиться. И Бог дал завершить Литургию. Её нельзя не завершить, это вообще невозможно, ты понимаешь, Андрюха?

– Понимаю. Существование мира только тем и оправдано, что в мире совершают Божественную Литургию. А чем там у вас дело закончилось?

– Батюшке сказали, что теперь точно надо уходить, он уже не спорил. И старики с внучкой тоже согласились на эвакуацию. Мученический венец – дар Божий. Если Бог тогда сохранил нам жизнь, значит ни кто из нас уже не имел права проситься на крест. Отпели и похоронили наших ребят, закопали боевиков, а двум раненым чеченам оказали помощь и тоже взяли с собой, позднее оставили их недалеко от чеченской деревни.

– Может быть, они примут христианство?

– Как знать. Всю дорогу молчали, и в глазах у них ни чего не читалось, кроме страха. Сначала ненависть, потом страх, а что потом? Есть варианты.

– То что ты рассказал, Серега... Это то, ради чего стоит жить. Тебе не приходило в голову, что те дни перед боем были лучшими в твоей жизни? Ты опирайся душой на те дни, и твоя душа обязательно выберется на твердую почву.

– Спаси тебя Бог, Андрей.

– А мы с тобой говорили, что в Чеченской войне ни чего не поймешь. Что хочет Ельцин с Черномырдиным, куда гнут Дудаев с Масхадовым? Где Березовский, где ЦРУ, где ваххабиты? Зачем лилась кровь, куда текла нефть? Действительно, картину Чеченской войны, наверное, ни когда не возможно будет восстановить в деталях. Но икона Чеченской войны ясна, как любая икона. Духи злобы ополчились на Правду Христову. Это извечная война Тьмы против Света. Одни души гибнут на этой войне, завоеванные Тьмой, а другие спасаются и идут к Свету. И поход «Пересвета» в Чечню – настоящий крестовый поход, подлинная ценность которого ни как не связана с практической пользой. Это война на стороне Света за души людские.

– Христос посреди нас, – тихо сказал Сергей.

– И есть, и будет, – так же тихо ответил Андрей.

Теперь они просто гуляли во двореке перед входом в храм, в тени, которую отбрасывали древние стены, наслаждались свежим воздухом после многодневного пребывания в подземном убежище.

– Процесс тамплиеров тоже был одним из сражений извечной войны, которую ведут духи злобы против Царства Света. Это была самая великая и ужасная битва, в которую вступил Орден, уже ослабленный и обессиленный, вынужденный сражаться не только с силами внешней ненависти, но и с силами внутреннего разложения, поэтому в этой битве так трудно различить, где же проходил фронт, где свои, а где чужие. Не все тамплиеры вышли из этой битвы победителями, но сколько храбрых храмовников спасли свои души, отдав тела на сожжение ради славы Христовой, – сказал Серега.

– Да, в такой войне линию фронта очень трудно проследить, и всё таки она есть. Какую силу уничтожил король Филипп? Достойную уничтожения или достойную вечной славы?

– Достойную уничтожения ради вечной славы. Тело Ордена погибло для того, чтобы спаслась душа Ордена. Ангел Ордена не оставил тамплиеров в застенках, Христос не отвернулся от своих верных слуг.

– Но как быть с тем, что некоторые тамплиеры, похоже, всё-таки отрекались от Христа?

– Мы должны найти причину этих отречений с учетом того, что Орден явно не был еретической организацией. Первый вклад в копилку версий внес ещё пресловутый Жоффруа де Гонневиль, приор Пуату и Аквитании. Когда ему задали вопрос о причинах отречения, он сказал, что основание этой традиции приписывали одному великому магистру – вероотступнику, который, оказавшись в плену у султана, смог получить свободу, только поклявшись, что введет в Ордене обычай отречься от Христа. Гонневиль добавил, что, по словам некоторых, эта церемония было создана в память о святом Петре, который трижды отрекся от Христа.

– Полный абсурд. Во-первых, ни про одного великого магистра Ордена доподлинно не известно, что он в плену отрекся от Христа. Гонневиль мог иметь в виду Жерара де Ридфора, но то, что ставили в вину бедному Жерару – не более, чем сплетни. До чего же Гонневиль не любил свой Орден, если, не стесняясь, воспроизводил эту древнюю клевету. Во-вторых, если бы магистр-отступник и существовал, какой смысл ему был, вернувшись к своим, выполнять своё подлое обещание, данное султану с глазу на глаз? Даже если бы у этого странного магистра были столь извращенные представления о чести, тамплиеры ни когда не выполнили бы его распоряжение отречься от Христа. Это же рыцари – люди, преданные Христу, а не магистру. За такое требование они просто бросили бы магистра в темницу. И, в третьих, следующим поколениям тамплиеров тем более не было смысла выполнять обещание, данное не известно кем, не известно кому и не известно когда.

Что касается второго объяснения, кстати, исключающего первое, то в него не поверит ни один христианин. Известно, что все святые имели грехи, но кто же станет подражать грехам святых? Подражать отречению апостола Петра, всё равно, что в память о преподобной Марии Египетской заниматься проституцией, а в память о благоразумном разбойнике заниматься разбоем.

Эти объяснения Гонневилля доказывают только одно – он и сам не знал, откуда в Ордене завелся столь скверный обычай. А ведь он принадлежал к высшей иерархии Ордена. Вот это как объяснить?

– О «блаженном неведении» иерархов поговорим позже, а в целом согласен: объяснения Гонневилля абсурдны. Даже странно, что позднейшие, причем достаточно серьезные историки, попались на эту удочку. В книге «История Франции» Мишле объясняет отречение от веры, говоря, что принятие в Орден новых братьев сопровождалось театральными и очень своеобразными ритуалами времён раннего христианства. Принимаемый в Орден был называем грешником и вероотступником по примеру св. Петра. Его вступление в Орден означало переход в другую веру и раскаяние: отказ от ошибок, олицетворяемых отречением. Поэтому последнее являлось всего лишь пантомимой, разыгранным сакральным действием, символика которого была понятна лишь посвящённым. Потом не без влияния гордыни начались злоупотребления.

Понемногу, под воздействием «дьявольского эгоизма» Ордену захотелось стать самодостаточным.

– Что-то очень путанно и вообще ничего не понятно.

– Вот-вот. Перемудрил «великий Мишле». Впрочем, его позицию я привожу в изложении Марселя Лобе, так что даже не известно, кто из них перемудрил. Эта позиция строится на непонимании того, что понятно любому церковному человеку. От Христа нельзя отречься «понарошку», «лишь на словах», в ходе некоего театрализованного действия. Ни один христианин никогда не согласится отречься от Христа «лишь для вида», потому что «так принято» в ходе какого-то ритуала. Христианин ни за что не согласится отречься, чтобы потом «отречься от отречения». Уж не говорю про то, что это слишком мудрёно, но это прежде всего гнусно, и если человек на это пошёл, он уже не христианин. Инквизиторы это очень хорошо понимали. Они сначала нащёптывали тамплиерам: «Скажи, что отрёкся устами, но не сердцем», а потом ведь ни одного тамплиера на этом основании не объявили невиновным. Если тамплиеры отрекались от Христа «лишь на словах», следуя сценарию некоего «сакрального действия», значит отрекались и в сердце, значит Орден Храма был антихристианской силой, а мы уже доказали обратное, значит объяснение Мишле рушится. Да и про каких таких «посвящённых» он говорит? Нет ведь ни одного доказательства их существования. И ни в одном из признаний тамплиеров нет указаний на существование разработанного ритуала. Объяснение Мишле – фантазия, вступающая в противоречие, как с фактами, так и с логикой.

– А вот Ален Демурже пишет: «Не являются ли противоречия намёком на выхолощенный ритуал, утративший своё значение?».

– Это о том же самом. Если существовал некий «выхолощенный ритуал» отречения от Христа, значит когда-то в древности этот ритуал имел реальное значение, то есть Орден едва ли не с момента своего возникновения был силой антихристианской, а это опровергается всей историей Ордена. И никогда бы добрые христиане не согласились исполнять такой «ритуал», а большинство тамплиеров были добрыми христианами, это можно считать доказанным. Вот и наш любимый Ги Фо пишет: «Историки стараются доказать, что речь шла лишь о шутке над новобранцами, призванной в извращённой форме указать неофиту на его обет подчинения, напомнив ему о тройном отречении св.Петра. К сожалению, сами тамплиеры никогда ничего подобного не говорили, хотя речь шла о спасении их жизней, руководители никогда не давали таких объяснений, хотя речь шла о спасении Ордена...».

– Да, действительно очень странно, что ни Моле, ни Шарне, ни Пейро не дали вообще никаких объяснений, даже таких дурацких, какие дал Гонневиль. Почему?

– Да потому что они ничего об этом не знали, а Гонневиль лишь строил догадки, столь же неудачные, как и догадки современных историков. Но я тебя умоляю, потерпи, об этом позже. А вот позиция историков не напрасно вызывает у Ги Фо скептицизм. Беда в том, что историки эти сами – вряд ли христиане и психологии христианина совершенно не понимают. Ни один христианин не станет «шутить» по поводу отречения от Христа. От такой «шутки» у любого церковного человека мороз по коже пробежит. И ни один церковный иерарх никогда не станет проверять верность организации через готовность отречься от Христа. Любому наугад взятому христианину без объяснений понятно, что верность Христу всегда превыше верности человеку, будь он хоть патриархом, хоть магистром, хоть воинским начальником или даже духовником. Даже если ангел предлагает отречься от Христа – анафема этому «ангелу»!

– Короче, Ги Фо справедливо посмеялся над историками, мы столь же справедливо посмеялись над Ги Фо, с его «теорией ереси». Объяснений больше не осталось?

– Одно осталось. Твой покорный слуга убеждён: иногда некоторым тамплиерам предлагали отречься от Христа, желая проверить, насколько они верны Христу. Подчёркиваю: таким образом проверялась не верность начальству, а верность Христу.

– Ну, над этим объяснением тоже лишь самые ленивые не посмеялись. Луи Шарпантье, к примеру, пишет: «Согласно одному из объяснений речь шла о своеобразной проверке кандидата, который должен был доказать крепость своей веры. Однако, это противоречит фактам: если кандидат соглашается отречься, его не должны были принимать в Орден».

– Мне известен способ избавить господина Шарпантье от его недоумения и снять то противоречие, на которое он указывает. В этом-то способе и заключается, собственно говоря, оригинальность моей версии. Итак. Любая проверка эффективна лишь до тех пор, пока никто не знает, что это проверка. А теперь представь себе: кандидату предлагают отречься от Христа, он отрекается, и его не принимают в Орден. Даже если ему не объясняют причину отказа, и то самый тупой догадается: его не приняли, потому что он не прошёл проверку. Представь, что вот так отказали в приёме хотя бы нескольким кандидатам. Эти люди не принадлежат к Ордену, ничего ему не должны, у тамплиеров нет способов запугать их и заставить молчать. Они же всем расскажут, что есть там, у тамплиеров, одна проверочка, которую они не прошли. Громко-то, конечно, не будут рассказывать, всё-таки от Христа отреклись и хвастаться тут нечем, но хоть за бутылкой да проболтаются, хоть близким друзьям, да шепнут на ушко. А если представить себе, что таких непринятых наберётся хотя бы сотня – тайна проверки будет неизбежно раскрыта. И тогда любого желающего вступить в Орден родственники и друзья будут напутствовать: «Тебе там предложат от Христа отречься, так ты ни в коем случае не соглашайся. Откажись отречься и тебя примут». То есть, если не принимать отрекшихся от Христа, то и проверку такую вскоре уже невозможно будет проводить, поэтому приходилось их всё-таки принимать. Кандидат, отрекшийся от Христа, так и не узнавал о том, что это была проверка, и о том, что он её не прошёл, благодаря чему новых кандидатов по-прежнему можно было проверять таким образом.

Вот почему весьма наивно и совершенно неубедительно звучит следующее опровержение Марселя Лобе: «Лавока утверждает, что тот факт, что при вступлении в Орден в некоторых домах тамплиеров существовало некоторое количество монахов, которые вынуждены были пройти испытание отречением от Иисуса Христа, плюнуть на крест, говоря, что речь шла только об испытании. По словам Лавока, таким образом, тамплиеры хотели удостовериться, согласится ли новый член Ордена отречься от Господа, если попадёт в руки к сарацинам. Это толкование противоречит само себе: если желающий быть принятым в Орден отрекался от Христа, он считался покорным, но одновременно и потенциальным вероотступником. Или же он был твёрд и непоколебим в вере, но непокорен».

Господина Лавоку не читал и с его аргументами не знаком, однако, он прав, а господин Лобе заблуждается. Он, очевидно, не христианин и не понимает, что для любого христианина верность Христу всегда превыше верности начальству. Тамплиеры никогда не стали бы проверять верность Ордену, предлагая отречься от Христа, такая непокорность могла их только порадовать. Проверяли только верность Христу, так что никакого противоречия нет.

– Эта концепция, кроме твоей блестящей логики, подтверждена какими-либо фактами?

– Да, эта концепция как раз единственная имеющая множественные подтверждения в материалах процесса. К примеру, два сержанта говорили, что это было испытание, которое нужно было пройти на тот случай, если мы попадём в плен, и неверные будут заставлять нас отречься от Господа. Тамплиер Пьер Пакор говорил: «Если бы я отказался отречься, меня бы отправили на Святую Землю». Это изумительное подтверждение версии проверки. В Святую Землю отправляли только тех, чья верность Христу была доказана, и если кто-то не хотел воевать, то лучше ему было продемонстрировать свою ненадёжность.

– Но ты говорил, в Ордене скрывали, что это была проверка, а тут рядовым сержантам это странным образом известно.

– Информация в конечном итоге просачивалась. Если бы не скрывали, что это проверка, такой способ проверки продержался бы пару месяцев, а он продержался пару десятилетий –

утечек было не предотвратить. Иногда тех, кто отказался отречься, приходилось успокаивать и, чтобы они не подумали, что оказались в еретическом сборище, им по большому секрету сообщали, что это была проверка. Тайна постепенно становилась известна сотням и тысячам человек, большинство из которых добросовестно хранили эту тайну, но не все. Сегодня любой человек, который занимается безопасностью информации, скажет тебе, что при таком огромном количестве секретоносителей утечки совершенно неизбежны. Помнишь, Бертрану Гаеку, который отказался отречься от Христа и тут же вступил в бой, после боя сказали, что это была проверка. Под большим секретом сказали. Да он, наверное, и не болтал, но на процессе эту тайну уже не имело смысла хранить.

Профессиональные историки очень любят одёргивать дилетантов: «Ну это всё ваша логика, а доказательства-то где?». Так вот вам навскидку четыре прямых свидетельства из материалов процесса, и то я ещё не шерстил все материалы ковровым методом, а то и больше бы нашёл. А другие версии? Существование в Ордене ереси? Ни одного подтверждения в материалах процесса. Выхолощенный ритуал? Ни одного подтверждения. Отречение от отречения Петра? Ни одного подтверждения.

– А Гонневиль?

– Так он же лишь высказывает догадку и, надо сказать, малоценную. Его догадка сама нуждается в подтверждениях, которых не находит. Так же другая его догадка – следование обычаю, заведённому магистром-отступником. Никто это не подтвердил. Итак, только моя версия имеет целый ряд прямых подтверждений в материалах процесса, да кроме того, ещё множество косвенных. Сюда относятся все свидетельства о том, что тамплиеров, отрекшихся от Христа, командоры посылали на исповедь, каяться в этом грехе. Если это был такой мало кому понятный ритуал и вообще обычай Ордена, так в чём же каяться? Новичок выполнил требование руководства, а его заставляют в этом каяться. Странно, не правда ли? Этому можно дать только одно убедительное объяснение: командор, ради проверки спровоцировав новичка на грех, посылал каяться в этом грехе. Помнишь, как сержанту Жану де л'Омону, отрекшемуся от Христа, командор сказал: «Кретин, иди теперь исповедайся». Куда ещё красноречивее? Новичок выполняет требование наставника, а наставник называет его за это кретином. Совершенно очевидно: наставник надеялся, что новичок не выполнит его требование. Он разгневался из-за того, что Жан не прошёл испытание и теперь в Ордене будет на одного надёжного тамплиера меньше.

Версию проверки доказывает и то, что от тамплиеров, которые отреклись от Христа при вступлении в Орден, никогда больше не требовали ни каких антихристианских действий. И то, что требование отречения никак не объясняли. Иногда обещали объяснить позднее, но никогда этого не делали. Был бы это ритуал или обычай, ну так хоть кому-нибудь сказали бы: «Такой у нас обычай» или «Это древний ритуал, тебе не надо его понимать». И про параллель с отречением Петра отчего же было не сказать? И если отречение от Христа было частью антихристианской доктрины, так очевидно в сети инквизиции должен был попасть хоть один человек, знавший об этой доктрине больше, чем сообщалось новичкам. Но поскольку это была проверка, так она естественно не имела никаких дальнейших последствий кроме того, что отрекшемуся тамплиеру не доверяли, о чём он сам мог не догадываться.

– Да, я встречал в книгах версию проверки и мне показалось достаточно убедительным то, как её опровергает Ги Фо: «В этом случае, тамплиеры вряд ли отказались бы дать подробное объяснение, которое подтвердило бы полезность испытания». Действительно. Устраивали в Ордене проверку. Несколько радикальный характер проверки породил подозрение в том, что Орден был сборищем хриstopродавцев. Ну так скажите же на процессе: «Мы всего лишь проверяли твёрдость веры новичков». Кричите об этом на каждом допросе. Это же хорошая отмазка. Что же молчали?

– Так ведь не молчали же. Я тебе привёл свидетельства четырёх человек, которые прямо заявили, что это была проверка. А сколько таких свидетельств просто не подшили к делу? Инквизиторов такое объяснение не очень-то устраивало. Если это была проверка, значит Орден не виновен, если Орден не виновен, значит король не прав, а если король не прав, то как бы инквизитору самому не оказаться на костре.

– Ну ладно, свидетельские показания о проверке есть. Но они исходят от сержантов и рядовых рыцарей. Почему же четыре высших иерарха Ордена не дали такого объяснения? Когда они выступали перед папской комиссией, это был уже не застеноч инквизиции, комиссия была бы вынуждена запротокोलировать их признание, и правда бы открылась всему миру. Ведь они могли не только сделать это заявление, но и доказательства привести.

– И вот тут мы подходим к самому интересному. Четыре высших иерарха не сказали о том, что это была проверка, потому что они об этом не знали. А не знали они об этом потому, что сами в своё время не прошли проверку и соответственно не принадлежали к числу лиц, которым положено много знать. Ты посмотри, как ведёт себя Жак де Моле. Сначала он признаётся в том, что при вступлении в Орден отрёкся от Христа, а позднее принуждал к этому других. Он даже отправил письмо заключённым тамплиерам, призывая их последовать его примеру и признать свою вину. Но уже в декабре 1307 года в присутствии кардиналов он отказывается от первоначального признания. Потом пытается выступить в защиту Ордена, но издаёт лишь бессвязное мычание, потом отказывается защищать Орден, говоря, то не сумеет это сделать. Потом опять сознаётся в отречении от Христа. А перед смертью снова говорит, что возвёл на Орден напраслину, что сам он всегда верил в Святую Троицу.

Неужели ты не видишь человека с очень слабой волей и чрезвычайно внушаемого? Такие всегда говорят то, что от них хотят услышать. На такого достаточно топнуть ногой посильнее, да гаркнуть погромче, и он от чего угодно отречётся и в чём угодно сознается. Приказали в момент вступления в Орден отречься от Христа. И от отрёкся. Много лет спустя суровые инквизиторы приказали в этом сознаться. И он сознался. Потом ласковые кардиналы сказали, что ему ничто не угрожает, он может говорить смело. И он отказался от признаний. Ему говорят: тогда защищай Орден. А ему и сказать нечего. Тогда ему намекнули: признаешься – отпустим на свободу, многих уже отпустили. И он опять во всём признался. Только вместо обещанной свободы его приговорили к пожизненному заключению. Тут уж он на всех обиделся и окончательно от всего отказался. Его смерть не столь уж героична. Его обманули, пообещав свободу, он был так потрясён этим обманом, что не смог его простить.

– И всё-таки перед смертью он, кажется, искренне заявил о святости Ордена и о своей вере в Святую Троицу.

– Конечно, искренне. Для него отречение от Христа было не более чем позорным эпизодом давно минувшей юности. Ну испугался тогда страшных угроз командора, отрёкся от Христа. Потом ему никто об этом не напоминал, и сам он постарался об этом забыть. А так он, конечно, не был никаким еретиком. Отрёкся от Христа, потому что начальство приказало, и верил в Христа, потому что все верят. И на мессу, и на исповедь ходил, потому что все ходят. И вот докопались до старика: ты на других не кивай, ты за себя говори. Ну он вообще растерялся. В жизни ведь своего мнения не имел. Вот и завертел головой: то один совет примет, то другой. Запутали его.

– Да я тоже без симпатии отношусь к Жаку де Моле, но ты не слишком на него наезжаешь?

– Может и слишком, но для меня это очень личное. Чисто русская боль: в Российской Империи верили в Бога, потому что говорили, что так надо. Потом пришли большевики и сказали, что не надо верить в Бога, и все дружно побежали храмы разрушать. Сейчас говорят, что в Бога верить не запрещено, и толпы побежали свечки ставить. А скажи им, что обязательным

условием приёма на какую-нибудь престижную работу является отречение от Христа, многие и не задумаются: «Ну раз уж так надо...». Вот тебе и Жак де Моле.

– Так и есть. Но вернёмся к нашим баранам. С твоих слов получается, что Моле, Шарне, Пейро и Гонневиль не были настоящими руководителями Ордена. Не они руководили проверками, они сами не прошли проверку, о чём и не догадывались. Им и в голову не приходило, что тамплиеры делятся на «чистых» и «нечистых», и уж тем более они не знали, что сами принадлежат к «нечистым», то есть лишённым доверия. Но тогда получается, что в Ордене была параллельная иерархия, некие тайные руководители, которые проводили проверки и которые владели результатами проверок.

– Совершенно верно. В Ордене была тайная иерархия.

Сиверцев тяжело вздохнул и на некоторое время замолчал. Молчал и Серёга, казалось, понимая, что происходит с его собеседником. Потом Сиверцев начал с трудом говорить:

– «Внутренний круг тамплиеров»... Ты знаешь, какие чувства вызывает его упоминание? Плохие чувства. О «внутреннем круге», о «параллельной иерархии» любят порассуждать всякие масоны и эзотерики. Им это надо для того, чтобы доказать, что были в Ордене «посвящённые», которые, в отличие от «стада» исповедовали некое тайное мистическое учение, разумеется, не христианское. И вот теперь ты туда же. Но мы уже доказали, что не существовало никакой «тамплиерской ереси», что Орден Храма не содержал никакой антихристианской доктрины. Зачем тогда нужна тайная иерархия? На какой основе она может появиться, если нет тайной доктрины?

– Я понимаю, Андрюха, что ты не любишь масонов, но ты объелся масонской литературой и понемногу начинаешь мыслить как они. Ну кто тебе сказал, что тайны бывают только религиозные? А военные тайны? А коммерческие? А военные и коммерческие тайны врагов? Свои тайны надо хранить, тайны врагов по возможности выведывать. И то, и другое надо уметь. Это очень специфичная деятельность, требующая особых навыков. Этим занимаются особые секретные структуры. Любая разветвленная, тем более международная, организация как в Средние века, так и в наши дни имеет в своем составе секретную службу, сотрудники которой занимаются выведыванием чужих тайн и охраной своих. Это разведка и контрразведка. Руководитель секретной службы всегда знает больше, чем руководитель всей организации, которому он подчиняется, а в итоге ещё не известно, кто кому подчиняется. Владение секретной информацией всегда сообщает дополнительные возможности, то есть власть над другими людьми, включая собственных руководителей. Руководитель секретной службы сам решает, какую информацию «докладывать наверх», а какую не докладывать. Секретная служба – всегда «государство в государстве». Порою она может проводить политику отличную от политики официального руководства и даже противоречащую ей. Итак, я утверждаю: «тайной иерархией» Ордена Храма была секретная служба Ордена. Тамплиерские «особисты» не содержали ни какого тайного учения и отличались от других тамплиеров тем, что имели доступ к военным, коммерческим и политическим тайнам. Естественно, они имели реальной власти куда побольше, чем какие-то Моле и Шарне.

– Ну знаешь, так можно что угодно нафантазировать. Я, к примеру, вообще ни чего не слышал о существовании секретных служб в Средние века, хотя читал по средневековью очень много. Кажется, разведка и контрразведка обрели черты самостоятельных структур гораздо позже, уже в новое время.

– А ты знаешь, когда именно?

– Не в курсе.

– Так вот давай-ка это проясним. Вообще, шпионаж вечен. Разведывательные операции описаны ещё в Библии. Но, разумеется, в разные эпохи у разных народов этот вид деятельности был в большей или меньшей степени развит. Раннее средневековье – эпоха государственного хаоса и очень слабых международных связей, конечно, не могло породить сильных

спецслужб, утратили и то, что досталось в наследство от Рима. А в Риме была своя секретная служба, которую условно именуют «Пятая стража», но навыки «Пятой стражи» были утеряны. Конечно, при каждом герцогском и графском дворе были свои шпионы и соглядатаи, но это были отдельные «профи», а не структуры. Раннее средневековье фактически не знало спецслужб. Однако, постепенно государства усиливались, международные связи развивались и становились всё более разветвлёнными, экономическая деятельность усложнялась. Разумеется, это привело к развитию спецслужб, которые постепенно складывались в самостоятельные структуры.

Вот что пишет об этом наш старый знакомый Гейдар Джемаль: «Секретная служба, как институт сбора и анализа международной информации, связанной с интересами власти и бизнеса, возникла в Европе в XIII столетии. Первоначально она выражалась во взаимодействии рассеянных по Европе ростовщических контор, чьи хозяева обменивались между собой сведениями, касающимися конъюнктуры рынка и более специальной информацией, относящейся к правящим элитам. На эту международную сеть ростовщиков стали позднее опираться и правители, которым нужно было получить какие-то данные о других государствах через неофициальные каналы. Ростовщическая система стала одновременно и первой международной резидентурой. «Ломбардцы» получили возможность влиять на принятие политических решений не только денежными ссудами, но и поставкой соответствующим образом препарированных сведений».

– Но Джемаль ни слова не говорит о секретной службе Ордена Храма.

– Вот это-то и самое ценное. Меня, как специалиста по тамплиерам, можно заподозрить в том, что я подгоняю действительность под свою концепцию Ордена Храма – предаюсь произвольным фантазиям, выдумываю какие-то секретные службы, просто потому, что мне удобен такой способ интерпретации истории Ордена. Джемаль в этом заподозрить невозможно. Когда он писал то, что я цитировал, он про Орден Храма вообще не думал, то есть в этом вопросе он объективен по определению. А вот теперь давай посмотрим, насколько то, что он пишет, относится к Ордену Храма.

Европейские секретные службы сформировались в XIII веке. Это самый что ни на есть тамплиерский век – пик развития Ордена. Секретные службы выросли из потребностей ростовщической, то есть банковской деятельности. Это одно из важнейших направлений деятельности Ордена Храма. В развитии банковского дела тамплиеры куда как превзошли ломбардцев, о которых пишет Джемаль, и если уж ломбардцы начали развивать секретные службы, то тамплиеры и подавно. В самом деле – едва лишь начнёшь заниматься широкомасштабными международными финансовыми операциями, как тут же поймёшь, что при этом весьма полезно владеть закрытой информацией, которую твои партнёры и противники склонны скрывать. А едва лишь получишь первый опыт приобретения и использования закрытой информации, едва оценишь дополнительную прибыль, которую принёс этот опыт, как тут же захочешь иметь вместо пары-тройки тайных агентов серьёзную специализированную структуру по добыче информации. Заодно поймёшь, какой ущерб принесло твоим конкурентам выведывание их секретов, после чего не пожалеешь никаких усилий на сохранение своих секретов.

Джемаль пишет, что одновременно с получением финансовой информации банкиры понемногу начали сбор информации, относящейся к правящим элитам. Ну тут уж ломбардцы тамплиерам в подмётки не годились. Тамплиерские позиции при европейских дворах были гораздо прочнее, потому что тамплиеры принадлежали к аристократическим элитам и в силу этого имели возможность проникать туда, куда презираемых торгашей-ломбардцев и на порог бы не пустили.

А кроме того у тамплиеров для развития секретной службы было на одну причину больше, чем у ломбардцев – необходимость сбора закрытой военной информации. Каковы

реальные боевые силы противника? Каковы замыслы противника? Не бывает войны без разведки, а тамплиеры вели постоянную войну.

– Но я, признаться, нигде не читал о секретной службе Ордена. Есть ли хоть косвенные намёки на то, что она существовала?

– Да, разумеется. Есть немало таких указаний, относящихся к периоду правления Гийома де Боже. К примеру, однажды тамплиеры предупредили султана Калауна о том, что при его дворе созрел заговор. Ты только вдумайся: тамплиеры лучше султана знали, что происходит при его дворе. Такая осведомлённость – результат прекрасно поставленной работы разведслужбы. А есть к примеру свидетельство о том, что некий эмир, находящийся на жаловании у де Боже, постоянно сообщал ему ценные сведения.

– Но здесь в роли руководителя разведки выступает сам магистр, а не начальник секретной службы Ордена.

– Похоже, что именно де Боже был инициатором оформления Секретной службы Ордена, как самостоятельной структуры, фактически, её создателем. До этого он сам руководил разведывательными и контрразведывательными операциями, у него были доверенные лица, выполнявшие специальные поручения. Потом эти лица получили распорядительные функции. Возникла спецслужба, которая могла действовать как по поручению магистра, так и в тайне от магистра и даже вопреки его воле. О де Боже все говорили, как о человеке мудрейшем, он, надо полагать, хорошо видел всё усиливающиеся признаки разложения Ордена, а потому создал структуру, которая сможет действовать во благо Ордена без воли высшего руководства тамплиеров, в том случае, если процесс разложения затронет само руководство.

– Ну теперь понятно, что за фигура – Арман де Ливрон из твоего опуса. Но он, насколько понимаю, персонаж вымышленный. А есть хоть некоторые исторические указания на лиц, занимавшихся в Ордене секретной работой?

– Однажды рядом с именем де Боже упоминается некий брат Матье Дикарь, как специалист по агентурной работе. Больше мы это имя никогда не встречаем. Куда больше следов оставила другая загадочная персона, провансальский рыцарь Ронселен де Фо, принятый в Орден в 1281 году Гийомом де Боже.

Жоффруа де Гонневиль заявил на первом допросе: «Есть некоторые, кто считает, что это (отречение от Христа) было одно из плохих и извращённых введений в уставы Ордена магистра Ронселена». Гонневиль, как мы помним, занимался гаданием, то есть всего лишь высказывал предположения, как это мог бы делать любой внешний по отношению к Ордену человек. Вполне возможно, Гонневиль «что-то такое слышал», то есть в некоем туманном слухе имя Ронселена де Фо встало в один смысловой ряд с практикой отречения от Христа. Это вполне могло быть в том случае, если де Фо был главным организатором соответствующих проверок и хранителем информации о результатах этих проверок. К тому же имя де Фо не раз упоминается в качестве наставника, руководившего приёмом в Орден. Не раз обращали внимание на то, что Ронселен, которого Гонневиль назвал магистром, на самом деле не был магистром и даже делали в этой связи предположения вроде следующего: «Кажется, он не поднимался по иерархической лестнице, но это может придать некую правдоподобность версии о второй, параллельной и тайной иерархии». Тут надо кой-кого разочаровать. На самом деле Ронселен де Фо был магистром Прованса. Впрочем, он вполне мог совмещать эту должность с функцией руководителя секретной службы Ордена. По всему похоже, что реальный удельный вес Ронселена существенно превышал стандартный удельный вес провинциального магистра. Видимо, этот человек действительно был одним из самых доверенных лиц Гийома де Боже – последнего магистра Ордена, которого по праву можно назвать великим. Про де Фо писали: «Осмотрительный, пользовавшийся весьма высокой репутацией дипломат». Ну кто же ещё занимается разведкой, как не дипломаты? То что эти функции весьма удобно совмещать, открыли отнюдь не в XX веке.

– А как ты относишься к «тайным уставам магистра Ронселена», которые всплыли в 1877 году?

– «Уставы Ронселена» – явная, причём – довольно грубая подделка. Это даже доказывать скучно. Появление этого нелепого «документа» доказывает лишь одно – сторонники версии существования у тамплиеров тайного антицерковного учения ничего не могут доказать, не опираются ни на факты, ни на логику и, как это всегда бывает в таких случаях, начинают стряпать фальшивки. Впрочем, некоторые вполне добросовестные исследователи чувствуют в материалах процесса следы тайной иерархии, только не могут понять, что это не признак тайной доктрины, а признак существования людей, которые занимались спецоперациями. Такими операциями, которыми представители всех времен и народов занимались в тайне.

– То есть ты хочешь сказать, что Гийом де Боже не только структурировал разведку и контрразведку Ордена, но и придал ей функции службы собственной безопасности, а так же обеспечил этой тамплиерской ССБ самостоятельность от высшего руководства Ордена, с тем, чтобы "особисты" в случае необходимости могли взять судьбу Ордена в свои руки?

– Именно так.

– Но тогда возникает большое недоумение. Как же тамплиерская ССБ допустила, что высшими руководителями Ордена стали люди ненадежные, при вступлении в Орден отрекшиеся от Христа? Зачем выявлять людей, которым нельзя доверять, если они потом получают высшую власть?

– Во-первых, контролировать процесс – ещё не значит им управлять. Руководитель секретной службы Ордена, не наделенный прямыми властными полномочиями, вполне возможно, просто не мог, при всем своем желании, предотвратить приход к власти изменника де Моле. А, во-вторых, надо учитывать психологию хорошего христианина, совершенно не доступную пониманию большинства историков Ордена. Они мыслят линейно: если мы знаем, что этот человек плох, значит его нельзя допускать к руководству. Но христианин может мыслить совершенно иначе. Если Бог попускает изменнику стать лидером, значит в этом может быть высший смысл, недоступный простому человеческому пониманию и тогда лучше ограничить проявление собственной воли, чтобы дать место воле Божией. Если Орден желает избрать де Моле магистром, значит Орден не достоин лучшего магистра, и тогда бесполезно препятствовать его избранию, прогневший Орден нет смысла защищать от де Моле, пусть всё идёт, как идёт, да свершится воля Божия.

– А Орден действительно прогнул?

– Ты сам посуди. Когда-то такие люди, как Шарне, Пейро и Гонневиль отреклись от Христа, так и не узнав, что это была проверка. Потом они сами, принимая в Орден новичков, заставляли их отречься от Христа, опять же не зная, что проводят проверку. Они возможно даже добавляли к ритуалу отречения дополнительные кощунства, каковых проверка вовсе не требовала. И как же они сами должны были понимать членство в Ордене? Они-то уже были уверены, что принадлежат к антихристианской силе, и это их не смущало. То есть Орден в определенной своей части действительно стал антихристианской силой. Это ли не гниль? А ведь магистра в Ордене выбирали. Будь Орден здоров, так ни когда бы не выбрали магистром де Моле, безо всяких проверок хорошо почувствовав, что ненадежный он человек.

– Так в чем же был смысл проверок, если знавшие о их результатах, не желали использовать эту информацию? Вот Ги Фо пишет: «Если существовала параллельная иерархия, чем она занималась во время процесса? Ни где не видно, чтобы тайные руководители стремились оказать хоть малейшую помощь узникам и тем более защитить Орден от опасности. Нас хотели бы заставить поверить, что их единственный заботой была эвакуация архивов и богатств, после чего они исчезли, не оставив следов. Я не мог бы принять столь легковесное объяснение».

– Иногда мне кажется, что Ги Фо – прямой потомок Ронселена де Фо. Очень уж аналитик хороший. Но Ги, в отличие от Ронселена, вряд ли вообще христианин, и это очень скверно

сказывается на качестве его аналитики. Господин Фо не может качественно реконструировать систему мотиваций настоящих христиан, а она, надо сказать, совершенно иная по сравнению с системой мотивации атеистов. Ги Фо исходит из того, что тайная иерархия, если таковая существовала, должна была попытаться во что бы то ни стало спасти Орден. Но если тайные иерархии были искренними христианами, они не стали бы спасать Орден, стремительно обретавший черты антихристианской силы. Даже более того – именно тайная иерархия тамплиеров могла приговорить Орден к уничтожению.

– Это не через край?

– В самый раз. Когда затеяли проверки, ни кто ведь не знал, к каким результатам они приведут. Может быть, надеялись таким образом выявить горстку отщепенцев. Но отщепенцев оказалось не горстка, а добрая треть, если не половина французских тамплиеров. И даже более того: именно из этих отщепенцев тамплиеры почему-то предпочитали выбирать руководителей. Что тогда должны были сделать тайные иерархии? Невозможно ведь было скоординировать: хорошие – направо, плохие – налево. А в начале XIV века ситуация вообще обострилась: для таких, как Гонневиль и Пейро отречение от Христа стало традицией Ордена. Процесс проверок начал выходить из-под контроля ССБ. То что первоначально было проверкой, начало понемногу обретать черты реального антихристианского ритуала. Одновременно среди тамплиеров ещё оставалось значительное количество настоящих, искренних христиан. Но Орден был поражён гангреной, и спасти его могло только оперативное вмешательство. Не удивительно, если тайные иерархии тамплиеров избрали на роль скальпеля короля Филиппа, то есть сами организовали донос на Орден. Так можно было всех отщепенцев отдать в лапы Ногаре, а всех верных заранее предупредить и спасти.

– Но, судя по материалам процесса, среди арестованных тамплиеров оказалось немало верных Христу.

– Да, разумеется. Такие масштабные операции ни когда не проходят безупречно. Кого-то могли не успеть предупредить. Единственным средством связи тогда был человек на коне, и тайная иерархия вряд ли могла иметь мощную курьерскую службу, а командорств во Франции было под тысячу. Многие могли просто не поверить этому предупреждению. Ведь официальных полномочий представители секретной службы не имели и не могли просто отдать приказ: «Исчезни в утреннем тумане». Возможно, некоторые предупреждённые отказались бежать из чувства долга, пожелав разделить судьбу Ордена. Или не было технической возможности спасти всех. И, наконец, многие по ходу процесса, производящие впечатление верных, вполне сознательно не были предупреждены, потому что в своё время отреклись от Христа, но в застенке проявили неожиданную силу духа. Могли быть десятки причин, по которым под топор инквизиции попали не только изменники, но и верные, хотя общий замысел операции был именно в том, чтобы сдать изменников и спасти верных. Мы не можем судить о том, насколько гладко проходила операция уже хотя бы потому, что не имеем точных представлений ни о том, сколько всего было тамплиеров, ни о том, сколько спаслись.

– Но ты точно уверен, что большинство верных тамплиеров были предупреждены о предстоящих арестах?

– Вне всякого сомнения. Уж если в Святой Земле тамплиеры лучше султана знали, что происходит при султанском дворе, так они тем более хорошо знали, что происходит при дворе короля Франции, а король, напомним, отдал приказ об арестах за месяц до арестов – было время всех предупредить. Кроме того, это подтверждают и материалы процесса. В розыск было объявлено 12 тамплиеров. Как они могли бежать, если не знали об арестах заранее? Хотя бежавших, без сомнения, было гораздо больше. Одному тамплиеру, которого позднее схватили в Париже, удалось бежать за две недели до начала арестов. Жан де Вобелан, сержант тамплиеров из Суассона, признался комиссии, что был предупреждён об арестах за три дня. В Тулоне 7 тамплиеров, вероятно, предупреждённых, сумели вовремя скрыться. Не понятно, был ли

вообще арестован магистр Прованса Бернар де Ла Рош. Папа Климент приказывал доставить его на собор, но в материалах процесса магистр Прованса не фигурирует. По всем признакам, он бежал до арестов. А наиболее элегантно исчез Жерар де Вилье, магистр Франции. Вот уж кто точно всё знал, и не за месяц, а больше.

Жерар де Вилье стал магистром Франции в 1300 году. Последние упоминания о нём относятся к февралю 1307 года. В июне в качестве магистра Франции документы подписывает Гуго де Пейро, генеральный досмотрщик Франции. Заметь, на должность магистра никто не был назначен, де Пейро лишь исполняет его обязанности. Нет никакой информации о том, что де Вилье умер или погиб или был смещён с должности. Убедительное тому подтверждение – он фигурирует в списке 12-и сбежавших тамплиеров в октябре 1307 года.

Жан де Шалон, племянник Гуго де Пейро, так же бежавший, но позднее схваченный, рассказал о том, что незадолго до арестов он видел Жерара де Вилье ведущего 50 лошадей и слышал разговоры о том, что он вышел в море с 18-ю галерами.

– Значит, не все иерархи Ордена были насквозь гнилыми, и секретной службе было на кого опереться.

– Конечно. Жерар де Вилье, магистр Франции. Энбер Бланк, магистр Оверни, бежавший, потом арестованный и отвергший все обвинения. Бернар де Ла Рош, магистр Прованса. Оливье де Пени, магистр Ламбардии, защищавший Орден и бежавший в феврале 1308 года из неохраняемой гостиницы. Ни в чём не сознались ни магистр Англии, ни маршал Ордена. Можно назвать ещё ряд достойных иерархов, а нам постоянно мозолят глаза фамилиями четырёх гнилушек: Моле, Шарне, Пейро, Гонневиль.

– Но вот ты знаешь... Поведение некоторых верных тамплиеров во время процесса, и в особенности активных защитников Ордена, никак не производит впечатление того, что они подвергались проверкам. Слишком явную растерянность и слишком большое возмущение вызывает у них обвинение в отречении от Христа. Если бы им предлагали отречься, а они бы отказались, тогда они хорошо знали бы о чём идёт речь и, полагаю, строили бы свою защиту иначе.

– Убеждён, что проверкам подвергались далеко не все и может быть даже не большинство. Иногда могли проверять тех, в чьей религиозности сомневались, иногда, напротив, тех, на кого возлагали очень большие надежды и хотели иметь твёрдую уверенность в их верности Христу. Думаю, многие защитники Ордена никогда не подвергались проверкам, а потому были так ошарашены обвинением. Убеждён, что участников непрерывных боевых действий так же никогда не проверяли. Было бы слишком цинично проверять верность Христу у людей, которые каждый день рискуют жизнью ради Христа. Помнишь, Бертрана Гаека в Святой Земле уже начали проверять, процедура была прервана боем, а после боя проверку уже не стали возобновлять. Человек только что показал себя героем в схватке с сарацинами, неужели нужны ещё какие-то доказательства его верности Христу? Так же, думаю, никогда не пытались проверять таким образом тамплиеров Арагона и других пиренейских провинций Ордена. Они не вылезали из непрерывной войны с маврами, какие тут ещё могут быть проверки? Потому арагонские храмовники были максимально обескуражены и возмущены выдвинутыми обвинениями. Возможно, что в Англии, Германии, Италии проверки так же проводились не часто. В основном проверки проводились в отношении «золотой молодёжи» Франции, парижских мальчиков, никогда не нюхавших большой войны и не желавших сражаться за Христа.

– А тех, кого не подвергали проверкам, спасали или нет?

– А я, по-твоему, способен видеть через века? Я говорю про общую схему, детали которой мне неизвестны, а фантазировать нет желания.

– И всё-таки, по всему очевидно, что под пресс процесса, под инквизиторские пытки попало значительное количество ни в чём не повинных тамплиеров.

– Согласен, но это не опровергает моей версии. Операция по спасению здоровой части Ордена была так сложна, что не могла пройти безупречно, и то, что тебе кажется нестыковками версии, было трагическими издержками операции или частными неудачами тех, кто её проводил. Тамплиерские «особисты» могли действовать заведомо жестоко, вполне понимая, что отдадут на растерзание многих невиновных, но ту ситуацию было уже не разругать гуманно и деликатно. Ставки были слишком большими, чем-то приходилось жертвовать. Они ведь уже не только спасали здоровую часть Ордена, но и предотвращали появление в Европе откровенно антихристианской силы, в каковую ещё далеко не превратился, но вполне мог превратиться Орден тамплиеров. А Ги Фо недоумевает: почему же тайная иерархия себя не проявила? Да проявляла-то она себя не в спасении тела Ордена, а в спасении его души. Не было задачи во что бы то ни стало сохранить Орден, как организацию, была задача выжечь гниль из сердца Европы любой ценой. И в исполнении этой задачи король Филипп был, как ни странно, невольным союзником тайной иерархии.

Для безбожных историков кажется немыслимым: как это посылали на смерть своих? Но, может быть, невинно пострадавшие тамплиеры тем самым спасли свои души и даже более того – удостоились венца мучеников? Для настоящих христиан спасение души всегда приоритетно по сравнению со спасением тела, и думаю, что тайные иерархии Ордена основывались именно на этом убеждении.

– Значит, ты уверен в том, что инициатором уничтожения Ордена Храма была тайная иерархия тамплиеров?

– В этом я как раз не вполне уверен. Допускаю, что так и было, считаю это вполне возможным, но полагаю так же возможным и другой вариант. Тайная иерархия могла не иметь никакого отношения ни к доносу на Орден, ни к желанию Ногаре уничтожить Орден. Но тайная иерархия безусловно знала о намерении уничтожить Орден, как только это намерение появилось и, возможно, решила не препятствовать ему. «Да свершится воля Божия!». У тамплиерских «особистов» было время оценить перспективы, связанные с разгромом Ордена, и они оценили эти перспективы как преимущественно благоприятные с духовной точки зрения. Вероятнее всего, у них давно уже были планы исхода в «царство пресвитера Иоанна». Когда в 1302 году провалилась последняя конвульсивная попытка укорениться на Святой Земле, «особисты» надо полагать, сразу же приступили к детальной проработке этих планов, а когда узнали, что король решил уничтожить Орден, расценили это, как знак свыше – решение короля давало возможность освободить Орден от балласта накопившейся гнили. А в итоге мы сидим с тобой в Эфиопии и обо всём этом рассуждаем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.